

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

<i>A. Елфимова.</i> «Эн бёрд. Ме тэныд сыла сыланкыв...».	
<i>Кывбуръяс</i>	4
<i>В. Тимин.</i> Викинг из Биармии. <i>Перевод Ю. Ионова.</i>	
<i>Продолжение</i>	10
<i>Н. Гоголь.</i> Ныр. <i>Вуджёдіс А. Шомысова</i>	46
<i>В. Выюхин.</i> «Какое же чудо нам жаловал Бог...». <i>Стихи</i>	61

ПЕРМСКИЕ ДРЕВНОСТИ

<i>Д. Анучин.</i> К истории искусства и верований у Приуральской Чуди	72
КАРТИНЫ ДЛЯ БОГА или ПЕРМСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ ГЛАЗАМИ... (<i>Материалы круглого стола на тему «Пермский звериный стиль в художественном и научном осмыслении»</i>)	123

АРТ-ФАКТ

<i>О. Игнатьева.</i> Пермский звериный стиль в коллекциях музеев	144
<i>Т. Туркина.</i> Зооморфная пластика из археологической коллекции Национального музея Республики Коми	154

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

<i>В. Сова.</i> Ровесники века	177
<i>Е. Остапова.</i> «Да бёр на тіян дінё менё лэбёдас-ваяс...»	184
<i>Б. Лукин.</i> Безнадёжное светлое дело (<i>О сборнике стихотворений А. Попова «Смысл дождя и листопада»</i>) ...	188

Приложение к журналу книга Е. В. Рочева «Авко»

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республиканской литературно-публицистической,
историко-культурологической, художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 03.11.11. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 7527. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с диском заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована картина В. Игнатова «Поклонение Зарни Ань». 1994. Б., гуашь. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

В оформлении заставок использованы работы А. Мошева.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йöздöтöм гижöдъяс редакция оз рецензiruit и авторъяслы найöс оз мöдöд. Редакция оз век во öти кывöй авторъяскöд.

Проза. Поэзия

Анжелика Елфимова

Анжелика Геннадьевна Елфимова чужис 1970 воын Кёрткерös районса Маджа сиктын. Помаліс Сыктывкарса искуусство училище, Горький нима литературной институт. Уджаліс «Коми му» газетын, «Чушканз» журналын. Кывбуръяссо ййээдліс «Войвыв кодзув», «Арт», «Невский альманах», «Родная Ладога» журналъясын. Петисны гижёдъясыс и торъя книгаясён: «Аддзысылтыбдз», «Вемёсён ли вётён». Анжелика ёни уджало Коми Республикаса гижисыс котырын литературной консультантойн.

Анжелика Елфимова – быдтор вылö аспёр видзёдласа, визув руа ань.

Кывбуръясыс сылён дженыдыкось, но топыдось: югнитасны, садымёдасны быдлунъя рудсыыс, шензьёдасны виччысътом строкаён. Дженыыд кывбуръяснас унатор кужё шуны.

*Гортё! Гортё!
Мамук ордö!
Кыддза йёрö,
Кöвдум кöрö!
Дзуртысь джоджö
Образ водзö...*

И – сувтан друг! Думыштчан: «образ водзö...» Со кытчö лэбёдис-вайёдис авторыс. И мёвпыштан ас йывсыыд.

Съёлёмö йиджан кывбурулён выныс молитвалён кодь. Та вёсна енбия кывбуралыс вермас лоны Енмыс дорö ёна матын, тадзи шулёны. Быд морт медвозд чепёсёй шудлань, и гёйгрвоö сийös быдён ас ногыс. Лов пыдёссыыс Анжелика гумовтö дженыыда шуёмён ассыыс гёйгрвоöмсö:

*А менам шүдлы уна оз и ков,
Мед пызан вылын – картупель да сов,
А пызан саяс кодкё ловъя лов...*

Лирикаыс Анжеликалён ставнас абу и быттьёй ёз синлы – сэні съёлём пытшкёсса бушков, но автор оз пов ни оз сетчы, сийё аддзö вын и шмонитыштын:

Тэнё ме ог дивит ньёти,
Тайё ёти.
Мырдён радейтчём он пык,
Тайё кык.
«Тёвлы вёля!» – коркё шулін,
Тайё куим.
Гёгёрвотомён эг коль,
Тайё нёль...

Лыддян да нюммунан. Чуткасысь лежнёг йылас мыччысылло мичасыс-мича дзоридз.

Либё со кутшом кывъяс аддзёма поэт миянлысь гожёмнымёс петкёдлігён. Кывбурыс сідз и вўзыйсьё коми литература хрестоматияё:

Войвыса гожёмыд
Соддзад и тёрыштö...
Кватитан кабырад, –
Неуна вёрыштас,
Неуна пёсявлас,
Кёдзавлас,
Гымыштас.
Сэсся и тёдлытёг
Лым чир моз сылыштас...

Поэзияыс Анжелика Елфимовалён нинёмын аслыс паныд оз мун, гижё сійёс, мый вёрзьёдö съёлёмсö. Олёмсö радейтёмён, бурö надеяён.

Владимир Тимин

«Эн бёрд. Ме тэныд сыла сыланкыв...»

* * *

Вашкёдчо войыскöд,
Сьёд синма чойыскöд,
Кывбур.
Сёрнилён сунисыс
Енэжлён туйясö
Шлывгö.
Кодзула ольёдьыс
Йёлаыс колльёдö
Шыяс
Корсяна-аддзытём,
Эскана-лачатём
Тыас...

* * *

Эн бёрд.
 Ме тэныд сыла сыланкыв,
 Кутшомёс коркё сывліс мамой,
 И лолыд лоас ме кодь рамён.
 Эн бёрд.
 Ме тэныд сыла сыланкыв.

Эн бёрд.
 Ме тэныд мойда уна мойд,
 И ставныс помасясны бура.
 Тадз мамой менсым съёлом вурліс.
 Эн бёрд.
 Ме тэныд мойда уна мойд.

Эн бёрд.
 Ме тэнсыд малалышта юр,
 Ас бердö топодёмён шонта.
 И мам моз вашкодышта: «Помтём
 Му вылас оломуыс».
 Эн бёрд...

* * *

Ыңжыд мамлы, кодёс ме эг төдлү

Тэнад морёс бердö некор ме эг топавлы,
 Нигён юрситорёс некор тэ эн малавлы,
 Юр пыдосс вомидзысь эн солавлы,
 Песла лои котравтём тэд, вала и.

Ӧшинь улад тэ пыдди ме волывла,
 Мый көтүй ёз томанён игналома кильчётö.
 Тода: медся шудаён сэк лолывлан,
 Кор тэ менам синмён гёгёр видзёдан...

* * *

Позис бергёдчыны, позис,
 Юрыд эз на усь,
 Бёр кё эськё лэбин позъяд,
 Менам еджыд юсь.
 Мый эн косав, мыйысь полін,
 Ачыд он ёд тёд.

Сэтшома тэ меным колін,
Еджыд дзодзёг рёд.
Öні, сё во кольём бёрад,
Кайтчы коть эн,
Выль пёв олёмтö оз шёрав
Уджён тырём Ен...

* * *

Талун, зэрой, ме тэкёд ог бёрд,
Талун, зэрой, ме нюмъяла. Видзёд!
Мед кё шудой зэв вёсни да ичёт,
Но од ловъя, а абу нин вёт.

Со и та вёсна, зэрой, тэ пёсь,
Со и та вёсна, зэрой, тэ юмов!
Юав, зэрой, вай, одийджык юав,
Кутшом ме ордын пукалё гость...

* * *

Карьяс вылё сиктъяснымёс
вежим.
Пёль-пёч ордым вылысь нетшыпштёмён
кежим
Корсыны кокныйдсё да, лёсыйдсё да,
бурсё.
Видзны кыйтём шудлысь
еджыд кусё.

Мам керкаяс вузалім да-й,
майбыр,
Оз нин сюрлы сэсся нокыс
йёрын-градын!
Мудзим копрасынтыö, дышъяс,
чужан мулы!
Кытчо, бара-й, дзебасны,
кор кулам...

* * *

Баб керкаын горт олёны шы ни тёв да бус.
 Абу найёс шызыбдысысыс. Абу.
 Пельпомъясыс сьёкыдыслы сунгысисны нюз.
 Лигышмуніс кильчо послён кабыр.

Чунгём лойнъясыс пельтёммисны пёттолёк да джодж,
 Турдомысла потласисны пачьяс.
 Синтём ёшинъясо тувъяллома куим креста потш,
 Шонді югёр на весьтö оз качлы.

Баб керкаос шойччёдёны, кёть эськё ээ мудз, –
 Быдтысис на эськё помтёг-дортёг.
 Сёмын венласынъыс оломуискёд эбосыс ээ судз.
 Со и лэбалёны йылёмъясыс поэтёг...

* * *

Вай тэкёд, зэрёй, гуранъяссё кёвтам
 Да став пондаыс лимзаломён бёрдам.
 Дзик став пондаыс, коди орчён оз нин восълав. –
 Ён толыслы мыш-морёсой дзик восъса.
 Иван Григорьевич со тшотш, и дядя Толя...
 Ме бара сэтшом ичёт! Сэтшом дзоля!
 Вай тэкёд, зэрёй, лунтыр талун бёрдам.
 Тэ мекёд, зэрёй. Сідзкё, абу ётнам...

* * *

Шондіёй-мамукёй, аттьё тэд, шаньёй,
 Сыысь, мый чужктин поэтён да аньён.

Енэжсянъ муёдзыс, донаёй, копыр
 Сыысь, мый нүодан шуд пыр и шог пыр.

Чужёмын бырлытём бериньс аттьё.
 Аттьё, мый пысасин быд юрси пратьё.

Енмён да быдтёмёй, шондіёй-мусанёй,
 Мёдарла югыдас ме дородз судзан-ё?..

* * *

Ме бара ловзи.
Мам йёв кёра лысва
нелямын войлысь мыськис лякёсъ вётъяс.
Сьёд рака позыйн
дойой тирзъё ётнас.
Пёсъ енэж эрдö лэбзъё
эскём-пышта...

* * *

Сідзи тай артмис,
Мый бара на нинём эз артмы.
Толыс төлөдіс ассыс,
А колясыс лым уло сюрис.

Кывбур вурунёс печки
Да вёсныыдик тупыльё гарти.
А тупыльй гёбочо,
Лайкмуном гёбочо тюрис...

* * *

Ок и вётёдіс зэрыс, вётёдіс!
Ок и кётёдіс зэрыс, кётёдіс!
Ок и нильзьёдіс яйёс, нильзьёдіс,
Ок и тирзьёдіс лыёс, тирзьёдіс.

Болі ма кёра вирой, да дубаліс.
Болі мыр сёкта вынёй, да шуркаліс.
Болі ыб ыджа шудой, да ляпкаліс.
Болі ош куа лолой, да лаймаліс...

Владимир Тимин

Владимир Васильевич Тимин родился 2 июля 1937 года в селе Пажга Сыктывдинского района Коми АССР. Закончил Печорский речной техникум, заочно окончил филологический факультет Кому пединститута, работал учителем, был сотрудником Кому филиала АН СССР, старшим и главным редактором Кому телевидения, главным редактором Кому книжного издательства, председателем Госкомиздата Республики Кому, главным редактором журнала «Войвыв кодзув». Член Союза писателей СССР с 1982 года, заслуженный работник культуры Республики Кому, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Викинг из Биармии

Роман

Начало в № 3 2011 года

Открытия Хеймдалль скальда

Несколько зим Бьярма прожил у Хеймдалль скальда. (Напомним, что года у норманнов считали по числу прожитых зим). Здесь он вырос из подростка почти во взрослого молодого человека.

– Почему ты взял меня к себе, Хеймдалль скальд? – однажды спросил скальда Бьярма.

– Пока не скажу, – ответил скальд. – Когда-нибудь, возможно, всё откроется само собой.

В отличие от хозяйства Бёльверка, здесь подневольных работников не было. Все жили отдельно, и у каждого были свои обязанности. Скальд имел большую лодку для выхода в море, немного разной скотины. Но главное, была у скальда некая таинственная внутренняя сила. Когда проплывавшие мимо острова викинги, пристав к берегу, похищали у него овец, он запрещал своим людям препятствовать этому и сам ничего не предпринимал, а лишь молча стоял и смотрел на грабителей. Никто не знает, почему, но овец возвращали. При этом виновато прижимали ладони к груди, кланялись и спешно убирались к своим драккарам.

Скальд пристально смотрел вслед грабителям и по-прежнему хранил молчание. Словно какая-то невидимая рука хватала за шиворот викингов и заставляла возвращать отнятых овец. Скальд никогда ни слова не говорил об этом. Может, не хотел терять свою тайную силу?..

Обязанности у Бьярмы были такие: делать всё, что скажут. Жизнь стала куда более спокойной, чем у Бёльверка. Конечно, приходилось тоже крутиться с утра до вечера. Длинношерстные белые овцы были уже за изгородью, в которых размещались и зимние помещения. Бьярма ухаживал за ними, смотрел за домашними оленями, носил воду, возился с дровами, задавал корм коровам (доили их женщины). Эту работу он не считал тяжёлой. Правда, ещё приходилось выходить в море на большой лодке, но она была намного меньше дракара Бёльверка, да и ходили в море не очень далеко. Море никогда не замерзало, и требовалось только, чтобы была нормальная погода, не штормило. Управлял хозяйством скальда человек бывалый, израненный в многочисленных боях смелый, отчаянный викинг. Это был горбоносый, с угрем на лице и тяжёлым взглядом, говоривший откровенно, чувствовалось, уставший от жизни человек. Он хромал, но, несмотря на это, в любой работе выказывал недюжинную сноровку. И при всём том весьма уважал скальда. Звали его Гrimсон Железный Нос. С ним и ловили рыбу. Лодка могла идти и под парусами, с которыми Гrimсон управлялся весьма умело. А за вёсла садились редко.

А вот у Бьярмы во времена этих походов не всё получалось так же ладно, потому что море – это не река, тут надо научиться действовать по-иному. Гrimсон, конечно, ворчал, правда, беззлобно, но одновременно учил, как надо забрасывать сети и как их тянуть. Рыба попадалась всегда, но поначалу рыбалка бывала не очень удачной. Удача приходила вместе с умением. За это времена Бьярма привык к старому викингу.

– Рыбаки Бёльверка доплывают до «банки» Фрейя, там относительно неглубоко, – как-то заметил Бьярма, когда они с Гrimсоном ловили рыбу невдалеке от острова.

– Не обязательно заплывать так далеко, – возразил Гrimсон, – и ближе к своему берегу можно наловить много – умеючи, конечно. Здесь ходят косяки сельди и трески, а если забраться во фьорд, можно и сёмгу подцепить, ещё другую какую рыбу. Любая рыба тут у нас годится для стола.

– А у нас на родине, – сообщил Бьярма, – первую рыбину – водяному; первую лесную дичь – лесному духу.

– Да и у нас так же. Ты не заметил, я одну рыбину отпустил назад, в воду. Боги любят подарки, только чтоб от всего сердца. Тогда не зазорно просить у них помощи в делах, – сказал Гrimсон.

– У какого бога тут просят помощи на рыбалке? У Одина?

– Ни в коем случае – он может рассердиться, потому что – самый большой и самый могущественный бог. А у вас у кого просят?

– У Юмалы. Но можно и у богини Зарань. Она строга: в руках у неё острое копьё – чужого к себе не подпустит.

– И меня не подпустит?

– Не сердись, Гrimсон Железный Нос, но и тебя не подпустит к себе наша богиня Зарань. За её спиной – вся природа, и видимая, и невидимая.

– Я не сержусь, Бьярма. С богами надо ладить – так или иначе... А бог моря у нас – Ньёрд. На воде надо ладить с ним. У него есть дочь и сын: Фрейя – богиня летнего дождя, красоты и любви, и Фрейр – он, конечно, тоже бог и занимает своё место. А богиня Фрейя – очень ласковая, внимательная к людям. Она дала своё имя нашему острову. И потому, полагаю, никогда не оставит нас, грешных, безгрешных, всяких.

– Значит, мы сейчас во власти Ньёрда?

– Думаю, до нас ему мало дела. Но вот есть ещё бог глубин моря, которого зовут Эгир. Его больше других надо бояться, ведь он глотает драккары...

– И нас может проглотить?

Гrimсон рассмеялся:

– На нашу лодку он и рта не откроет, побоится, что мы застрянем у него между зубами!..

...Волны постоянно раскачивали не очень большую лодку. Время от времени Гrimсон и Бьярма брались грести – поочерёдно. Понятное дело, лодка заметно прибавляла скорость, когда за вёсла садился широкоплечий Гrimсон: заметно было, как играли-перекатывались мускулы на его руках. Но чаще поднимали четырёхугольный парус и плыли, куда им хотелось. Гrimсон умел наладить парус так, чтобы идти даже против сильного ветра для него вокруг будто не было никаких помех...

...А вообще с приближением зимы на улице стало весьма прохладно, даже холодно. В хранилище дракара у Бёльверка вполне можно было бы уже совсем замёрзнуть, но у Хеймдалль скальда Бьярма ночевал в тепле, да и был сыт. Перемены в его жизни оказались явно к лучшему.

Через несколько дней из хозяйства Бёльверка прибежала собака Тади. Увидев Бьяруму, бросилась к нему, радостно виляя хвостом. Её разрешили оставить, и она постоянно крутилась вокруг Бьярмы, прыгала и в лодку, когда отплывали ловить рыбу – Гrimсон был непротив. Собака, наклонив голову, с интересом наблюдала, как падает через борт в лодку пойманная рыба. Не трогала её, а только наблюдала. Но когда рыбу давали ей, ела досыта, с явным удовольствием.

У Хеймдалль скальда был свой образ жизни – он часто находился в отъезде. По словам Гrimсона, скальд родился в Тронхейме, в то время – в столице норманнов. Жил в Бергене, Ситгуне, который одно время тоже был столицей, бывал на земле франков, на земле данов – в Роскилле, посещал и Исландию, где из глубин земли с силой вырывается горячая вода, доходил даже до земель чёрных людей. А у Бьярмы он много расспрашивал о Бьярмаланде, загадочной северной стране, где непроходимые леса скрывают от непрошеных гостей таёжных жителей, привыкших к замкнутому образу жизни, где не виданные чужаками звери стерегут вас за каждым деревом, но где одновременно таятся неисчислимые богатства. Не зря рвутся туда бесстрашные викинги. И после удачных походов привозят дорогую пушнину, золото, серебро, бивни моржей, многое другое. Хеймдалль скальд хотел подробнее знать о том, как выглядит и чем примечательно просторное лесное обиталище людей Бьярмаланда. Вероятно, ему очень хотелось побывать и там, потому и позвал, приблизил парня из тех мест к себе.

Бьярма, как умел, рассказывал о своих родных местах:

– Вот люди со стороны, приезжие называют весь наш край Биармиеj, а мы

сами понимаем это название как Биа Ур Му – Страна Огненных Белок, давно к этому привыкли. У нас все друг друга понимают, хотя есть отличия в говорах людей разных мест – и тем большие, чем дальше эти места друг от друга, кое-что даже понять трудно. Мы, – рассказывал Бьярма, – называем сами себя коми войтыр – коми люди. А вот, по слухам, всех жителей наших земель соседний Новгород именует чудью, всех поголовно, кто не знает языка новгородцев и живёт своей жизнью.

Об этом Бьярма слышал от старых людей. В его же памяти остались лишь картины детства, потому особенно много он рассказать скальду, конечно, не мог. Хеймдалль скальд знал о Биармии по большей части от добиравшихся туда викингов.

Понятно, что спрашивал он и о Юмале. Но Бьярма уже рассказал всё, что знал, Гrimсону. А скальду он охотно рассказывал о богине Зарань, которая особо уважаема и почитаема по всей парме, защищает все общины коми людей.

– Зарань во многих местах видели, – заметил скальд.

– Это изображений её много, а богиня – одна, – поправил Бьярма. – Отец рассказывал, что она действительно золотая, и охраняют её, как зеницу ока, избранные, особые люди. Её тайное жилище далеко от Винлы. А почему её видят во многих местах? Потому что любят и делают изображения богини всюду, где простирается её любовь. Ведь туда, где стоит сама золотая Зарань, все люди Биармии прийти не могут.

– Понятно, – кивнул скальд.

Спрашивал Хеймдалль о Гардарице, русских княжествах. Через Византию варяги принесли русичам веру в Единого Большого Бога, дали им первых конунгов-князей.

– А Гrimсон Железный Нос рассказывал, что у вас не только бог Один, но и ещё много других, – дивился Бьярма.

– Да, бог Один не одинок, Бьярма, – растолковывал юному собеседнику старый скальд. – Но он самый главный. Другое имя у него – Высокий. Один – это наша душа, мысли, сила, решительность, страсть... В поэзии страсть – это тоже Один. Он может проникнуть в царство небесное, в другие миры, которые для нас навсегда закрыты, он умеет оживлять умерших. Это – не сказка, поверь. А ещё есть у Одина дед – Бёльторн, отец – Бор, брат – Ве, любимая – Грид, дети – Бальдр и Магни.

– Здесь правит ваш бог, у нас – наш, – задумчиво сказал Бьярма. – А между ними, богами, кто самый главный?

– У богов свой мир, и каждый мир безграничен, Бьярма. И у Зарань мир безграничен, и у Одина.

– А чему учит ваш Один? – допытывался Бьярма.

– Учение бога Одина знает каждый викинг... Не устал ещё слушать?

– Нет, Хеймдалль скальд.

– Тогда слушай. Вот только несколько чудесных способностей Одина – они тоже безграничны: освобождать от горя, излечивать от болезней, словами тушить огонь, усмирять в море бурю, взглядом тупить меч противника, отводить летящую в сердце стрелу, привораживать любимую девушку – да-да!..

– И всё это может открыться и мне?

– Нет, покуда ты не викинг, Бьярма.

— У вас есть и другие боги. Мне Гrimсон Железный Нос рассказывал: Ньёрд, Эгир, Фрейя...

— Да, это так. Есть даже бог поэзии — Браги скальд. А Фрейя дала своё имя нашему острову.

— Да, Гrimсон рассказывал мне об этом.

— Фрейя у всех норманнов — самая ласковая богиня: отзыается на каждую просьбу. Она богиня красоты, радости и любви, посыпает тёплые дожди и вообще обещает зажиточную жизнь... Так рассказывал наш уважаемый Гrimсон Железный Нос?

— Да. Особенно о том, что Фрейя — самая ласковая богиня.

— Вот-вот. Каждую женщину, чьё хозяйство в полной исправности, сравнивают с Фрейей. Наши боги — это как бы одна семья, один большой род. Брат Фрейи — Фрейр; их отец — морской бог Ньёрд. Оттар — любимый Фрейи...

— А ещё Гrimсон говорил про то, что бог глубин моря Эгир глотает утонувшие большие драккары... Но на лодку вроде нашей и рта не раскроет — боится, чтобы не застряла между зубами.

Хеймдалль скальд весело рассмеялся:

— Это верно. На нашу лодку он и не посмотрит. Тем более, если лодка с острова его дочери Фрейи. Так что бояться нечего — вас он не тронет. Но штормов всё же надо остерегаться...

Беседы с Хеймдалль скальдом были по душе Бьярме. Все свои дела скальд делал аккуратно, ладно, как только он умел. Чем дальше, тем больше Бьярма угадывал в нем необыкновенного, может, даже великого человека, обладающего большой внутренней силой, и при всём том простого и доступного. Много раз их беседы возвращались к Биармии.

— Не знаю, удастся ли, но очень хочется побывать в вашей стране, своими глазами увидеть жизнь людей, послушать шум и шорохи пармы, — проговорился однажды Хеймдалль скальд. — Поехал ли бы ты со мной?

У Бьярмы загорелись глаза.

— Я? Да я...

— А потом, конечно, остался бы там?

— Я проводил бы тебя обратно до Фрейи, Хеймдалль скальд, если пообещаешь потом отпустить обратно. Я верю тебе. И ты сам живи у нас, в Бьярмаланде, сколько хочешь. Я обещаю тебе гостеприимство перед ликами и наших, и ваших богов!

— Среди норманнов распространено такое мнение, что люди в западном Бьярмаланде, в Финмарке, да и восточные родственные племена с рождения являются знахарями, прорицателями, они могут даже накликать плохую погоду, а свою волю тайно навязать пришельцам. Поэтому викинги боятся их.

— Но ведь викинги нападали на наши молельни, не гнушались нагло захватывать всё, что под руку попадает, и в наших жилищах...

— Эти плохо кончали свой век. Но ведь я знаю и другое: викинги остаются в вашем Бьярмаланде, смешиваются с вашими людьми, учат ваш язык и привыкают к вашему складу жизни, правда, и своего немало привносят. Но, я слышал, наш образ жизни не навязывают...

— Не хотят? — уточнил Бьярма.

– И наши, и ваши люди – северяне, по характеру викинги с бъярмаландцами схожи. Но стать одним народом им всё же не дано. Ты ведь знаешь, два медведя в одной берлоге не уживаются. А идивойной на Бъярмаланд, чтобы захватить землю вашу, как, например, Англию, викинги не стремятся. Дальние сородичи всё же.

– И хорошо, что не нападают. Пусть все живут там, где родились. И только с добрыми намерениями навещают друг друга, – заключил Бъярма.

Скальд вздохнул, подумав про себя: «Время рождает и стирает события. И до наших времён были на земле вещи, достойные и похвалы, и порицания, боролись друг с другом добро и зло. Кто знает, что ещё будет на этой земле...»

Ты хотел бы стать викингом?

В один из вечеров, когда тучи закрыли небо от края до края, на море разыгрался шторм. Бъярма был занят какой-то незначащей работой возле лодки. Она стояла в стороне от уреза воды, но брызги до неё долетали, а ветер едва не валил парня с ног. Пришлось закрепить лодку дополнительными верёвками и укрыться от непогоды в избе. Своё жилище Хеймдалль скальд устроил в низинке, где кончался небольшой залив – ветер туда не достигал. По крыше застучал крупный дождь.

Время уже шло к вечеру. Внутри жилища было тихо, постепенно сгущались сумерки. Бъярма нашарил на широкой скамье у стены, среди своих спальных шкур, маленький мешочек, где хранил огниво, кремень и трут, привычно высек огонь, перенёс его на бересту, а затем зажёг лучину. В доме была большая свеча, но её зажигал только сам Хеймдалль скальд.

Он же на этот раз сидел молча в своём углу. Успел где-то намокнуть, наверно, тоже у моря был. А зашёл в жилище раньше Бъярмы...

Бъярма не решился нарушить тишину – Хеймдалль размышлял о чём-то своём. Вдруг скальд заговорил как бы сам с собой:

– ...Прибыл в Скандинавию драккар из Англии, из королевства Эссекс. Привёз раненых в бою за Лондиний. А павших взял к себе бог моря Ньёрд. Отправлялись викинги туда искать себе лучшую жизнь, а где она, эта лучшая жизнь? Если одному она приносит добро, другому достаётся зло. Жизнь – как ураган: кого-то с ног свалит, кого-то закаляет. А дальше – что?..

Век такой:
Отцы и братья
Выйдут в бой –
Друг с другом драться.
И мечом
Убьёт брат брата.

А потом –
Пора разврата.
Мы – как звери –
Зло разбрьзнем.
Нету веры,
Нету жизни.

Да-да, что делать нам дальше?.. В каждом человеке заключено всё человечество со своим многовековым укладом. В душе человека хранится эта бесконечная жизнь. А что есть жизнь? Только божественные и непреходящие звуки арфы как венец высокого назначения человечества доходят до небес, до потустороннего мира. Да, да, Бъярма! Ты это понимаешь?

– Я слушаю тебя, Хеймдалль скальд.

– Я слышу и всех умерших, и всех ещё не рожденных людей. Они все одновременно живут в нас. Это значит, Бьярма, мы проживаем не только свою собственную жизнь, но и жизни тех, кто был до нас и будет после нас. Понимаешь?!

– Я слушаю...

– В бесконечное время человечества втиснут и вот этот миг, в который мы с тобой беседуем. Каждый человек: ты, я – песчинки в бесконечной Вселенной, но коль рождены в ней, значит, и мы для чего-то предназначены, значит, и мы для чего-то ей нужны. Слышаешь, Бьярма?

– Да, я слушаю, Хеймдалль скальд...

– Ничто в мире не исчезает бесследно. Даже если человек умер, он не теряет связи с землёй, с небом. Душа его сольётся со всей той же бесконечностью Вселенной, которая есть и всегда пребудет... Вот так, человек из Бьярмаланда!

К чему он это говорил? Бьярма не понял.

Но однажды Хеймдалль скальд неожиданно спросил его:

– Ты хотел бы стать викингом?

– Я? – удивился Бьярма.

– Да, другого пути вернуться в Бьярмаланд у тебя нет, только с викингами ты можешь туда добраться.

– С мечом – на свою землю? – ошарашенно выдохнул Бьярма.

– Не все викинги одинаковые, – возразил скальд.

– Но, растекаясь на своих дракках по всему миру, они везде одинаково берут в руки меч, чтобы убивать и грабить.

– У вас, Бьярма, все боги равным образом хороши?

– Нет, кроме хороших богов, есть и злые силы.

– Вот видишь, жизнь – нескончаемая борьба добра со злом. Из этой борьбы и вышло всё, что мы сейчас видим. А ведь ещё и нам, каждому человеку, надо уметь владеть мечом, и не только для злых целей. Я верю, наступит время, когда в Бьярмаланде люди не будут бояться викингов. Боги сблизят нас. Время войн закончится, и надо заранее учиться ладить друг с другом. Ты, Бьярма, будь в первом ряду борцов за победу добра!..

...Прошла неделя, и этот разговор переплёлся с другим разговором.

Бьярма привычно убирался в конюшне. Дольше всех не отходил он от лошади по кличке Ветерок. Эта от природы умная лошадь сразу понравилась парню. Она была ещё не объезженной. Несколько дней они бегали как бы наперегонки, он поигрывал на бегу плёткой, но ни разу не ударил её. Отдыхали рядом, Бьярма кормил лошадь с руки хлебом, разговаривал с ней, приучая к себе; и, когда сел на неё верхом, Ветерок от неожиданности только раз тряхнул спиной, но не сбросил человека с уздой. Статный, он шёл, пританцовывая, а всадник держался уверенно, и лошади это, кажется, нравилось. Бьярма вообще-то никогда не брал плётку в руки – слишком тяжёлую память оставили жгучая плеть Бёльверка и острое унижение под каждым ударом. Он приручал лошадей мягким разговором, лаской. И даже конюшню убирал, что-то слегка напевая. Тут уж у него всегда был порядок. Несловоохотливый Гrimсон по достоинству оценивал его работу:

– Я смотрю, ты настоящий викинг.

Расчёсывая пышную гриву Ветерка, Бьярма вспомнил недавний разговор с Хеймдалль скальдом о викингах и спросил у работающего рядом Гrimсона:

– А как стать викингом, уважаемый Гrimсон Железный Нос?

Состарившийся, израненный в многочисленных походах и боях викинг на минуту отставил работу – он перебирал какую-то утварь:

– По правде говоря, этого нелегко достичь. Но если ты очень хочешь, за год я научу тебя этой науке. Не у всякого может получиться. Станешь ты викингом или нет – будет видно в первом же бою...

– Целый год учиться?! – разочарованно удивился Бьярма.

– А ты подумай сам: орудовать мечом надо уметь лучше всех, без этого никак не обойтись, но, овладев мечом, викингом ещё не станешь.

– А что ещё нужно?

– Настоящего викинга бог Один считает одной из своих земных душ, чувствует свою ответственность за него и заботится о нём – даже после гибели в бою. Понимаешь?

– Понимаю.

– Чтобы тебя допустили в сообщество викингов, надо стоять за Одина всем своим существом, душой и телом. Это – во-первых... Во-вторых, кроме мастерского владения мечом, боевым топором и всем прочим, надо, к примеру, умело и точно метать одновременно два копья, либо два топора. В-третьих, надо уметь нырять в холодную воду и плыть, защищаясь щитом от пущенных в тебя стрел. В-четвёртых, быть таким ловким, чтобы уметь вытащить занозу из босой ноги, не замедляя шага. В-пятых, уметь прыгнуть через ветку дерева высотой в твой рост.

– Столько надо всего уметь? – изумился Бьярма.

– Это ещё не всё. В-шестых, надо уметь, не замедляя бега, с такой же скоростью проскользнуть под веткой высотой от земли до колен. В-седьмых, Бьярма, надо знать и уметь, как слагать стихи двенадцатью способами, чтобы концы строк звучали одинаково. Высокую поэзию очень любит бог Один.

– И тебе приходилось слагать стихи? – опять изумился Бьярма. – Ведь это может сделать только скальд, не каждый же викинг – скальд.

– Да, и мне пришлось. Лучше всего это у меня получилось уже тогда, когда от моего меча ушли в мир иной немало достойных воинов. В молодости всё получалось намного легче. Стихи складывать вообще не каждому по плечу и по уму.

– А если всё это умеешь, тогда, значит, ты готов?

– Признанный всеми предводитель викингов соберёт их после битвы, встанет рядом с тобой, ударит мечом плащмя по голове и громко объявит: «Ты умер! Тебя уже нет! Но – родился викинг!» Может при этом новое имя дать, если пожелает, согласно тому, как ты вёл себя в бою.

– И тебе имя дано после битвы?

– Гrimсон я от рождения; а Железный Нос – по моему шлему. Он был очень прочный, хорошо защищал лицо и особенно нос. Говорят, был дамасский. Много мечей затупилось о мой нос. Хранил шлем меня, а я после каждого удара приходил в ярость и побеждал. Будь иначе, не было бы у нас с тобой сейчас этого разговора.

– Нелегко быть викингом, уважаемый Гrimсон Железный Нос, – Бьярма заметил: пожилому викингу нравилось, когда его называли полным именем – наверно, ценил память о бурных годах.

– Уж точно, нелегко. Но мы с тобой начнём с самого лёгкого – с умения владеть мечом. Чтобы ты мог защищаться в одиночку против нескольких врагов. Между прочим, насчёт меча мне кое-что сказал наш Хеймдалль скальд. У него есть очень хорошие мечи – подарки от викингов, они принадлежали молодым викингам, геройски погибшим в бою. Научишься владеть мечом – он может подарить тебе один из них. Самый счастливый, если считать по количеству побед. Кстати, для настоящей учёбы будут тебе и копья...

- Копья? Мне хватит и одного.
- Нет, викингу нужны два копья.
- Я умею метать копьё...
- Но не так, как пристало викингу – этому ты ещё научишься. Будут тебе и арбалеты. По сравнению с луком они хороши тем, что из них можно попадать в цель с большого расстояния.
- Почему такая щедрость, ведь я ещё ничего хорошего не сделал для скальда?
- Не знаю. Но он тебя почему-то уважает. А глаза скальда достают дальше, чем выстрел из арбалета. Вот так, парень из Бъярмаланда!..

Поцелуй с Ингрид

Прошло ещё около двух лет. Бъярма возмужал, стал статным, видным молодым мужчиной. Все положенные ему хозяйствственные задания выполнял толково и добросовестно. Одновременно постигал науку викинга под руководством Гrimсона. Бывалый викинг не только научил его верховой езде, но и умению биться в седле. Впрочем, предупредил: в начале боя викинги по обыкновению своих лошадей привязывают, оставляя под охраной, а сами сражаются пешими – так принято.

...В один из дней, после поездки к конунгу Бергнаару Медлительное Слово, Хеймдалль скальд призвал к себе Бъярму. Сообщил, что хочет послать его к Бёльверку – на соседнюю ферму:

– Ты ведь там начал знакомство с нашим островом Фрейя? Не забыл ещё тех мест? Вот, конунг Бергнаар Медлительное Слово посыпает Бёльверку приветствие, и шлёт ещё это письмо, свиток с печатью. Бёльверк, кажется, может вырасти в большого человека, хотя и немолод уже.

– Слушаюсь, уважаемый Хеймдалль скальд. Когда идти? Это ведь недалеко. Прихвачу собаку Тади, мы быстро сходим.

– Незачем брать Тади. Возьми своего Ветерка, он тебя хорошо слушается. Когда подъедете, перед входом в жилище Бёльверка окликни его – ты у него теперь не подневольный работник. А что дальше делать, он узнает, когда прочтёт послание. Поезжай завтра утром!

Бъярме и самому уже хотелось побывать в хозяйстве Бёльверка, посмотреть, что там нового, увидеться с добрым товарищем своим Снорри. За прошедшие после переезда годы они мельком виделись и поприветствовали друг друга лишь через реку – каждый со своего берега. Снорри запрещено было даже ненадолго покидать хозяйство Бёльверка, Бъярма же не хотел появляться там неожиданно и без спросу...

Поутру Бьярма отправился во владения Бёльверка. Ехать пришлось кружным путём, чтобы попасть на небольшой мост, соединявший берега. Когда подъехал, сразу заметил, что Бёльверк расширил своё хозяйство, построил ещё несколько домов с каменными стенами, а рядом с хранилищем дракара выросло второе такое же. Островитяне не часто посещают друг друга, все живут своими заботами, и понятно, что изменения бросаются в глаза. «Золото и серебро Эдвина Сильная Рука помогли расшириться Бёльверку», – подумал Бьярма.

Ему не пришлось выкрикивать хозяина. Гости издали заметили, и из жилища вышел сам Бёльверк. Он позволил себе лишь сдержанные приветствия:

– А тебя и не узнать, Бьярма, ты сильно изменился, стал взрослым человеком. Держишься как настоящий викинг!

«Конечно, – подумал Бьярма. – Теперь ты меня уже не будешь приветствовать плёткой!»

Он соскочил с лошади и протянул Бёльверку послание от Бергнаара Медлительное Слово:

– Хеймдалль скальд привёз это письмо от конунга, сказал, что позже вы сами обо всём договоритесь. А о чём – мне не сказал. Я своё дело сделал, могу отправляться в обратную дорогу.

– Подожди немного, парень. Зайду в дом, посмотрю послание конунга, может, и скальду будет что передать. Так что не спеши, – Бёльверк ушёл в дом.

А Бьярма встретился со Снорри, они обнялись. Снорри уже не был подневольным работником, его перевели в охрану хозяина.

– Если захочу, я и жениться могу. Только рановато ещё, подожду, – с лёгкой усмешкой сообщил Снорри.

К прежнему противнику, а ныне гостю подошёл Локи:

– О-о! – протянул он. – Ты, Бьярма, прямо скажу, настоящий викинг. Хотя ты и прежде был смелым и решительным. А уж теперь...

Локи поздоровался с Бьярмой, но смотрел на него всё ещё как бы свысока. Он тоже состоял в дружине Бёльверка.

– Здесь многое изменилось, – уклончиво ответил Бьярма.

– Тебя не тянет на землю франков? – с тайным подвохом спросил Локи. – Там, говорят, много золота. А уж красивых девиц... Ты обо всём забудешь с ними.

– Но разве не в Англию подался сын Бёльверка, Эдвин Сильная Рука? – уточнил Бьярма.

– Э-э! – махнул рукой Локи. – Там уже ничего делать... Викингов сейчас манят Париж, Рим... А эта лошадь твоя?.. Я думаю, и конунгу было бы нестыдно покрасоваться на такой, да что конунгу – королю!

Можно было бы подумать, что ничего плохого между этими двумя парнями никогда не было. Но в Бьярме всё равно напряглась каждая жилка. «По крови мы не подходим друг другу, – пришло ему в голову. – Вполне можем снова столкнуться!..»

Из жилища тем временем вышли Бёльверк и его дочь Ингрид. Бёльверк широко улыбался, у Ингрид, напротив, было расстроенное лицо. Ингрид заметно преобразилась, стала ещё красивей. Но что-то, видно, разладилось между ней и отцом.

– Поблагодари Хеймдалль скальда! – крикнул Бёльверк так, чтобы все слышали. – А с конунгом Бергнаар Медлительное Слово я, конечно, свяжуясь, – он

небрежно обнял дочь и, ни на кого не глядя и лишь довольно потирая руки, ушёл в дом.

Бьярма же от души пожелал всего хорошего Снорри, Локи и Ингрид, сел на лошадь и направился к своему нынешнему дому.

Лошадь, зная дорогу, шагала ходко. Бьярма же под цоканье копыт думал о своём. Какая судьба ждёт Снорри, Локи, да и его самого? А Ингрид, дочь Бёльверка, вошла в такой цветущий возраст и так похорошела, что просто смотреть на неё приятно.

Бьярма приблизился к мосту через реку. Ещё не въехав на него, услышал позади себя топот копыт, обернулся и увидел: его догоняла Ингрид. Наверно, отец её что-то забыл сказать Бьярме для передачи Хеймдалль скальду... Бьярма придержал коня. Ингрид спрыгнула с лошади, Бьярма тоже спешился, держа в руках повод, подошёл к девушке. Они молча смотрели друг на друга.

— А ты здорово возмужал, парень из Бьярмаланда,— первой заговорила Ингрид.— Такой крепыш... даже жаль, что ушёл от нас. Я часто вспоминала о тебе. Жил бы ты здесь... Жил бы здесь...

Ингрид подошла к Бьярме совсем близко, в молчании они слышали дыхание друг друга.

— У вас большое хозяйство, наверное, много забот-хлопот,— только и нашёлся что сказать Бьярма.

Большие голубые глаза Ингрид обожгли его:

— Если бы ты повзрослел здесь... — она обдавала его, кажется, ещё более горячим, чем его, дыханием.— Поцелуй меня...

Последние слова явились для него полной неожиданностью.

— Ведь я... — он был в замешательстве.

— Ты теперь человек вольный, можешь делать всё, что хочешь,— Ингрид обняла Бьярму, прижала к себе и...

...И его душу потянуло к ней. Их губы сошлись в горячем поцелуе. Упругие тёплые груди Ингрид упёрлись в грудь Бьярмы, и это привело его в окончательное замешательство. И Бьярма сам стал целовать её.

Трудно сказать, сколько они стояли так, прижалвшись друг к другу. Бьярма выпустил из рук повод, но Ветерок стоял, не шелохнувшись. Лошадь Ингрид, напротив, недоумённо раскачивала головой, но тоже не трогалась с места.

— Вот так, парень,— наконец отстранилась девушка.— Пришло время выходить замуж, и меня уже считают невестой даже незнакомые люди. Я тоже человек вольный, но отец хочет, чтобы я унаследовала всё его хозяйство, и обязательно, чтобы муж умножил это наследственное богатство. Так что за кого попало он меня не выдаст. Понимаешь?

Бьярма молчал. До женитьбы его мысли пока ещё не простирались, хотя смутные и греческие желания порой будили по ночам.

— А сама ты что думаешь, Ингрид?

— Конунг Боргнаар Медлительное Слово через Хеймдалль скальда передал послание моему отцу. Своего сына хочет женить и сватает его за меня. Отец чуть с ума не сошёл от радости, готов выдать меня за сына конунга хоть сегодня.

— Ну, и хорошо,— дошли до Бьярмы переживания девушки.— Обо мне ведь разговор не идёт. Сама говоришь, что я только начал взросльть, да и богатства у меня — никакого.

Ингрид улыбнулась.

— Ну вот, хоть начали понимать друг друга, и то — ладно...

Бьярма поправил седло, погладил гриву, похлопал лошадь по спине.

— Ну, раз у тебя что-то серьёзное наметилось, значит, так и будет, — пробормотал он и взялся за стремя.

— Так да не так, парень из Бьярмаланда. На другом конце нашего острова живёт владелец хозяйства Агнар, крепкий, как и ты, молодой мужчина. Человек он бесстрашный, я знаю и уважаю, пожалуй, даже больше, чем уважаю. Я очень прошу тебя, вот эту золотую серыгу, — Ингрид отцепила и подала Бьярме, — отвези ему и скажи, что Ингрид ждёт сватов. Пусть как можно быстрее посыпает. Мой отец, конечно, будет против, хотя по величине имущества мы с Агнаром друг другу подходим. Если всё будет сделано по уставу предков, отцу просто некуда будет деваться.

— Ехать с этим на противоположную сторону острова? Самовольно, без спросу, поперёк воли Бёльверка, тайно? Ты, Ингрид, требуешь невозможное... — Бьярма разозлился на себя за то, что позволил Ингрид так по-хитрому подольститься к нему: «Размяк, как новорожденный телёнок, потянулся губами к этой красивой ведьме!..»

— Отвези и отдай, — почти приказала Ингрид.

— Я уже не в вашей власти, так что, пожалуйста, разгребайте без меня навоз в вашем хлеву, — грубо отрезал Бьярма, вскочил на коня и уже с высоты седла холодно добавил: — Я слышал, у норманнов в выборе жениха или невесты последнее слово всегда за родителями и чаще всего за отцом.

— А ты слышал, дорогой Бьярма, — тоже уже верхом на лошади, громко парировала Ингрид, — что за тайный от родителей разговор с их дочерью, прикосновение к ней рукой, я уж не говорю о поцелуях, тебя ждёт самое суровое наказание суда норманнов?.. Тебя обвинят в нарушении нашего закона и обяжут заплатить родителям столько, сколько ты и за весь свой век не соберёшь?! Так что придётся тебе снова стать рабом моего отца. Как ты на это посмотришь?

— Я не собирался тебя целовать. Сама догнала. Я бы уже давно дома был...

— А вот это, парень, ты уже на суде будешь доказывать! — при этих словах Ингрид развернула лошадь и издали крикнула:

— Не забудь, серыгу — Агнару, из рук в руки! И сегодня же!

Бьярма растерялся окончательно. Что ему делать? Немедленно вернуться в хозяйство Бёльверка?.. Вернуть серыгу Ингрид в присутствии свидетелей? Свидетелем может стать Снорри... Но тогда это все увидят, по острову поползут слухи... Вот это попал он в капкан, да какой!

Бьярма не торопил лошадь, он всё же решил ехать домой. Надо рассказать о случившемся Хеймдалль скальду. Мудрый человек, он что-нибудь умное подскажет... От моря веяло прохладой. Бьярма ощущал вкус соли на губах. «После сладкого придётся и горького отведать», — мелькнуло у него в голове.

— Надо съездить к Агнару, — сказал Хеймдалль скальд, когда выслушал рассказ Бьярмы. — Серыга сейчас у тебя, и нужно от неё избавиться. Я послал тебя к Бёльверку, значит, я и в ответе за происшедшее. Бёльверк когда-то был бесстрашным, безжалостным, но справедливым викингом, однако, с годами его глаза перестали различать добро, сердце очерствело, он теперь не дороже козы Хейдрун в

имении бога Одина. Упал в цене Бёльверк!.. Своего человека может погубить, всю душу из него вытянет, если тот не глядит ему в рот... Съезди, Бьярма, но будь очень осторожным. Ингрид, конечно, красавица с характером викинга, да только вот внутри у неё – тёмное царство, где властвует Хег Холодное Дыхание. Впрочем... может, она ещё и изменится к лучшему со временем...

...К Агнару с золотой серьгой Ингрид Бьярма съездил быстро. Передав заветную вещицу, сказал при этом пару слов и молча поклонился: поручение выполнено и надо ехать назад.

Агнар, парень постарше Бьярмы, высокий, со светло-голубыми глазами, оказался нерешительным, лицо его выражало растерянность. Собравшись, наконец, с мыслями, он вдруг стал уговаривать Бьярму взять на себя роль свата: мол, даст ещё в помощь своего надёжного человека. А сам Агнар отправится к главе фюлька, объединяющего с десяток поселений, чтобы утрясти все тонкости этого дела. Чувствовалось, что он побаивается Бёльверка.

– Я хорошо заплачу за твою услугу, – пообещал он Бьярме.

Но Бьярма отказался.

– Вы уж как-нибудь сами разбирайтесь, – отмахнулся он.

Спустя несколько дней Хеймдалль скальд сообщил, что ушёй Бёльверка достигла весть о намерении Ингрид и Агнара связать себя узами брака, узнал он и о том, что в этом деле замешан Бьярма.

– Бывший мой раб, бывший слуга встал на моём пути!.. – Ярости Бёльверка не было ни конца, ни края. Досталось и Агнару:

– На мой достаток глаза свои завидущие вылупил!..

Хитрый и своевольный Бёльверк пока не решил, на кого в первую очередь направить свой гнев, но бури надо было вот-вот ожидать. Наверно, и сама Ингрид проговорилась о встрече у моста, возможно, приврала что-то. Из-за неудачного начала сватовства она была зла на весь мир.

А Бёльверк обратился к конунгу Бергнаар Медлительное Слово с прошением: чтобы у обоих «женихов», Агнара и Бьярмы, была затребована кругленькая сумма за то, что тайком от родителей закрутили голову девушке. А если денег кто-то из них не заплатит, викинг требовал обратить виновника в раба и продать на галеры. В общем, поступить так, как предписано в законе норманнов.

Советы Хеймдалль скальда

Когда всё это закрутилось, Хеймдалль скальд неожиданно подошёл к Бьярме и сказал:

– Завтра мимо острова будут проплывать наши викинги с Хельгеланна. Когда они причалият, ты, Бьярма, сядешь на драккар. А мы с Гrimсоном Железным Носом проводим тебя.

– Завтра? – растерялся Бьярма.

– Да. Сегодня у нас с тобой последний вечер. Надо собраться в дорогу. Гrimсон Железный Нос уже подготовил поклажу, а я обдумываю, что взять тебе ещё и в голову.

– Надо ехать обязательно?

- Обязательно. Я знаю Бёльверка. Он не отступит.
- А куда направляются викинги?
- Туда же, куда отправился сын Бёльверка – Эдвин Сильная Рука, в края бриттов. Половина их земли уже в руках викингов.
- Именно так надо сейчас поступить, уважаемый Хеймдалль скальд?
- Всё идёт так, как хотят боги. И мы ничего не можем изменить или отменить.
- ...Ничего не можем отменить, – машинально повторил Бьярма.
- Гrimson Железный Нос хорошо подготовил тебя для приёма в викинги? – спросил Хеймдалль скальд.
- Думаю, да.
- Даю тебе время, Бьярма: составь коротенькую руну. Пригодится, если спросят. Ежели мне она понравится, потом скажешь, что Хеймдалль скальд одобрил – этого будет достаточно. А теперь уединись и загляни в своё сердце. Скажешь, когда будет готово!

Хеймдалль скальд подозвал Гримсона, и они по тропе спустились к морю. Дул лёгкий прохладный ветерок. Недалеко на волнах раскачивалась их лодка.

А Бьярма побрёл по прибрежной полосе. Он ещё помнил несколько народных песен коми, которые пелись во многих общинах Бьярмаланда. Он помнил песни свадебные, похоронные, песни, звучавшие на полях и лугах... Но чтобы самому сложить песню?.. «Легче зайца достать стрелой, даже глухаря или тетерева, – размышлял Бьярма, – не испугается он волка... медведя... Нет, медведя испугается, конечно, но не отступит. Надо зверю смотреть в глаза, убегать нельзя – медведь ведь только этого и ждёт. А там уж – как получится: захочет хозяин леса – пойдёт на человека, значит, придётся давать ему отпор, не показывая вида, что боишься... Но как быть с заданием Хеймдалль скальда?...»

Долго ломал Бьярма голову, просил содействия у богини Заань и её помощников.

Вечером Гримсон кликнул Бьярму:

- Скальд ждёт у себя.

Скальд сидел перед светильником, который изготовил специально для него викинг-ветеран. Горючим в этом светильнике служил растопленный тюлений жир.

Скальд долго молчал. Бьярма встал перед ним, не смея нарушить тишину. Бездымный огонь светильника тускло освещал помещение.

– У каждого бога своя забота, – сказал, наконец, скальд. – В вашей стороне живут эсты, у них есть бог Юммаль, у саамов – Йиммелль, в Бьярмаланде западнее Винлы – Юмала, к востоку – Заань. Но все боги родственны друг другу, и нельзя сказать, кто главнее. Солнце светит одинаково всем, хотя у всех оно своё. Ну, и пусть будет так.

– Наша богиня Заань, она происходит от солнца; так ещё мама говорила, – заметил Бьярма.

- А Юмала?

– Это бог наших предков, он известен от Винлы до Финмарка. Конечно, мы почитаем его. Но Заань – наша молодая богиня, и она вечно будет молода. Так отец говорил.

– А родители у тебя строгие? Не гонят взрослых детей на поиски богатства в далёкие чужие земли?

– Мама у меня мягкая, ласковая. Она старается жить так, чтобы окружающие люди уважали её, чтобы упрекнуть её было бы не в чём. А отец – твёрдый и решительный, строгий. Но никто в наших краях детей далеко от себя не отсылает. Тем более, за добычей. У нас, в парме, всё и так есть, только не ленись добывать.

– Так отец тебе говорил?

– Так все говорят, уважаемый Хеймдалль скальд.

Скальд вздохнул:

– Да, не зря я направил твою жизнь, чтобы ты стал викингом. Другого пути у тебя просто нет.

– Но на этом пути на кону человеческие жизни, уважаемый Хеймдалль скальд. А меня самого разве не может достать чужой меч?

– А ты будь смел и ловок, чтоб не подвести своего учителя Гrimсона Железный Нос. Но вообще он говорит, что ты готов вступить в любое сражение, что тебя достать в бою не так-то просто. Думаю, если ты очень сильно мечтаешь о своём Бъярмаланде, эта мечта придаст тебе дополнительные силы. В душе скандинава всегда живёт вера в то, что для павшего в бою викинга у бога Одина подготовлена Валгалла – жизнь в прекрасном мире, где царит вечная радость. На всякий случай помни, что Один отвечает за каждого викинга, независимо от того, где он родился и вырос...

– Я старался всё делать так, как учил Гrimсон Железный Нос.

– А далеко ли ты стреляешь из лука?

– За сто шагов попаду в мишень величиной, ну, в ладонь.

– Надо бы попадать за двести шагов.

– Вообще-то я могу стрелять и дальше, уважаемый Хеймдалль скальд. Но обещаю, что научусь и с двухсот шагов попадать в такую мишень.

– Верю. А старина Гrimсон не гордился перед тобой тем, что может пустить стрелу за шестьсот шагов?

– Нет.

– Многому ещё надо учиться, Бъярма. Наши викинги во время состязаний в Скандинавии, пока считают до тридцати, успевают выпустить в мишень тридцать стрел. И каждый старается первым добежать до конунга, чтобы получить из его рук приз – кошелёк с золотом, которого хватит для безбедной жизни до самого конца своего века.

– Золото, серебро и прочие драгоценности, уважаемый Хеймдалль скальд – это и есть главная цель для любого викинга?.. Меня, к примеру, не привлекает богатая жизнь...

– И это, пожалуй, хорошо. А то викинги в погоне за добычей не берегут себя, потому и не живут долго. И богатство их вроде легко приходит в руки, но так же легко и уходит. И всё же в любом викинге живёт прекрасное стремление к романтике, а само слово «викинг» почётно и будет жить века, всегда вызывая уважение...

– А к чему ещё обязывает звание викинга?

– Оно обязывает быть бесстрашным, мужественным человеком, готовым защищать своих соплеменников, свою землю и свою веру. Земля и вера наши для викинга столь же дороги, как отец и мать. Все саги учат: живи хоть где – по фьордам Скандинавии, в Исландии, Гренландии или даже в Англии – везде надо душой понять ту новую землю и стараться не причинять ей зла.

– Мой путь как раз в Англию...

– Да, в Англию. Эту страну люди называют по-разному, Англией же этот остров стали звать с недавних пор. Веками там жили бритты, но потом напали на них воинственные племена из Германии – англы, саксы, а в союзе с ними – юты из Дании. Бриттов они вытеснили к западному побережью, к Ирландскому морю. И тогда Британия стала Англией. Появились королевство за королевством: Эссекс, Мерсия, Нортумбрия. Там англичан учат уважать силу как раз наши викинги. И у вас в Бъярмаланде жизнь неспокойная: с юга постепенно наступает, расширяя свои владения, Гардарика-Русь. Один наш викинг Оттар добрался до Гольмграда-Новгорода. Это самый высокомерный город в северной Гардарике; и под его руку, как сообщил Оттар, уже почти полностью попали многие общинны Бъярмаланда: ливы, водь, ижора, муром и ещё иные. А век потерявших прежнюю волю племён недолог, думаю, будет... В жизни ещё многое изменится, Бъярма, и каждому поколению надо быть живучим, стойким к ударам судьбы, чтобы не исчезнуть с лица земли...

– Разве люди, в конце концов, не успокаются, уважаемый Хеймдалль скальд?

– Во Вселенной никогда не будет ничего окончательного, происходит бесконечное движение, что-то постоянно меняется, обновляется. И так будет до тех пор, пока не наступит конец времён и не исчезнут боги. В рунах поётся: каждый миг проглатывает свою часть жизни...

...Во время этого разговора Бъярма словно окунулся в другой слой бытия, невидимый и непонятный, не доступный ни глазам, ни сознанию. Он спросил:

– Как может наступить конец времён, уважаемый Хеймдалль скальд?

– Всему наступает конец, но из всякого конца проистекает какое-то начало, Бъярма. Впрочем, даже если вроде бы вообще ничего нет – это по-своему уже значительное событие. А теперь послушай...

Сага о кузнеце Вёлунде

Скальд ненадолго замолчал, собираясь с мыслями. Затем медленно и негромко, словно припоминая, начал рассказ:

– Это – частичка одной саги... Незадолго до окончания времён появилась на нашей земле злая прорицательница, колдунья Чёрная Хег. Вроде бы и лицом бела, но душа у неё была чёрная, и прилипло к ней именно такое имя. По-разному об этом рассказывают. Ещё в молодости, в Тронхейме, я услышал о ней.

...С незапамятных времён жили боги. Жили в ладу между собой, поэтому и на земле был мир. Но Чёрная Хег начала ставить себя выше всех богов, принявши всячески выпячивать себя, чтобы боги увидели, что она самая мудрая и самая могущественная. Благодаря своей тайной силе. Она заметила, из всех земных богатств на первом месте у людей золото. Хотя тогда вокруг золота никакой горячки и лихорадки ещё не наблюдалось. Чёрная Хег начала разбрасывать среди людей золото, но неравномерно: кому-то – больше, кому-то – меньше, а кому – и вовсе ничего. И вышло так, что одно только золото и стало мерилом силы и величия человека. В результате на земле разгорелся невиданный раздор. Короли и конунги ради золота стали нападать друг на друга, обманывать и преда-

вать. И очень скоро нарушился мир уже на всей земле. А ведь если здраво рассудить, ну, что уж такого особенного в этом золоте? Конечно, оно со временем не теряет своего блеска, конечно, его довольно мало на земле. Так или иначе золото изменило всю жизнь людей. Тогда боги рассердились и прогнали Чёрную Хег прочь со своих глаз...

...И на какое-то время всё утихомирилось. Чёрная Хег стала жить в стороне от остальных. Но приносить зло людям не перестала. И всего-то ей было мало. Увидела на земле Гуннов кузнеца по имени Вёлунд из рода Нibelунгов. Вёлунд воистину был мастером золотые руки: за что ни возьмётся, всё у него получается отменно. Но более всего кузнец любил делать украшения из редкостных драгоценных камней, золота и серебра. Короли и конунги заказывали ему украшения для своих любимых жён и прелестных невест. И, конечно, платили щедро. Но Вёлунд никогда не зазнавался.

А была и у него самого любимая девушка – дочь Нидуд конунга Бёдвиль. Чёрная Хег стала кружить вокруг кузнеца, чтобы околдовать его, но Вёлунд и близко её не подпускал. Пыталась Чёрная Хег приманить кузнеца грудами золота, и опять её хлопоты оказались напрасными. И тогда наполнилась душа её мерзостью, какой свет не видывал...

...И подобралась Хег до Нидуд конунга. Стала упорно внушать ему, что Вёлунд приближает к себе его прекрасную дочь, чтобы отнять у Нидуда высокое звание конунга. Рыбаки, охотники, земледельцы уважали и ценили кузнеца – без всяких капризов он делал для них всё, что попросят. Нидуд конунг об этом вроде бы знал, но, как говорится, своя рубашка ближе к телу.

Он приказал схватить знаменитого кузнеца, связать, тайно увезти на остров Севарстёд, а там перерезать на его ногах сухожилия, чтобы пленник не мог сбежать. Такой он никому уже не будет нужен. Дочь свою Нидуд запер в темницу, чтобы вскоре выдать замуж за конунга острова Гельголанд, которому пообещал это. О гельголандском конунге шла дурная слава: он ни с кем не ладил, женился многократно, но всех жён сжил со свету. Единственно, чем он смягчил сердце Нидуд конунга, так это – богатство. А в общем, единственную свою дочь Нидуд готов был выдать даже за мучителя – увы, бывают и такие отцы...

К счастью, отец кузнеца Вёлунда Ваде, к которому благоволили добрые силы природы да и люди, узнал от кого-то о происшедшем с его сыном несчастье; и пустился в дорогу, чтобы выручить Вёлунда из беды. В пути старый Ваде устал и прилёг отдохнуть у придорожной скалы. Он уснул крепко, и в это время с горы посыпались камни. Они подкатывались к спящему старику и постепенно засыпали его. Так бы они и стали могилой старца, но Ваде словно сердцем чуял надвигающуюся опасность. Перед сном он вонзил свой меч в стоящее поблизости дерево.

И как раз вслед за камнепадом в этом месте люди Нидуд конунга проводили связанного кузнеца Вёлунда. Вёлунд издали заметил меч в дереве у дороги, а, приблизившись, узнал в нём меч своего отца: клеймо бога Одина – орёл, клюющий свою лапу – спутать ни с чем было нельзя. Вёлунд извернулся, бросился к дереву и коснулся волшебного меча отца. И тут же освободился от верёвок и вдобавок стал непобедимым...

...А конец этой истории таков, – продолжил Хеймдалль скальд, – меч помог

кузнецу Вёлунду найти красавицу Бёдвиль, и вдвоём они отправились в такую даль, где Нидуд конунг их уже не мог достать...

...Но много зла ещё натворила на земле колдунья Чёрная Хег. На бесконечных просторах земли разгорелась такая война из-за золота, что обычная мирная жизнь стала невозможной. И этого показалось мало Чёрной Хег. Она собрала отовсюду все тёмные силы и с их помощью сделала так, что на Земле прекратилась вообще всякая жизнь. Между небом и землёй остались властвовать одни только тёмные силы. А им властвовать легко: пахать-сеять и делать иные добрые дела не надо, твори лишь разные хитроумные пакости и получай от этого удовольствие.

Страшная картина была. В бессмысленных войнах люди напитали своей кровью землю, океаны, русла рек, всю планету. От этого ужаса даже Солнце разъярилось и, чтобы наказать виновников зла, разом направило на землю все свои лучи, а с ними – всю свою жаркую силу. Земля загорелась, небо раскалилось и стало трескаться, льды растаяли, мир съёжился и ссохся. Потом и само Солнце погасло, исчезло с неба, в мире стало темно. А следом похолодало до немыслимого предела, за которым, как и в огне, только смерть.

...Тогда к Одину прилетел Большой Орёл – Основатель самой жизни, он сел перед богом, клювом стараясь достать свою же лапу. И говорит он богу Одину:

– Ищи кузнеца Вёлунда, только он способен помочь возрождению жизни в этой последней битве, почти закончившейся победой Зла над Добром. Только ты, бог Один, можешь найти и позвать кузнеца на помощь силам Добра.

Отыскал Один кузнеца, прятавшегося вместе с красавицей Бёдвиль в тайной пещере. (Красавица Бёдвиль потеряла все свои силы из-за житейских бед, и лишь любовь помогала ей сохранить в своём теле искру жизни).

...И вот бог Один позвал к себе кузнеца Вёлунда и сказал:

– Ты всегда был перед моими глазами, и теперь я прошу тебя, чтобы вместе с Большим Орлом вы возродили всю жизнь заново, чтобы конец прежних времён стал началом времён новых. Но сначала нужно воссоздать Солнце.

Кузнец начал ковать из золота новое Солнце. А Один призвал к себе Большого Орла, махнул рукой, и Орёл стал воистину гигантским. И повелел ему Один собрать золото по всей земле и принести его кузнецу Вёлунду. Орёл облетел всю землю, везде собирая золото, необходимое для ковки нового Солнца.

– Совсем немного золота не хватает, совсем немного, – пожаловался Одину и Орлу Вёлунд.

Орёл снова облетел всю землю, но не нашёл ни кусочка золота. И тут он заметил на своей собственной лапе подарок бога Одина – золотое кольцо. С начала времён это кольцо было на лапе его. Орёл схватил клювом это огромное кольцо, оторвал его вместе с лапой и протянул кузнецу. Этого недостающего слитка как раз хватило для окончательного воссоздания нового Солнца.

Один повелел кузнецу сесть на спину Большого Орла и – с новым Солнцем – взлететь туда, где прежде пылало погасшее светило. Вёлунд в последний раз поцеловал красавицу Бёдвиль. Бёдвиль грустно улыбнулась в ответ. А Вёлунд и Большой Орёл взлетели с новым Солнцем в небо и скоро скрылись из глаз...

...Долго ли, коротко, прибыли они на место. Новое Солнце кузнеца Вёлунда мгновенно осветило всю Вселенную. Большой Орёл отпрянул в сторону, подстав-

ляя Вёлунду свою широкую спину, чтобы унести вместе с ним подальше, но кузнец уже слился с лучами нового Солнца, стал её частицей...

А люди стали умнее, и, значит, счастливее, ибо перестали воевать друг с другом.

...На всём пространстве неба сегодня можно увидеть бесчисленное количество звёзд, но две звезды блещут особенно близко друг к другу. Это – светлые души кузнеца Вёлунда и красавицы Бёдвиль.

А колдунья Чёрная Хег исчезла с лика земли, раздавленная страшным грузом своих же пороков. Так было отмечено в божественных писаниях.

Между прочим, и Большого Орла люди не забыли.

Утром...

Встали рано. Позавтракали. Каждодневной еде Гrimсон добавил принесённые из подвала яйца гагар: на острове Фрейя гагар тучи, спускаясь с гор, можно много их яиц насобирать.

Наконец, взяв всё необходимое, спустились к морю. Все трое сели в лодку-драккар. Время от времени оглядывали линию горизонта: не появятся ли красно-белые паруса викингов. В чужих землях, завидев их драккары, люди, очертя голову, бросались в окрестные леса, оставляли дома-хозяйства, забирали лишь то, что можно в спешке унести с собой. Ведь попасться на глаза викингам – почти наверняка напороться на меч. Убегали как можно дальше от своих палат даже короли с поредевшими остатками дружин. Вся Европа знала, что викинги раздают своей безудержной отвагой и боевым искусством любого, кто встанет на их пути. Очень редко останавливал викинга более удачливый меч противника. Пронзит он кольчугу, вонзится в тело норманна – и тогда в голове викинга успевает промелькнуть единственная мысль: значит, пришла пора предстать перед очами бога Одина.

Дувший с моря порывистый ветер раскачивал лодку.

Скальд повернулся к Гrimсону, спросил:

– Готов ли наш Бьярма стать викингом?

На губах старого вояки промелькнул лишь намёк на улыбку, по-настоящему он улыбался редко:

– Готов. Полностью готов, Хеймдалль скальд. Я бы не посмел встать против него с мечами в руках, особенно в моём возрасте.

Скальд согласно кивнул головой:

– Если так, то хорошо. А против тебя, старина, ещё и не всякий решится встать. Твоё доброе слово молодому человеку поможет в дальнейшей жизни, если, конечно, не загордится сверх меры. Несправедливое же порицание, напротив, может отнять у человека последние силы.

– Это верно, уважаемый Хеймдалль скальд.

Гrimсон слушал скальда и внимательно всматривался в горизонт.

– Но тебе, Гrimсон, и тебе, Бьярма, следует учесть, что не только незаслуженная похвала даёт обратный результат, но и любое хорошее свойство, ставшее чрезмерным. Смелость может привести к безрассудству, щедрость – к расточительству, даже любовь способна вызвать безумную ревность. В жизни в равной

степени необходимы и смелость, и осмотрительность, вообще, равновесие чувств и порывов. Это я говорю тебе, Бьярма. Запомни советы старого скальда, кое-что из них может пригодиться в нашей бурной жизни.

— Я с вниманием слушаю всё, что ты скажешь, уважаемый Хеймдалль скальд. Я благодарен и тебе, Гrimсон Железный Нос. Вы многому меня научили.

— Жизнь покажет, как ты усвоил наши советы,— заключил скальд и поднял руку.— А вот и долгожданный драккар викингов...

Стоял солнечный день конца лета. Сверкали играющие на солнце волны. Бьярма заметил в себе ощущение зовущей дороги.

Драккар быстро приближался, паруса были туго натянуты, вёсла в ровном ряду ритмично ходили вверх-вниз. На носу драккара угрожающе возвышался воинственный дракон. Широко разинувший пасть, он напоминал идущего в бой безжалостного викинга.

— Небольшой драккар,— заметил Гrimсон.— Гребут сорок человек, ещё столько же отдохивают.

Скальд замахал похожим на парус красно-белым платком. Драккар направился к берегу.

Бьярма знал, что сообщение об этом драккаре пришло через курьера по просьбе скальда. Этого курьера, молодого юркого парня, редко можно было увидеть на месте — большую часть своей жизни он проводил в пути, такова была его работа.

Громкие крики нарушили тишину, вновь прибывший драккар мягко вонзился носом в прибрежный песок. Чуть раньше причалила лодка скальда. С судна бросили канат. Гrimсон быстро и ловко привязал его к вкопанному в землю бревну, сделав это так, будто ему приходилось заниматься подобной работой ежедневно.

Викинги громко поздоровались со скальдом. Видно было, что его знают и почитают. Скальды и в Скандинавии, и в землях по соседству — люди известные, ибо сильны своим словом. Сказанное скальдом викинги помнят долго, как и свои самые значительные сражения. Да и каждую встречу с ним держат в памяти всю жизнь. Так учит их бог Один, у которого в Валгалле, где он живёт и куда никто не может проникнуть по своему желанию, есть Олдрёир — большой котёл, в котором асы, помощники бога, готовят мёд поэзии. Этот мёд предназначен для угощения только скальдов, и об этом викинги знают с детства.

Бьярма, как молитву, повторял про себя то, что узнал за эти годы: викинг — это прежде всего воин. Но не все живущие в Скандинавии норманны викинги. Большинство из них, как и прочие народы, ловят рыбу, охотятся, занимаются земледелием — возделывают овёс и ячмень (пшеница здесь не созревает), выращивают скот и... ждут, когда викинги, их отцы, братья, дети, вернутся из дальних земель с добытыми в жестоких боях богатыми гостинцами.

А вот и они сами!..

Викинги один за другим высекакивали из дракара, разминая затёкшие руки и ноги, всё уставшее за греблей тело. Под ногами твёрдая земля — остров Фрейя!

Бьярма часто пытался сравнить богиню норманнов Фрейю с Заанью, богиней пармы. Сравнение и получалось, и не получалось. И скальд, и Гrimсон не раз повторяли, что Фрейя признана и почитаема богом Одином. Она слышит, чувствует каждого человека и всегда готова помочь, когда её позовут. Она приносит

тёплый дождь, оберегает трудового человека, крестьянина, дарит девушкам красоту, помогает любящим лучше понимать друг друга и способствует долгой совместной жизни супругов. Когда мореплавателей в походе застанет буря и небо потемнеет от края и до края, молятся отцу Фрейи, богу морей Ньёрду, просят его о помощи, при этом не забывая и его дочь....

«А наша Заань, — думал Бьярма, — тоже, как Фрейя, ласкова и участлива. Но Заань — дева Солнца. У нас бога вроде Одина нет. Почитают — особенно за рекой Винла — Юмалу. Вообще-то, все его почитают, и мы тоже... А ещё говорят, движется к Северу откуда-то от южных морей новый бог, который будет главенствовать по всему миру...»

Бьярма слышал разговоры об этом, но считал, что новый бог не заменит Заань. Впрочем, пусть будут новые боги, если они не потеснят нынешних, которым на бескрайних просторах Биармии люди поклоняются из века в век. Всем там хватит места. Ведь не будут же боги, словно неразумные и несовершенные люди, воевать друг с другом!..

Хеймдалль скальд беседовал с предводителем прибывших викингов Даго Крийком, называя его соответствующим его положению званием хёвдинг.

— Крийк, хёвдинг Крийк — избранный коннунг, который ведёт в бой викингов, — негромко пояснил Бьярме Гrimсон, когда они стояли чуть в стороне от беседующих Крийка и скальда. — Советую во всём слушаться его — для своей пользы.

Даго Крийк, крепко сложенный человек с короткой чёрной бородой, склонив голову, слушал известного по всей Скандинавии скальда.

Вокруг оживлённо переговаривались люди северной вольницы. Они глядели на мир исподлобья, их головы в большинстве были украшены космами растрёпанных волос. Они смеялись, скаля зубы, хлопали друг друга тяжёлыми ладонями.

«Ладонь каждого из них — как моих две, — подумал Бьярма, — но посмотрим, чего всё это стоит».

Скальд подозвал Бьярму:

— Рекомендую в викинги, хёвдинг Даго Крийк. Подготовил его Гrimсон Железный Нос — тот, который показал себя в боях за Ирландию... да и на земле франков, по-нашему, в Валланде.

Даго Крийк кивнул:

- Слышал...
- А что он может? — крикнул кто-то из галдящей толпы.
- Он сам себя покажет, — весомо уронил в ответ Гrimсон Железный Нос.
- В бою?
- И в бою.
- Посмотрим.
- А ум у него не цыплячий?

Скальд вопросительно глянул на Бьярму.

Бьярма смущился:

- Я... я, Хеймдалль скальд, кое-что подготовил, но не уверен, годится ли...

Лицо скальда просветлело:

— Не прячь, что получилось. Говори громко. А вы — слушайте! Я тоже ещё не слышал, но доверяю сердцу Бьярмы. Пусть откроет, что он слышит сердцем — впервые и — всем!

Бьярма начал выговаривать сложенные им строки медленно, но постепенно голос его окреп. Может, Захрань помогла:

Мой дед – любовь к родной земле,
Богам же верность – бабушка моя.
Отец дал разум, смелость мне,
А мать – что и находчив я.
Острейший меч – мой лучший друг,
А бог – свидетель, что в бою
Не сдамся, не предам я вдруг,
Страну, свободу отстою!..

Первым высказался хёвдинг Даго Крийк:

– Это хорошо сложено! Можно сказать, очень хорошо, Хеймдалль скальд. Судя по голосу сердца, он может стать викингом. А всё остальное проявится позже...

Кто-то снова начал придиরаться к Бьярме, но вмиг замолчал от одного лишь взгляда Даго Крийка.

И скальд похвалил Бьярму, только нашёл кое-какие шероховатости.

– «Отстаивая свободу свою и своей страны», надо было бы сказать, что ты не сдашься и не предашь не «вдруг», а как-то более категорично, уверенно.

– Может, «я, не боясь ни ран, ни мук, Страну, свободу отстою», Хеймдалль скальд?

– А так действительно лучше!.. Вот эти слова запомни и произноси, когда придётся высказывать то, что пропущено через сердце...

Потом скальд обратился к Даго Крийку:

– У вас есть время отобедать у меня? Еды хватит всем.

– Спасибо, но времени нет, Хеймдалль скальд. Мои остальные драккары уже обогнали меня, идут где-то впереди. Дорога зовёт.

– Тогда я распоряжусь съестные припасы перевезти на ваш драккар. Хёвдинг, ваши люди, конечно, помогут?

Подарок скальда

Под шум и гам, смех и шутки, грубо вато подтрунивая друг над другом, викинги погрузили на судно отанный им скальдом провиант, затем сели на свои места, ожидая команды поднять парус и взяться за вёсла. Драккар покачивался на волнах, дракон нетерпеливо вглядывался вдаль.

– Дорога у вас длинная, я не спрашиваю, куда ваш путь, но пусть сопутствует всем удача! – пожелал Даго Крийку скальд. Влажный ветер с моря шевелил его волосы, седые, свившиеся прядями, словно прибрежные волны.

– Отправляемся в далёкие страны искать счастья, – сказал хёвдинг.

Они стояли недалеко от драккара. В десяти шагах от них ждал команды Бьярма. А чуть поодаль переминался с ноги на ногу Гrimсон Железный Нос.

– У вас боевая команда, хёвдинг, – заметил скальд. – Несомненно, бог Один поможет своим викингам добить славу и богатство.

— Они,— Крийк кивнул в сторону драккара,— ещё не викинги. Я веду сейчас молодых воинов, но любой из них уже хорошо умеет держать в руках свой меч. Полагаю, они окажутся викингами не хуже других.

— Помогай и моему подопечному юноше, уважаемый хёвдинг Даго Крийк. Чтобы тоже достойно прошёл сквозь битвы, которые выпадут на его долю. А потом,— скальд вздохнул и поднял руки к небесам,— пусть будет так, как хотят боги!

— Да, пусть будет так, как желают боги,— повторил хёвдинг.— Благословите молодого человека, я вас не тороплю,— Крийк пожал руку скальду с поклоном и направился к судну.

Скальд жестом подозвал Бьярму:

— Желаю тебе доброго пути — не лёгкого, но успешного,— сказал скальд.— Лёгкого пути и не ищи. Чтобы в Бьярмаланде могли тобой гордиться. Верю, ничего предосудительного на своём жизненном пути ты не совершишь.

— Но мне предстоит сражаться не за свою родину, не за Бьярмаланд...

— Как знать. Может, и за Бьярмаланд — тоже. Ты им послан и...

— Меня насилием привезли...

— Привезли, значит, так угодно было богам,— мягко парировал скальд.

— Я хотел бы сказать, что... Расставаться с тобой жаль, многоуважаемый Хеймдалль скальд... Да, жаль. Я вырос в Биармии, с детства знал, что по языку моих сородичей называют — коми. Не все там, конечно, коми, но мы понимаем друг друга. Чужаки же называют нас чудью... Да пусть хоть как называют, лишь бы давали друг другу жить. Сейчас я пришёл к такому понятию...

Скальд удивлённо посмотрел на Бьярму.

— Как, от кого, когда ты всё это успел узнать, запомнить, сообразить?

— В основном — от отца. Но только сейчас его слова достигли самой глубины души. Я стал понимать: для нас Биармия — Биа Ур Му, Страна Огненных Белок, а я сын её.

— Ты молодец, что не забываешь страну своих предков. Но не забывай и меня, Бьярма,— скальд обнял юношу.— Возможно, я ещё приеду к вам, викинг из коми Бьярмаланда, из Биа Ур Му...

— Спасибо тебе за всё, многоуважаемый Хеймдалль скальд. Я всегда буду помнить о тебе. И Гrimсон Железный Нос вечно будет в моём сердце.

Скальд глянул на стоявшего неподалёку Гrimсона и подозвал его. Старый викинг подошёл, держа в руках сверкающий на солнце меч.

Скальд взял клинок из его рук, прижал к груди и протянул Бьярме:

— Это — тебе. Время такое, что меч надо всё время держать наготове. Такова история, и не мы её придумали. Но чрезмерной воли ему не давай. А придёт такое время, когда он и вовсе будет не нужен. Между всеми людьми установятся мир и уважительное отношение друг к другу. Впрочем, до того времени, увы, ещё очень далеко.

Бьярма не знал, что ответить. Он низко поклонился Хеймдалль скальду и Гrimсону. Заметил сбежавшую из хозяйства Бёльверка собаку Тади, которая бегала вокруг своих новых хозяев и жалобно повизгивала. Бьярма погладил собаку и прижался к ней лицом.

— Я вас никогда не забуду! — от всего сердца, даже с некоторой внутренней страстью, сказал Бьярма, прижав к груди подаренный скальдом меч.

Скальд указал рукой на драккар, где викинги уже изготовились отталкиваться от берега острова Фрейя:

— Ступай. И пусть везде хранит тебя бог Один и... ваши боги. Удачи тебе, викинг из Бъярмаланда!

С места кратковременной стоянки вдали видны были многочисленные драккары под красно-белыми парусами. Их надо было догнать.

На пути в Англию...

Итак, к этому времени Англия перестала называться Британией. Бриттов, здешних коренных жителей, теснили воинственные племена англов и саксов из Германии и ютов с датского полуострова Ютландия. Эти преисполненные отваги и ярости племена вытеснили бриттов к западу, вплоть до Ирландского моря. Многим из бриттов пришлось переправиться на землю франков и основать там королевство Бретань. Сама Англия разделилась на несколько англосаксонских королевств, в четырёх из них викинги утвердились, опираясь только на свою грубую силу. Англы и саксы продолжали яростно защищаться под напором норманнов. Жестокие сражения шли уже больше ста лет, в результате половина англосаксонских земель оказалась в руках викингов.

Молодой вожак, хёвдинг Даго Крийк, собирал по всей Скандинавии самых отчаянных, смелых и решительных парней. Его видели в Норвегии: в Хельгеланне, Хордаланне, Ругаланне, он высаживался на остров Готланд и на многие другие острова. И вот собранные отовсюду люди, понятно, не самые кроткие, жаждали ринуться в бой, чтобы добить славу и богатство. Многочисленные известия о сокровищах, добытых в кровопролитных боях, бродили по свету и толкали молодых, полных сил воинов навстречу грозной, но заманчивой неизвестности. Это стремление приобретало характер неуёмной страсти и стало особенностью эпохи. Перед мысленным взором викингов сверкали золото, серебро, дорогие украшения, шелка, редкостные драгоценные камни. Особенно ценился янтарь, лёгкий морской камень, который хранит тепло, лечит от многих болезней, оберегает от сглаза и порчи. В Скандинавии у редкой молодицы не было янтарного ожерелья, каждый викинг старался найти, купить или отнять янтарь у чужаков, чтобы привезти домой. А дома спешили показать янтарное ожерелье прежде иных, даже золотых, трофеев.

Собранным на его драккар молодым воинам Даго Крийк не позволял расслабляться, на протяжении всего морского пути внимательно наблюдал, кто на что способен. А выводы из своих наблюдений он держал в голове, до поры до времени никому ничего не открывая.

В Англии королевство Нортумбрия было под властью викингов. Но на севере упорно оборонялся и никак не хотел сдаваться город Эдинбург, который защищали англы. Много голов сложили там викинги, большие потери были и у защитников города. В одной из битв пал от норманнского меча король Этельред, его заменил король Альфред, которого после нескольких битв стали звать Великим за то, что он вёл оборону города успешнее, чем его предшественник. Викингов оттеснили прочь от Эдинбурга.

Вот и призывали норманнские конунги новые силы со всей Скандинавии, чтобы взять непокорный город. На сотнях больших драккаров отправились в ту сторону люди, боялись лишь одного: опоздать на обещанное их вожаками кровавое торжество. Задача хёвдинга Даго Крийка заключалась в том, чтобы со своими отрядами расчистить дорогу основной армии викингов, которым под стенами Эдинбурга стала изменять удача. Они явно приуныли и пытались как-то развеселить себя: пили, дебоширили, гонялись за местными девицами. Всё это не прибавляло успеха главному делу...

Даго Крийк догнал свои драккары, с них шумно приветствовали хёвдинга. Далеко на линии горизонта маячили флаги драккаров с другими отрядами викингов, также устремившимися на запад. У каждого отряда в будущих боях была своя задача.

Даго Крийк приказал поднять на мачте своего флагманского драккара многоцветные вымпелы, с других драккаров отвечали такими же вымпелами. Всё тянулось к Англии.

А спешили викинги потому, что новый король Англии Альфред Великий начал объединять разрозненные королевства и стал собирать силы со всего острова. Впрочем, викингам было безразлично, чего хочет и что делает король. Они были уверены в своих силах и нисколько не беспокоились за исход дела.

…Между тем, на драккаре Даго Крийка на открытой палубе затевались весёлые игры. Вот один из викингов на плечах своего товарища, размахивая пузатым мешком, нападает на другого викинга с таким же мешком, а тот – тоже на плечах своего товарища – движется навстречу. Вокруг кричат, хвалят победителя, слившегося противника. Мешок Бьярмы сбросил на палубу рослого громилу, который ещё недавно на Фрейе кричал в его адрес: «А что он может?!»

«Вот это я смог – и то уже ладно», – подумал Бьярма, но тотчас напоролся на холодный и острый, как игла, взгляд громилы:

– Ты хитришь, выкормыш Хеймдалль скальда! Померяемся силой в открытой борьбе. Эй, расступитесь, дайте нам повеселиться на просторе! А ну, убирайтесь быстрей!

Вмиг середина палубы опустела; а кто-то крикнул:

– Хундинг, пригвозди к драккару этого, с острова Фрейя!

Хундинг обвёл взглядом толпу, поиграл мускулами, крикнул Бьярме:

– Защищайся! – и шагнул к нему.

«Спасибо, что предупредил», – подумал Бьярма, изготовился для защиты, но тотчас пластом рухнул от молниеносного удара. Из глаз посыпались искры. Мгновенно вскочив, он тут же рухнул от ещё одного удара...

– Хундинг, не обижай ребёнка! Он уже вот-вот заплачет!

Вокруг раздался издевательски-задорный смех.

Бьярма снова не успел встать в стойку, чтобы толком подготовиться к отпору, и от удара Хундинга распластался на палубе в третий раз.

Кто-то трезвомыслящий посоветовал прекратить избиение Бьярмы, иначе он и до Англии не доплынет. Придётся бросить его в море богу Ньёрду, чтобы не обижался на викингов.

Даго Крийк наблюдал за этим боем со стороны и готов был уже прекратить его, но из галдящей толпы вышел широкоплечий викинг с густой чёрной боро-

дой. Атлетическая, подтянутая фигура и задорно поблескивающие глаза говорили о том, что он молод.

— Может, закончим это веселье со мной, Хундинг? А то, смотрю, тебе уже скучно стало.

Хундинг в ответ смолчал.

Зато из толпы кто-то крикнул:

— О, Рольф?! Это другое дело. Теперь начнётся настоящее веселье!

Хёвдинг оценивающе посмотрел на всех троих, но не стал вмешиваться и даже выказывать своё отношение к происходящему. Пусть вольный боевой дух царит в его команде, ведь все они — накануне жестоких битв, где возможно всё. Только чтоб и вправду до бога морских глубин Ньёрда не дошли плоды этого геройства от скуки. Похоже, Бьярма впрямь метит в жертвы морскому богу. Но теперь, видно, расклад в схватке изменился... Бьярма с трудом встал, устремив взгляд на Хундинга. Вдруг исчезли страх и всякая прочая слабинка, которые нельзя допускать в решающую минуту. В нём проснулись волчья злость, медвежья сила и стремление не опозорить — нет, не себя, а Хеймдалль скальда и Гrimсона. Он будто представил, что его учителя наблюдают за происходящим на борту дракара. Бьярма решил продолжить бой. Теперь он будет нападать сам, а Хундинг пусть защищается.

— Я готов завершить веселье, — ухмыльнулся Хундинг, — только ещё разочек слегка дотронусь до него!

Рольф шагнул к дерущимся, но Хундинг опередил его и бросился на Бьярму. Хотел припечатать его к полу всей тушей и мощью своей, но промахнулся: Бьярма увернулся, а Хундинг тяжко рухнул на деревянный настил под весёлый гогот окружающих. Хундинг изрыгнул самые крутые ругательства, которые только есть в среде викингов, вскочил и сделал решительный выпад, чтобы всё же сбить с ног Бьярму и победно закончить демонстрацию своей силы.

— Зарань, помоги! — шепнул Бьярма.

Выбирать удобный момент и рассчитывать движения уже не было времени. А Хундинг просто и грубо бросился на Бьярму. И надо же, кулак его пронёсся вперёд впустую; зато ответный удар пришёлся ему по уху, заставив на миг замереть от неожиданности. И тут Бьярма успел вложить всего себя в целый ряд быстрых и резких ударов... Теперь как будто Гrimсон стоял рядом и оценивал соровую работу парня из Бьярмаланда. Старый викинг учил его защищаться против кого угодно — с мечом и без меча, и даже тогда, когда на безоружного нападают с мечом... Хундинг всё же достал его ещё раз, нанёс чувствительный удар, но добить противника при всём желании ему не удалось. А Бьярма весь сжался в комок, быстрым приёмом парализовал правую руку Хундинга, а затем и левую. Хундинг ещё размахивал руками, но они уже обессилели и не годились для борьбы.

Спасибо богине Зарань!.. Спасибо Гrimсону! Ярость Хундинга ещё кипела, но способность бороться, тем более побеждать у него испарилась. Бьярма, вероятно, применил в критический момент противоборства запрещённые приёмы, но иного выхода у него не было...

...То, что Хундинг ослаб, заметил не только Бьярма. Вот и великан Рольф почувствовал, что уже не требуется его вмешательство, и отошёл в сторону. А

Хундинг, возможно, теперь и меч схватил бы, если бы тот лежал поблизости. Он ещё беспорядочно размахивал огромными кулаками, но ударить сильно и попасть точно был не в состоянии. Бъярма ещё раз впечатал мощный удар кипящему злостью, но обессилевшему Хундингу в правое плечо, как учил Гrimсон. И этим ударом, по сути, закончил драку. Хундинг продолжал угрожающе ворчать и слабо сучил обвисшими руками, но его ворчание было вроде раскатов удаляющегося грома, которые не пугали...

Даго Крийк по завершении поединка посупровел. Он собрал всех и пригрозил привязать к мачте и хорошенъко наказать плёткой любого, кто ещё раз начнёт подобную драку в пути.

— Вы меня знаете, — для верности добавил он.

Никто не пытался возражать ему — подчинение старшим было у викингов в крови. Да и Рольф, наводивший страх одним своим видом, в паре с другим таким же могучим викингом охраняли хёвдинга денно и нощно.

Сам Даго Крийк во всём знал меру. Он был молчалив и, кажется, считал лучшим качеством человека умение молчать. А вот пустую болтовню и особенно болтливое зазнайство и спесь терпеть не мог.

Но заведённого на бой, играющего мускулами викинга не заставишь смирно сидеть в течение долгого, однообразного пути. Мужские игры продолжались. Викинги боролись, мерялись силами, но до драки дело не доводили. Любимыми занятиями были перетягивание каната, завязывание-развязывание узлов на скорость, состязания в сообразительности. Между делом потягивали любимый напиток викингов — пиво, вспоминали оставленных на сушке подружек и весьма громко распевали такие песни, за которые дома их немедленно вытолкали бы за дверь. Но в драккаре можно было говорить и петь всё, что угодно.

...Задул порывистый северо-западный ветер — пришлось спустить парус и сесть за вёсла. Бъярма, наравне с другими, тоже должен был грести до онемения рук. За вёслами у каждого было своё место (да и время). Конечно, очень уставали и после своей вахты какое-то время выглядели непривычно присмиревшими.

А погода явно менялась не к лучшему. Небо заволакивали чёрные тучи, лил холодный дождь. Викинги натянули тент — запасной парус, ведь нередко на сильном ветру паруса рвались, их то и дело приходилось чинить.

У Бъярмы после борьбы с Хундингом всё тело довольно долго болело, но он изо всех сил старался держаться и не показывать, каково ему. А по окончании своей гребной смены он забирался под тент. Изломанное дракой и утомлённое вёслами тело ныло, даже лёжа он не мог найти места, чтобы безболезненно расположить руки-ноги. К тому же от сильной качки он не мог уснуть.

Иногда рядом с Бъярмой пристраивался Рольф. Они как-то незаметно сблизились. Может, ещё и потому, что Рольф говорил на языке, понятном, пожалуй, любому человеку из Бъярмаланда. Разница в говоре у них, конечно, была, но в общем Бъярма понимал Рольфа, а Рольф, в свою очередь, понимал речь Бъярмы.

Рольф рассказал о себе. Он — из северного Финмарка, где живёт племя квенов. Это не чистокровные финны, но родственные им по крови. Главный город квенов называется Вадсе. А живут они во Варангер-фьорде, Парсангер-фьорде и Алта-Фьорде, в местах, богатых рыбой. Вот и Рольф осенью ловил крабов, треску, сайру, палтуса. И жил, в общем-то, неплохо. Но в один из праздников повздорил с

сыном конунга, который уж слишком зазнавался, важничал, ставил себя выше всех. Никому это не нравилось, но лишь Рольф, будучи навеселе, угостил кичливого отпрыска конунга ударом меча плашмя по голове. Ведь у каждого скандинава меч всегда при себе – на всякий случай. Вот и пришлось Рольфу от греха подальше спешно оставить своё хозяйство и податься к викингам. Познакомился с хёвдингом Даго Крийком, а дальше – как у всех...

Хёвдинг держал при себе Рольфа. А Бьярма и Рольф подружились, сблизило их родство языков.

Есть в Англии королевство Нортумбрия

Драккары массово хлынувших к берегам Англии викингов оказались у цели совершенно неожиданно для англичан. На глазах жителей центральных земель королевства Нортумбрия горизонт вдруг закрыла лавина широченных красно-белых парусов. Здесь викингов ещё не видывали.

На юг отсюда простирались королевство Мерсия, Восточная Англия и королевство Эссекс с городом Лондинием. С этим Лондинием викинги возились не-привычно долго и мучительно. Брали его приступом несколько раз, но снова вынуждены были оставлять. А, отступая из города, обозлённые завоеватели врывались в многочисленные церкви, хватали богато изукрашенные священные книги, срывали с них отделанные золотом, серебром, а то и драгоценными камнями оклады, затем вдребезги разбивали всё, что не могли унести с собой, наконец, поджигали здания. Викинги уходили, чтобы через некоторое время вернуться и повторить всё снова. Но вот появился король Альфред, и другие короли, помельче, готовы были пойти под его власть со своими землями, чтобы сообща избавиться от набегов викингов. Самостоятельно своими небольшими силами пытались защититься от пришельцев короли Хауторп, Бренсби, Виганторп.

...Но викинги пробивались всё дальше и дальше. И вот несколько сотен драккаров пристали к каменистым берегам Нортумбрии. Во флоте викингов были суда, вмещавшие по двести и более человек. Но кроме драккаров с воинами, в Англию прибыли и большие небоевые суда: кнорры, карфы. Они везли пропитание и всё необходимое для боевых действий, даже лёгкие железные кровати, которые можно было быстро собирать и разбирать.

Бьярма видел на берегах Винлы лодки своих земляков, называемые кочами. Они так же могли плавать по рекам и морям на вёслах и под парусами. Ещё на Фрейе Гrimсон расспрашивал парня об этих кочах, говорил, что можно и норманнам кое-что перенять у жителей Бьярмаланда. По его словам, всё это могло бы особенно пригодиться, когда викинги устремятся на Север. Ведь коч может нестись под парусами даже зимой, по льду, его не зажмут и тяжёлые арктические льды, он устроен так, что льдины выталкивают его вверх. У него много и других достоинств: коч не боится высоких волн, его можно волоком перетащить посуху из одной реки в другую. Единственный недостаток в глазах викинга, коч не предназначен для войн. Но что поделаешь, если руки обитателей пармы не чешутся от желания воевать, у них в крови это не заложено. У коми считается очень большим злом убить человека без крайней нужды, кроме как, скажем, спа-

сая собственную жизнь. А если неоправданное убийство случится, убийцу отведут в глухие дебри, привяжут руки к длинной жерди и оставят так одного в непроходимой чаще. Жердь не даст ему передвигаться в частолесье. И что будет с ним дальше, скорей всего никто не увидит и не узнает.

А вообще, надо сильно рассердить людей Бьярмаланда-Биармии, чтобы они взялись за копьё, топор или меч. Так бывает обычно лишь при защите родной земли, родных очагов и своих близких, сородичей. Тогда коми по смелости и самоотверженности вряд ли в чём уступят викингам...

…Вдали показалась церковь. Звонил большой колокол. При виде драккаров на берегу началась всеобщая паника. Наслышанные о викингах, взбудораженные люди метались, размахивали руками, послышалось мычание коров, которых уводили в окрестные леса.

На флагманском драккаре хёвдинга Даго Крийка викинги были возбуждены предоющим предстоящим боя. Все облачились в боевые доспехи: в железные панцири, шлемы, в руках каждый держал щит с устрашающими картинами, многие натянули на себя шкуры медведей. Кое-кто и впрямь потерял человеческий облик и разум, настраивая себя на звериный лад – орали, рявкали, пытались даже в диком возбуждении укусить друг друга. Никто, конечно, всерьёз не злился на слишком распоясавшегося соратника, лишь сердито отталкивал его от себя. Все неотрывно вглядывались в чужие пока берега.

Вот и она, земля Англии. Драккар по инерции вполз носом на каменистый берег. Утреннюю тишину разорвали на куски самые разные, но равно громкие и пугающие звуки. Более всего были слышны разноголосые яростные крики. Хундинг орал так, что даже в проёме медвежьей шкуры было видно, как раскраснелось от натуги его лицо:

– Коровы бегают! Сядем на них верхом, и битва будет – ого-го!

Даго Крийк взмахнул мечом, призываю крикнул:

– Викинги, вот ваша земля! Берите её!

На мачте флагмана трепетали вымпелы, зовущие в бой. Со всех драккаров викинги дружно устремились по каменистому склону вперёд и вверх. Защитники берега встали наверху стеной. Они были одинаково экипированы, королевские воины. И оказалось их немало, наверняка за первыми рядами стояли вторые и третьи… И вдоль побережья ратники двигались навстречу битве. Вон они – постепенно подбегают и справа, и слева. Легко их не одолеть. От летящих с берега навстречу атакующим стрел викинги стали падать, ведь с десяти-двадцати шагов стрелы легко пробивают кольчуту. Но вот викинги вскарабкались наверх и очутились лицом к лицу с королевскими воинами. И зазвенел металл о металл. В отряде Даго Крийка самым отчаянным был грозно ревущий медведь Хундинг. Одного за другим он валил щегольски экипированных англичан, меч его был весь в крови.

Бьярма орудовал своим мечом невдалеке от Хундинга. Он защищался яростно, но словно играючи – не спешил пронзить врага, он будто испытывал удовольствие от фехтовальных приёмов. Но и попасть под меч противника тоже не спешил – уклонялся и отбивался, как учил Гrimсон Железный Нос.

– Драка – это наука, – учил его старый вояка.

И Бьярма старался уследить за всем, что происходило впереди и вокруг. А

картина боя менялась очень быстро. Вот Хундинг пронзил острием меча рыжеволосого королевского воина, викинг был без шлема, видно, потерял в горячке боя. А вокруг него уже мелькали чужие воины с закрытыми лицами. Сзади в яростном прыжке ринулся на Хундинга воин, с головы до ног закованный в железные доспехи, с длинным копьём — смелостью он явно выделялся среди остального войска. Он уже занёс копьё для удара, но на один единственный миг опередил его Бьярма. Снова помогла наука Гrimсона. Меч Бьярмы, словно топор опытного лесоруба, молниеносно опустился на плечо копьеносца, и хотя плечо было защищено железом, это не спасло смеरчака с копьём — он издал душераздирающий крик и рухнул на землю. Хундинг обернулся на крик и благодарно кивнул Бьярме. На пути сюда, на драккаре, Бьярма отчаянно и поначалу безнадёжно защищался в драке с Хундингом, а теперь, по сути, спас ему жизнь.

А вокруг продолжалась кровавая схватка. Кричали, ругались каждый на своём языке, сперва угрожали, затем стонали и истекали кровью. Сверкали острые мечи, над головами со свистом пролетали короткие копья-дротики. Встречались друг с другом в бою (иногда — в полёте) датские боевые топоры с мечами из дамасской стали. Будто соревновались не только люди, но и их боевое оружие: какое больше убьёт или искалечит.

Однако бой продолжался не очень долго. Викинги стали одолевать немногочисленных англичан, те из них, кто остался в живых, укрылись в лесу. Разгорячённые битвой викинги преследовали их, а по пути не могли устоять перед соблазном — врывались в чужие дома. Бьярме неприятно резали слух крики женщин, попавших в руки разъярённых победителей... Большинство жителей, вслед за уцелевшими воинами короля, ушли в леса, однако немногие всё же остались. Кое-где ещё звенели мечи, но скоро всё стихло. Завершив кровопролитную бойню, викинги бросились искать горячительные напитки. И всю ночь над селением царила вакханалия разбоя и насилия, всю ночь раздавались женские и мужские крики. К утру викинги, натешившись разбоем и насилием, успели-таки окончательно напиться. Кто-то валялся на улице рядом с убитым — своим или противником — какая пьяному разница?! Но бывало и так, что один викинг вступал в драку с другим за женщин и иные трофеи, драки бывали жестокими, часто заканчивавшиеся смертью по крайней мере одного из соперников.

Конунги на какое-то время дали полную свободу победителям. А вновь прибывшие викинги перетаскивали раненых и буянивших с перепоя викингов в драккары. Собирали и павших. Над их телами особенно не печалились: верили или знали, что уже сегодня павшие предстанут перед богом Одином, а затем валькирии будут развлекать их неземным весельем. Там будет всё, что желает человек в своей земной жизни, никто из павших не будет горевать о том, что оставил эту бренную землю.

...Бьярма нашёл свой драккар. Здесь тоже пили и орали. Бьярма не любил вина и пьяных, но после всего прошедшего всё же приложился к крепкому пиву викингов. И с непривычки довольно скоро повалился рядом с другими.

Над Англией повисла тёмная ночь.

Бьярма – викинг

А утром случилось так, что Бьярме пришлось увидеть ещё одну неприглядную картину. Викингов собрали в центре города, туда привели взятого в плен молодого высокого человека с вьющимися чёрными волосами. Над ним явно собирались совершить какую-то экзекуцию. Начали с того, что толстыми верёвками его привязали к вкопанному в землю невысокому бревну. Затем к нему подошёл... Хундинг с плёткой в руках. Сперва ему что-то громко крикнули из толпы, затем сам Хундинг высоко поднял руку с плёткой и тоже заорал – ещё громче.

Рольф шепнул Бьярме:

- То – молитва богу Одину.
- А что будут делать с пленником?

– Вис – жертва. Взятого в плен в первом бою по традиции викинги всегда дарят богу Одину. Одного вот уже выбрали. Но прежде окончательной расправы его здорово отхлещут... Да ты сам это увидишь.

Хундинг ударил плёткой молодого человека – раз, другой, третий...

«Знал бы о том, что он будет творить, не выручил бы в бою», – подумал Бьярма. Он повернулся, чтобы уйти прочь. Кто-то невдалеке тоже, было, попробовал покинуть место казни. Но Бьярму и второго викинга, пытавшегося уйти, викинги жёсткими тычками кулаками в бок вернули назад, на то место, где те только что стояли.

«Разве с пленником справедливо так обходиться?» – про себя ужасался Бьярма. – Справедливой была бы лишь его гибель в бою!»

Викинги один за другим подходили, чтобы тоже бить уже измученного человека, у которого даже голова бессильно свисла. Но пленник лишь глухо стонал, сдерживая крики и не прося пощады. Это даже понравилось викингам: не слабак, такая жертва понравится богу Одину. Подтолкнули к обречённому на смерть человека и Бьярму. Он неохотно хлестнул казнимого один раз и уже подавал плётку стоящему позади викингу; однако рядом встал хёвдинг Даго Крийк и дал понять, чтобы Бьярма ударил пленника сильнее:

– Твоего удара наш бог Один не заметил. В его глазах ты ещё – не викинг.

Пришлось ударить ещё раз; но после этого Бьярму уже никто не останавливал. Он отошёл в сторону и зачерпнул из огромного котла крепкого горячительного напитка, который был припасен тут же, недалеко.

В душе его немного полегчало. Звание викинга его совсем перестало прельщать.

Чуть позже хёвдинг Даго Крийк собрал всех своих уцелевших после кровопролитной схватки людей и стал присваивать звания «викинг» тем, кто теперь оказался достоин этого звания, но прежде его не имел. Нескольких человек отодвинули в сторону, заметив, что им ещё надо подождать, поскольку в закончившейся битве они показали себя не весьма достойно. Крийк не сразу встал и на сторону Бьярмы, укорив его за нерешительность в отношении жертвы богу Одину, – или у него «кисельно» мягкое сердце?

– Способен ли ты стать викингом? – громко – перед всеми собравшимися – спросил Даго Крийк. – Или годится лишь для того, чтобы пасти овец на острове Фрейя?

Бьярма молчал. Слова хёвдинга, по правде говоря, не задели его за живое.

– Бьярма годится стать викингом! – заорал Хундинг. – Он отлично показал

себя в бою. Если бы не он, я бы не стоял сейчас тут перед вами, а был бы уже пред очами бога Одина. А теперь – вы сами видите – мой меч рвётся в новую драку. Я, Хундинг, ручаюсь за Бьярму! Бьярма – викинг!

«Хундинг может быть и хорошим, и плохим, – подумал Бьярма. – Рассказывают про него, что он чуть не утонул недалеко от земли финнов, в заливе Кюрьялаботн. На небольшом драккаре удирал от финнов. Наверняка был на судне не один и, видно, какую-то пакость там сотворили...»

Даго Крийк согласно кивнул после слов Хундинга. Он взял в руки меч Бьярмы и плашмя довольно крепко ударил его по плечу.

– Ты умер, Бьярма; но родился новый викинг! – и вернул ему меч.

– А на опустевшей площади, на столбе, свесив голову, бездыханно поник темноволосый, с длинными кудрями, молодой человек. Душой он был теперь далеко от этого места и своего тела, и там ему всё было безразлично. Потом – под крики и гогот пьяных викингов – забитого на столбе человека сожгли вместе с бревном, служившим ему как бы распятием...

Совет конунгов

Король Нортумбрии отправил к викингам послов с дорогими подарками. Чего только не было среди доставленной могучими конями поклажи: золото, серебро, дорогие украшения, виски – всю Скандинавию можно напоить допьяна и ещё останется; а ещё – военная экипировка и много чего другого. А если всё закончится миром – обещали привести ещё сотни коров, овец...

В захваченном викингами городе Йорке собрался совет конунгов, где было решено остановиться на захваченных рубежах и дальше не продвигаться. Покорённых земель вроде и так было достаточно. Хотя была ещё одна причина...

День был сумрачный; но в роскошных залах было светло, потому что в окнах конунги обнаружили настоящие стёкла, а не бычьи пузыри. Кроме того зал освещало множество факелов, которые даже не дымили.

Йорк – то было историческое название города. Для викингов он стал Йорвик, а конунги и вовсе предложили назвать его Эофорвик, что означало – «город викингов».

Город быстро заполнился людьми. Викинги установили здесь свои – привычные – порядки. По распоряжению конунгов, начали выпускать даже свои деньги – пенни. Но то были мелкие деньги. А крупной денежной единицей стал доставленный из Рима золотой «солиди». Этими деньгами конунги стали платить викингам за службу. Именно с того времени от названия денежной единицы «солиди» и пошло название военного человека – «солдат»...

На своём совете конунги то и дело шумно спорили по главному вопросу: куда идти дальше? Королевство Нортумбрия в Англии наполовину уже в руках викингов. Дальше на север вроде незачем идти. Надо подумать о землях к югу от Англии.

Слово взял конунг Фроди, человек очень уважаемый, которому никто не решался возражать. Выходец из земли данов, Дании, был он едва ли не самый суровый и всё говорил напрямую. И справедливо, ибо он имел большие заслуги: покорил почти всех королей Англии, со своими драккарами двинулся в Ирлан-

дию и, можно сказать, положил её к ногам викингов. При нём в Ирландии было основано несколько городов, в числе которых – Лимерик, Уэксфорд, Корк, Уотерфорд и даже Дублин.

Сам Фроди собирался отправиться назад – на землю предков. Знающие его люди рассказывали, что ещё до отправления на свои завоевания он установил в Дании очень строгие законы: никто не смел воровать, грабить, отбирая имущество, деньги и – даже просто махать мечом перед носом человека ради куражажа. Воры и грабители по-настоящему боялись его. Однажды конунг для проверки этого оставил на видном месте у пересечения дорог свой золотой перстень. Прошло много дней и ночей, но никто не посмел тронуть оставленный конунгом и лежащий на виду перстень. Фроди боялись и в Лондинии, и в Лютеции (так в древности звался Париж), и в Сигтуне, с ним везде старались ладить. Но со временем конунга Фроди стало больше интересовать то, какова теперь жизнь на его родной земле данов, и потому всё больше тянуло ближе к дому.

– Нам нужно наладить достойную жизнь на завоёванных землях, – сказал Фроди. – Но осталась ещё одна земля, которая буквально просится нам в руки. Это земля франков. Туда мы уже много раз входили, но почему-то не задержались и уходили обратно. Я был бы не против заселения викингами приморских земель франков – от устья Сены на восток – с городом Руаном, и на запад, включая несколько мелких островов. Пусть будет у нас там новая земля по имени Нормандия. Там мы останемся навсегда и не уйдём.

– Я согласен с конунгом Фроди! Викингам надо идти на Валланд, то есть на землю франков! – крикнул с места конунг Хельги, что из Норвегии, говоривший мало, ибо предпочитал выражать свои порывы мечом.

– Сердцем чувствую, что бог войны Упсала будет в этом на нашей стороне. Я уж не говорю про бога Одина – он всегда за викингов. Сперва надо покорить острова Гернси и Джерси, которые совсем близко от земли франков. Там собрать силы и с ними ринуться на материк.

– Вокруг Гернси и Джерси – много мелких островов. Там уже давно, ещё со времени прошлых походов, приготовлены запасы продуктов. Есть и подземные хранилища, где эти продукты можно долго хранить, – вмешался конунг Рагнар, что с полуострова Ютландия; в своё время Рагнар захватывал, правда, ненадолго, даже Париж, по-старому – Лютецию, где добыл много золота и разных прочих богатств. – О, Валланд, земля франков!.. Там делают самые острые и гибкие мечи – я знаю!.. Да и тамошние дамы умеют смягчать сердца викингов любого возраста!

– Но надо всё заранее рассчитать, – заметил конунг Гаральд. – Чтобы быть готовыми ко всему.

Конунги посмотрели друг на друга, остановив взгляд на Рагнаре. Они знали, что Рагнар Кожаные Штаны нападал на Гардарику, землю русских, и сам там чуть не потерял голову. Но головой рисковал он не однажды: уже в Англии в одной из битв Рагнар попал в плен к королю Элла; его заковали в цепи и доставили сюда, в Йорк. Но вот викинги после кровавой битвы ворвались в этот город, теперь Эофорвик, и освободили пленённого конунга.

– Да, – вздохнул Рагнар. – Нигде без кровопролитного боя нам не сдаются. Конунга Индвига, что из Сигтуны, как вы знаете, истребили вместе со всеми его викингами. И все они предстали перед богом Одином.

– Предстать перед богом Одином – это счастье и честь. Лишь он, Один, по-настоящему оценивает каждого из нас, – вставил кто-то из конунгов.

– Поэтому на земле викингам надо оставить как можно больше следов от своих ног, тогда и Один возрадуется, – не поддавался конунг Рагнар и показал на соседа. – Вот конунг Гаральд открыл для викингов Фарерские острова, остров Исландию и заселил их многими нашими людьми.

– Это верно, мы знаем! – выкрикнули из задних рядов. – В его руки попал весь Норд Вегр, наша древняя Норвегия, родина предков и нас самих; а ещё ему досталась земля данов, куда проникла вера в нового бога, который особенно почтено-то нравится нашим женщинам...

– И это я знаю, – отозвался конунг Рагнар. – Как сам новый бог, Гаральд учит нас особо чтить родителей. И собственным отцу-матери поставил на могилу роскошный памятник с надписью: «Я, Гаральд. В моих руках находятся Норд Вег и земля данов, и я внедрил туда веру в бога по имени Христос».

Конунг Гаральд скромно отмахнулся от похвал, окинув взглядом прочих:

– Время покажет, кто чего стоит... Ну, а на Валланд я предлагаю идти большими силами, а то тамошние люди, не тревожимые нами, совсем избаловались, обогащаются, роскошествуют без меры... Так,уважаемый конунг Фроди?

– Это так; но мне обязательно надо вернуться назад – на землю данов, чтобы укрепить там новые достойные порядки. Потому в походе на Валланд я неучаствую.

– На нет и суда нет... А вот он, – Рагнар показал на Даго Крийка, придя с людьми всего на нескольких драккахах, сумел воодушевить всех воинов в последней нашей битве за Нортумбрию.

– И мы победили, – одобрительно отозвался конунг Фроди. – Крийк умеет подготовить и настроить людей, внушить им боевой дух, и даже в самой тяжёлой битве не теряет головы. Под его начало можно дать и более мощные силы; на сотне-двух драккаров пусть высадятся на острова Гернси и Джерси; а потом – уж как получится...

– Да-а! А Валланд совсем рядом. Там ждут нас, не зная, как иначе избавиться от богатства, – по-своему мрачно пошутил конунг Рагнар.

На этом разговоры закончились. Совет конунгов единогласно решил дать Даго Крийку двести драккаров для ведения первых битв этого похода. А конунг Фроди пусть отправляется на свою землю данов, которая теперь стала на всём пространстве от Англии и до Рима самой могущественной – и на суше, и на морях...

...По окончании совета конунги уселись за стол с разнообразнейшими яствами, чтобы отметить большие события: совет и его важные решения. Руководил пиршеством конунг Фроди. Он повелел конунгам сложить снаряжение позади себя и сосредоточиться на задаче этого момента: отметить самыми лучшими винами заявленную готовность напасть на Валланд – землю франков. Благо эти самые лучшие вина были добыты как раз там. Выпили за победу над франками: держа в руках полные бокалы, обращались к богу Одину, прося помочь бесстрашным викингам в предстоящих боях.

Вина и яства приносили и ставили на стол только мужчины: женщинам заходить сюда было запрещено. А на столах чего только не было!.. Беспрерывно

приносили лучшее мясо – отварное и жареное, рыбу всякого вида и приготовления, фрукты, сыр, восточные сладости. За столом звучали боевые песни, сильные тела кружились в боевых танцах. Скальды читали свои вирши, в которых прославляли подвиги викингов...

Но и простые викинги в городе не скучали, находили развлечения. Позже конунги вышли к ним.

А наутро конунги собрались ещё раз. Обсуждали, кого куда назначить. В кратчайшие сроки требовалось подобрать силы для захвата островов, а большинство викингов широким фронтом должно было напасть на побережье земли франков. Окончательно решили: острова займёт Даго Крийк – ему для этого выделили двести драккаров. Викингов для этой битвы он наберёт сам, охотников захватить небольшие, но явно богатые острова – тоже немало. А франков на их основных землях разгромит и займёт их столицу Лютетию-Париж один из старейших конунгов – одноглазый Роллон. Совет конунгов он не очень почитал да и решения их воспринимал равнодушно. В разговорах по сути не участвовал, откровенно зевал в своём углу. Сотоварищи побаивались и в большинстве своём недолюбливали его. Но была у него другая сторона: старый конунг ожидался лишь в кровопролитном бою, в каком никогда не проигрывал; однако после окончания битвы его обычно отводили в сторону, ибо ему нужна была лишь победа, а на славу и без него находилось довольно охотников.

Конунгу Роллону выделили тысячу драккаров и назначили цель: в течение месяца захватить Париж. После этого он должен был передать свои ударные силы конунгу, которому предстояло с запада обогнуть Европу и попробовать бесплатные итальянские вина в самой Италии.

На землю франков!

Утром, едва тёмная синева горизонта окрасилась светом зари, сотни драккаров с высоко поднятыми носом и кормой, кишащие викингами, которых в своё время собрали от Скандинавии до Нортумбрии, – покинули берега уже наполовину захваченной Англии. Там остались лишь силы, способные утихомирить здешних королей, если они вздумают снова поднять голову.

Каждый отдельный викинг представлял серьёзную опасность для любого противника в открытом бою, а плавучие армады их вселяли ужас целым королевствам. Сейчас огромные полчища их плыли к берегам Валланда, на землю франков.

Здешний король, Генрих IV, последний из рода Каролингов, считал себя могущественнейшим среди правителей всех королевств и герцогств. Конечно, до Парижа доходили вести о головорезах из Скандинавии, которые уже несколько раз захватывали столицу Англии Лондиний: захватят, силой приберут к рукам всё, что попадётся под руки, и уходят. Подождут, когда Лондиний снова разбогатеет, и тогда для них наступает время снова побеспокоить владельцев приросших богатств...

Король и его окружение знали – и называли – скандинавами всех, кто шёл со Скандинавского полуострова: норвежцев, шведов, данов. Сейчас эта придворная знать собралась за богатым столом – тоже на свой совет. Вокруг – золото, серебро, расписная посуда. Манеры парижских придворных, короля и его министров-советников – не в пример грубым викингам. Утончённый этикет, слажевые на-

гранные улыбки, витиеватые речи, дипломатические способности, позволявшие выйти из любой щекотливой ситуации – но лишь здесь, в пределах двора, дворца, но не вне их, не за границами страны. Вельможи – военные и не военные – уверяли короля в преданности, клятвенно обещали разгромить в первом же сражении эту диковинную орду, облачённую в медвежьи и козьи шкуры, охваченную единственным стремлением хватать, грабить всё ценное, чего они не создавали, а ещё – пить до беспамятства и насиливать женщин, – вот весь набор их преступных занятий. Необходимо разгромить эту безумную губительную силу, срубить под корень, чтобы более она не появлялась на горизонте могучей державы!..

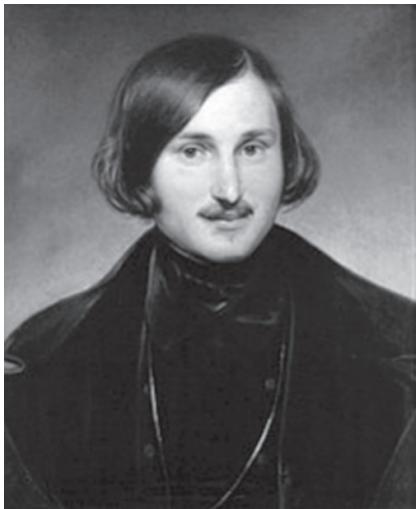
…Тем временем Бьярму определили на драккар Даго Крийка. Дул северо-восточный ветер, красно-белые паруса натянулись до предела. Плыли «фордевиндом», то есть по ветру. Но все (при численности экипажа в шестьдесят человек) стояли в готовности занять места за вёслами, если ветер вдруг резко переменится и придётся плыть «бейдевиндом» – против ветра. Работа не из лёгких, поэтому смены гребцов менялись часто, чтобы не замедлять ход драккара. Бьярма стоял на носу судна. Вообще-то у драккара нет ни собственно носа, ни собственно кормы – они просто одинаковы; это удачно приспособлено к морскому бою – не надо поворачиваться на полкруга каждый раз, когда надо резко поменять направление хода; просто греби, куда надо, и всё. Соответственно и рулевое весло не в одном из концов судна, а у борта… Бьярме опять вспомнилась похожая на драккар лодка-коч в Биармии. Только коч в Биармии предназначен не для битв, а для преодоления морей. Ибо на родине Бьярмы люди рождаются не воевать, а охотиться на лесных зверей, моржей, тюленей, рыбачить, возделывать землю, держать скот, торговать, – Бьярма вздохнул. – А вот с ним вышла совсем другая история: он спешит на военном судне с мечом в руках, где его уже ждёт человек, с которым придётся сразиться; и – кто кого.

Драккар Даго Крийка – сравнительно небольшой рядом с другими кораблями. На мачте развевается флаг с явственно видимым издали изображением – орёл схватил клювом свою лапу. Это воодушевляющее воинов изображение – благословение бога Одина идущим в бой. С Даго Крийком плывут сто драккаров, и задача его флотилии – захватить два указанных им острова; оказавшись в руках норманнов они так и будут называться – Нормандскими. Оба острова – довольно большие, а вокруг – с десяток мелких островов – и заселённых, и пустынных.

А у Роллона, самого именитого конунга в этом беспощадном побоище – более тысячи драккаров. Они проплывают мимо тех островов без остановки – прямо к земле франков – на большую битву. Драккар конунга снизу доверху украшен изображениями из золота. Это – не прихоть конунга. Так положено. На его флагманском главном корабле и драконы – самые устрашающие; на вершине мачты золотой флюгер показывает, в какую сторону дует ветер и как меняет курс флагманский драккар. От горизонта до горизонта море во все стороны заполнено грозными плывущими драккарами. Конунг Роллон, как и Даго Крийк, знали: потребуется не только покорить землю франков, но и заложить основу для заселения этих земель викингами. Франкам придётся потесниться, пусть и под напором силы, даже если будут большие потери. Так желают викинги; так хочет бог Один!

Перевод Юрия Ионова.

Продолжение следует...

Николай Гоголь

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). Тёдчана роч гижысь. «Ревизор», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба», «Вий», «Мёртвые души» да уна мукёд бур гижёдлён автор.

Ныр

Повесть

I

Март 25 лунё Петербургын лоис шензьёданатор. Вознесенской проспект вылын олысшырысь-бритчысы Иван Яковлевич (овыс вошома нин, и весиг ёшлёт вылас – кёні серпасалома майтёгалом бок мажичойос да «И вир лэдзёны» гижёдтор – немтор сэсся абу пасйёма) садымис зэв водз да кыліс пось нянь дук. Кыпёдчыштіс крёвать вылас да аддзис: готырыс, ёна пыдди пуктана ань, кофе юны зэв радейтысь, кыскаліс пачсыыс сёмын на пожалом нянь.

– Талун ме, Прасковья Осиповна, кофетё ог ю, – шуис Иван Яковлевич, – сы пыдди пось няньтö лукйон сёйыштны окота.

(Иван Яковлевич көсийис эсъю видлыны и сийос, и тайос, но тёдіс: кыкнансö отпрыж корны оз позъ, Прасковья Осиповна татшомтортö оз радейт). «Мед йойыс няньсö сёяс, меным жо бурджык, – ас кежсыыс мёвпыштіс готырыс, – кофеыс меным унджык вичмас». И чёйтіс пызан вылас оти пожас.

Иван Яковлевич йозаддза пасыталіс дёрём выйтіс фрак да пызан саяс пуксьём борын кисьтыштіс сов, весаліс кык юр лук, босытіс киас пурт да зумыштчомён мёдіс шёравны нянь. Джыннъяліс, видзёдліс шёрас и шемёсмис – мыйкё еджыд тыдалё. Видзчысшомпрысы гудыштіс пуртнас да видліс чунь помъяснас. «Зумыд! – шуис вомгорулас.– Мый нö тайё вермас лоны?»

Чунъяссö войтліс да перийис – ныр!.. Иван Яковлевич сідзи и уси ловнас, мёдіс синсö тільны да видлавны: ныр, ныр тай и эм! Да быттьё од на и зэв тёдса. Иван Яковлевичлён чужомыс весиг вежынъяліс повзьомысла. Но готырыслён скёрлуныс пöдтіс сыйлыс повзьомсö.

— Кодлысь тэ, скотина, нырсо вундін? — лёкысь городіс Прасковья Осиповна.— Лытун! Пьянник! Ме ачым тэ вылô полицияö удта. Рёзбойник этатшом! Куим мортсянь нин кывлî, бритигас по ныръяснысö сэтшома летан — ёдва и кутчысыны.

Но Иван Яковлевич и сізд кулём нисьо ловъя волі. Сійё тёдмаліс: тайё нырыс — коллежской асессор Ковалёвлон, кодос бритлывліс быд середа да восткременю.

— Сулав, Прасковья Осиповна! Ме гартышта сійёс рузумториö да пукта пельёсас: мед неуна куйлыштас сэні, а бёрыннас петкода.

— Кызвыны весиг ог кёсай! Медым ме ләдзи аслам жырийн вундом нырлы куйлыны?.. Кос печкан! Кужан сомын бритванад ремень кузя новлодлыны, а регыд и вольпасс шонтыны он кут сяммыны, кырсалысь, кён! Медым ме тэ пыдди сёрніті полицейскойяскод?.. Ак тэ, порсь, мёмёт! Ну сійёс, ну, кытчо кёсъян! Дуксо мед весиг эг кыв!

Иван Яковлевич дзикодз шёйвоши. Мёвпаліс, мёвпаліс — и эз тёд, мый думыштны.

— Чортыс тёдо, кыдзи тайё артмис,— шуис боръяпомыс пель сайсö гыжыйштёмён.— Код юрён или мый тёрыт локсъома? Дай оз вермы татшомыс лоны: няныс ёд пожаломтор, а нырыс дзик нин мёдтор. Сё диво!

Иван Яковлевич лёнис. А кор думыштіс, мый полицейскойяс аддзасны нырсо да мыждасны сійёс, тшук садьсö эз вошты. Сылы каститчис нин ыргёнён мичаа серлодлом алой юрийв, шлага... и Иван Яковлевич тірзис став тушанас. Сэсся сійё судзодіс кёлуйшойсö — улыс платтьёсö да сапогсö, пасътасис да Прасковья Осиповналон пычкысьюм уло гартыштіс нырсо рузумториö и петис ывлАО.

Иван Яковлевич кёсайис кытчою гусьёнику сюйыштны сійёс: либо воротаувса тумбаö, либо кыдзко тёдлытогыс уськодны да уйкнитны уличкостас. Но рёкыд вылô, пыр кутшомко тёдса морт паныдасис да юасис, кытчо по мунан, кодос по та водза бритны мёдомыд. Та вёсна Иван Яковлевич некыдз эз вермы аддзыны колана комсö. Отчыдысь эсъю артмис нин уськоднысö, но будочник ылысянь на ёлодіс алебарданас индомён: «Лэпты! Со тай мыйкё уськодин!» И Иван Яковлевичлы ковмис лэптыны нырсо да дзебыштны зептас. Сійё дзикодз пёгиö воис, ёд йёзыс ывлас пыр содис и содис, лавка-вузасянинъясыс воссялісны да.

И Иван Яковлевич шуис ветлыны Исаакиевской пос дорё: гашкó, кыдзко-мыйкё артмас Неваö шкуркнитны?.. Но ме неуна мыжа, ёд век на нином эг висътав тайё пыдди пуктана морт йывсыыс.

Иван Яковлевич, кыдзи и кипода став роч мортыс, тшёкыдақоды юсыліс. И коты быд лун бритіс йёз тшёкайс, аслас бриттём и кольліс. Сылён фракыс (Иван Яковлевич некор эз новлы сюртук) волі пегана; сіздсö съод, но виж-перкалъ да руд чутъяса; юрийлыс лёсталіс, а куим кизь пыддиыс ѡшалісны сунисторъяс. Иван Яковлевич торъя некодысь эз яндысылы, и кор коллежской асессор Ковалёв шуліс сылы бритигас: «Кияссыд, Иван Яковлевич, век мыйёнкó паркайö!» — сэки Иван Яковлевич вочавидзліс юаломён: «Мыйысь нё налы паркынысö?» — «Ог тёд, вокё, паркайö тай-а», — шуліс коллежской асессор, и Иван Яковлевич табак нюшкыштём бёрын майтогавліс сылы таись и тшёкасö, и ныр увсö, и пель сайсö, и тош увсö — ёти кывиён, кыті окота волі.

Тайё пыдди пуктана мортыс Исаакиевской пос вылô нин воис. Медводз

дзёръялыштіс, сэсся кусынътыліс перилö вылас, быттьёкё пос улас видзёдліс, уна-ö чериыс уялö, и гусьоник шыбитіс рузумö гартыштöм нырсö. Лолыштіс – дас пудысь быттьё мынтöдчис. Нюмыс весиг петіс. Сы пыдди медым мунны чина йозлысь тшöкаяс бритны, Иван Яковлевич весъкыда мёдöдчис «Кушанье и чай» нима кабакö пунш стöкан юавны, но виччысътöг казяліс Исаакиевской пос помысь лёссыд туша-модаа, пашкыр бантопша, куим пельёса шляпаа, шпагаа квартальной надзирательöс. Иван Яковлевич кынмис, а квартальной сэккості легёдіс чуньнас да шуаліс:

– Матыстчылы ноко татчö!

Иван Яковлевич ылышянь на пёрччис картузсö, чожа матыстчис да шуис:

– Видза оланыңд, ваше благородие!

– Абу эськё благородие да; ноко висътав, мый вёчин пос вылас?

– Сё ей бог, бритны ветлі, да сомын видзёдлі, визув-ö ваяс.

– Пёръясян, пёръясян! Он на сідз-тадз мынтöдчы. Висътав, ноко!

– Ме тіянöс кыкысь вежоннас, весиг куимысь кыв ни джын шутöг бритны кута, – почавидзис Иван Яковлевич.

– Тайö тшаква! Ме дорö куим бритчысь волö, да ыджыд чесътён на тайöс лыддьёны. А тэ вай висътав, мый сэн вёчин?

Иван Яковлевич кельдёдіс... Но тані лоёмторыйыс вошö ру пиö, и водзö мый лоис, абу тёдса.

II

Коллежской асессор Ковалёв садьмис зэв водз и вёчис вомнас: «брр...» – тадзи сийö вёчис быд садьмигён, кёть и ачыс эз гёгёрво, мый могысь. Ковалёв нюжмасыштіс, тшöктіс вайны пызан ылыштöм сулалысь неыджыд рёмпöштан. Сийö кёсийис видзёдлыны ныр вылас чеччыштöм пупыш вылö. И ёна шемёсмис: ёд ныр пыддиыс вёлі дзик шыльыд места! Ковалёв повзис да тшöктіс ва вайны, тільыштіс синсö кузьчышъянöн: збыль, нырыс абу! Сийö кутіс видлавны ассыс кинас: гашкö пё, узя да? Оз кё узь-а... Коллежской асессор Ковалёв чеччыштіс крёватьсяыс, ылышысь на видзёдліс: абу нырыс!.. Сийö пыр жё тшöктіс вайны паськомсö да лэбыштіс весъкыда обер-полицмейстер дорö.

Но сэккості колö мыйкё висътыштны Ковалёв йылысь, медым лыддьысысь тёдіс, мыйсама тайö коллежской асессор. Отияс асессорнас лоины аттестатьяс отсöгён, мёдъяс – Кавказын, и орччöдны найöс некыдз оз позь. Найö зэв ёна торъялёны. Велöдчом коллежской асессоръяс... Но Россия сэтшöм тешкодь му: шуан кё мыйкё оти коллежской асессор йылысь, став асессорыс, Ригасиян Камчаткаодз, думыштасны ас ыланыс. Сідзи жё и мукöд чина пёвстын. Ковалёв вёлі кавказса коллежской асессорён, кык во на сомын, и та вёсна весиг здук кежлö эз вермы вунёдлыны та йылысь. А медым нöшта бурджыкён петкёдчыны, пыр висътасыліс эз коллежской асессорён, а майорён. «Кызвы, съёлёмшör, – шуліс сийö манишкайсан ылыштöм вузасысь анылы, – тэ волы ме дорö гортö; патерай Садовойын; юав сомын, тані-ö олö майор Ковалёв – и быдöн тэныд петкёдллас». А мичаникёс кё паныдавліс, гусьонмоз содтыліс корём дорас: «Юав, рочакань, майор Ковалёвлысь патерасö». Та понда и ми кутам шуны тайö коллежской асессорсö майорён.

Майор Ковалёв быд лун гуляйтліс Невской проспекттöд. Манишкыслон юрьылыс век вölі сöstöм да крахмалитöм. Сылон кодь бантoshçö и öні на позьё аддзыны губерняса да уездса му мурталысыаслыс, архитекторъяслыс да полкса бурдöдысыаслыс, полицейскойяслыс да бостонён бура ворсыс, гöгрöс банийöм чужёма мужичойяслыс: татшöм бантoshъясыс мунёны дзик бандзибныс шöрёд да воёны веськыда нырёдзныс. Майор Ковалёв новліс сердолика да герба быдсяма чунькытш, мукöд вылас вölі весиг гижёма: середа, четверг, выльлун да с.в. Майор Ковалёв воис Петербургö корсыны аслас чинлы лöсяланан бур удж: артмас кö, вице-губернаторён, оз кö – экзекуторён кутшöмкö тöдчана департаментын. Майор Ковалёв и гётрасис на эськö, гötырпуыскöд кö кыкёс сюрс сетисны. И та вöсна лыддысысьверmas ачыс гёгёрвоны майорöс, кор сiё аддзис шöркоддьём лöссыдик ныр пыддиыс шыльыд места.

Но извозчикъяс ээ тыдавны, и Ковалёвлы ковмис мунны подён, плаш пытшкö тобссыёмён да чужёмсö дörаторийён вевттьёмён, быттьö нырсыс вир петö. «Кас-тигчис кö-а: оз вермы нырёй прöста вошны», – мёвпыштis сiё да пырис конди-терскöйö видзöдлыны рöмпöштанö. Бур, сэнi некод ээ вöб: зонкаяс чышкалiсны джодж да сувтöдалiсны улöссяс; кодсюрояс унзиль синмäöс петкöдалiсны под-носьяс вылын пось пирöгъяс; пызанъяс да улöссяс вылын туплясисны кофеён кötöдöм тöрытъя газетъяс. «Но, слабог, некод абу, – нурбыльтis Ковалёв, – öнi позьё видзöдлыны». Полом сорён матыстчис рöмпöштан дорö да видзöдлiс. «Чörтыс тöдö мый тайö! – шуис сiё, сьёлыштis да. – Кöть нин мыйкö мед ныр пыдди вölі, а öд нинём абу!..»

Дöзмöмпöрысьс вом дорсö курччöмён Ковалёв петiс кондитерскöйыс, ээ арт-мы сылон кыздзи век видзöдны йöз вылö да нюмъявны. Виччысътöг Ковалёв сувтis öти керка öдзöссяс весьтö. Син водзас петкöдчис шензöйдана серпас: кильчö весьтас сувтis карета; öдзöссясис вossисны; копыртчылöмён чеччыштis мундира морт да котöртis поскöдис вывлань. Кутшöма жö весьöпöрис да шемёсмис Ковалёв, кор тöдмалiс ассыыс нырсö! И синмас ставыс быттьö путкыльтchis. Сiё öдва суалалiс, сырмис кынтан виссöымись моз, но шуис аслыс виччысълыны. Кык ми-нут мысти нырыс збыльыс петiс. Сiё вölі джуджыд юрийла, зарниён баситöм мундира; няр улыс гача, а бокас öшалалiс шпага. Бордъясон мичмöдöм шляпа сертиыс позис шуны: тайö – статской советник. И став сертиыс вölі тöдчö: ныр мунис кытчöкө могон. Сiё видзöдлiс öтарö-мöдарö, горёдiс вöв вöтlyсылы, вайöд по каретатö, солiс и мунис.

Конёбр Ковалёв нымён ээ йöмы. Сiё ээ тöд: кыздзи тайö лоёмтор йывсыыс и мёвпыштны. Кызд нö тадзö верmas лоны? Сылон нырыс тöрыт на вölі чужём вылас, ээ вермы аспшöра овны, а талун мундира! Ковалёв котöрён уськöдчис карета бöрся. И бур, ылöдз ээ ковмы мунны: карета сувтis Казанской собор весьтö.

Ковалёв тэрмасьёмён пырис соборö, писькöдчис вичко голь паському бабъяс пöвстöд, кодъяс вылын водзынджык ёна серавлывлöс: чужёмъяссö найö вölі кöрталаёссь, а синмыслы вöчомаёссь кык розь. Вичко пытшкын кевмысыыс этша вölі; найö ставныс суалалiсны öдзöсдорын. Шогысла Ковалёв весиг кевмысынысö ээ вермы да корсис синнас быд пельёссыс мундира мортöс. Аддзис жö сэсся. Ныр вölі дзебöма чужёмсö джуджыд юрийв пытшкö да сьёлёмсянныс кевмысис.

«Кыздзи бара-й сы дорö матыстчыны-а? – мёвпалiс Ковалёв. – Öд сiё статской советник. Чörтыс тöдö, кыздзи тайöс вöчны!»

Ковалёв мёдіс кызёктыштавны ныркөд орччён сулалігмоз, но мёдыс ёти здук кежлө ээз эновтчыв кевмысьомысь да быд пёрйө улодз копрасис.

– Милостивой государ... – збаймёдчом могысьш шыёдчис Ковалёв, – милостивой государ...

– Мый тіянлы коло? – воча шыасис ныр, бергёдчис да.

– Тешкодь эсъко да, милостивой государ... Ме чайта... Тіянлы коло тёдны ассыныңд местато. И думыштны эг куж аддзыны тіянёс... вичкоын.

– Кора прёща, но ме нином эг велав... Выльыс висьталой.

«Кыдзи нё сылы гётёрвоёдны?» – мёвпыштіс Ковалёв, лолыштіс да заводитіс:

– Дерт, ме... ме майор. И абу лёссыд меным нырттог ветлөдлыны. Воскресенской пос вылын апельсинён вузасысь бабалы позьо на нырттог пукавны. Но меным... Сы мында керкаын нин лои тёдмасьома нима аньяскод: Чехтарева, статской советница, и мукт... Думыштлой асыныд... (Та дырый майор Ковалёв шыгыртліс пельпомс.) Корал прёща... видзёдны кё та вылө бур оласнога морт ног... ті асыныд верманныд гётёрвоны...

– Дзик нином эг велав, – вочавидзис ныр. – Бурджаика висьталой.

– Милостивой государ... – шуис Ковалёв да тшапа содтіс: – Ме ог тёд, мый ті көсийинныд шуны... Тані од ставыс гётёрвоана... Либо ті көсъяныд... Да од ті менам нырой!

Ныр видзёдліс майор вылө, и синкымъясыс буқышмыштісны.

– Ти сорсинныд. Ме ачым аслам. Миян костын оз вермы лоны некутшом топыд життөд. Вицмундирныдлон кизъяс серти, ті мёд ведомствоясь.

Тайёс шүём борын ныр бергёдчис да кутіс водзё кевмысьны.

Ковалёв дзиктід дзугсис, ээз тёд, мый керны и мый думыштны. Тайё здукас кыліс платтью кышёдчан шы. Матыстчис олёма нывбаба, ставнас прёшиён мичмёдом пасъкома, и сыкодь вөснүйдик ныв, лёссыд мыгёрсө тёдчодысь еджыд платтьёа, пирожной кодь кокньюд, кельыдвіж шляпаа. На сайё сувтіс ыджыд бантотша да дас кык юрийла кузь тушаа гайдук и восьтіс табак дозсө.

Ковалёв матыстчыштіс, мыччодіс манишкавыслысь батист юрийысө, лёссыдыштіс зарни чеп вылын ѡшалысь чунькытшъяссө да нюмъялёмён видзёдліс ныв вылө. Ныв копрасис тувсовъя нәриник дзоридз моз да вайёдліс плеш дорас вөснүйдик чунъяса еджыдик кисө. Ковалёв казяліс сылён шляпа улысь гётгрёсінік, еджыдсыыс-еджыд тшёка да тувсовъя медводдза роза рёмён мавтыштөм бан бок, и нёшта на пасъкыддыхика нюмъёттіс. Но виччысштөг сійө чеччыштіс бокө, быттөю чишкасис: од ныр пыддиыс сылён нином ээз вёв, и забедноысла синваыс пычкысис. Ковалёв бергёдчис шуны мундира мортлы, мый сійө абу статской советник, мый сійө лытун, мый сійө – сёмын ныр... Но ныр некон ээз тыдав – вёлі нин уйысъома. Буракө, бара муніс кытчоқө могон.

Ковалёв шогё уси. Сійө петіс ывлАО да здук кежлө сувтліс колонна улө, синнас гётгртіс, оз-о кёнкө тыдав нырыс. Зәв бура помнитіс сылысь бордъясон мичмёдом шляпасо да зарниён баситом мундирсө, но тёд вылас ээз босыт ши-нельсө, карета рёмсө, вёвъяссө, вёлі-о лакейыс и кутшом ливреяын. Да и вывті уна карета төвзис тытчо-татчо, видзёдлышыс он удит. А казяліс кё, ээз на и вермы эсъко сувтёдны. Луныс вёлі мича да шондіа. Невской вылын йозыс жуёу, аньяс дзоридзъяс моз сярвидзёны, Полицейской Аничкин поскодз. Со тай

тёдса надворнöй сöветник мунö; тöдтöм юз дырый Ковалёв сiёс подполковникён на ыдждöдлывлiс. А со Ярыгин, сенатын столонаачальник, бур ёрт, сöмын бостонён тшöкьыда ворссылö. Со и мöд майор, Кавказын жö асессорён лоис, кинас öвтчö, ас дорас корö...

– А, мор мед лыя! – шуис Ковалёв да горöдiс извозчиклы.– Эй, ну менö обер-полицмейстер дорö!

Ковалёв сöлiс кокныыдик телегаö да кадысь кадö горöдлывлiс: «Öдйöджык гёнит, öдйöджык!»

– Обер-полицмейстер гортас? – горöдiс сiёö, посводзас пырис да.

– Абу, – вочавидзис стöрёж, – сöмын на мунiс.

– Вот тэныд и на!

– Да, – содтiс стöрёж, – эз на эсъкö важён мун да. Неуна водзджык кö локтiн-ныд, гашкö, и суинныд на гортас.

Чужёмсö дöраторийн сайöдöмён Ковалёв сöлiс телегаö да лёкысь горöдiс извозчиклы:

– Вöрзьы!

– Кодарлань?

– Веськыда!

– Кыздзи веськыда? Танi чукыль: веськыдвылö ли шуйгавылö?

Тайö юалöмыс падмöдiс Ковалёвöс. Сылы вöлi бурджык медводз ветлыны полициякöд йитчöм Благочиние управаö: сэнi эсъкö öдйöджык отсалiсны. А нырлон уджаланiнын веськöдлiссыялсысь юасыны вöлi эсъкö весьшöрö: вочакывъяс сертиыс нин ныр петкöдчис вежавидзтöмён да ылöдчысъён, и сiёö бара на вермас ылöдлiны сэкся моз, некор по тэнö эг аддзывлы... Ковалёв кöсийлiс нин мунны Благочиние управаö, но юрас воис мёвп: тайö лытууныс бара вермас утыштны карысь, и сэки став корсыкыссыöмыс лоö весьшöрö либо нюжалас, Ен мед видзас, дzonь тöльсiс вылö. А сэсся, гашкö, ачыс Енмыс чуйдöдiс Ковалёвöс ветлыны газет экспедицияö да юзбöдны сэнi нырсö корсöм iйылсыс пасiйд: гашкö, кодкö аддзылас сiёöс да юортас. Ковалёв тшöктiс извозчиклы нуны сiёöс газет экспедицияö и туй чёжкыс сиздiс мышкуас да лыддöблiс: «Öдйöджык, яндысытöм бугыль! Öдйöджык!» «Эк, барин!» – шулiс извозчик юрнас пыркнитlöмён да швичöдлiс вöжжинас болонкалён кодь кузь гёна вöвсö. Медбöрын телега сувтiс, и Ковалёв пошиктöмён котöрён пырис неыджыд водзпомö. Сэнi пызан сайын пукалiс важ фрака да очкиа дзор чиновник и пиняс перö кутöмён арталiс вайöм ыргён сёём.

– Кодi танi юортöмъяссö чукörтö? – горöдiс Ковалёв.– А, видза оланныд!

– Видза оланныд, – чоломасис дзор чиновник, лэптылiс здук кежлö синсö да бöр лэдзис юклöм сёüm чукörъяс вылö.

– Ме кöсъя юзбöдны...

– Энлö. Виччысыштöй неуна, – öти кинас кабалаö лыдпас гижигмоз да шуйга ки чуньяснас тшöтi вылын кык кизь вештigмоз шуис чиновник.

Пызан дорын суалалiс киас гижöдторийн галунъяса лакей, тыдалö, аристократ керкась. Вежавидзöмсö петкöдлöм могысь сiёö мöдiс висьставны:

– Эсканныд-ö, мый поныйс оз сулав кöкъямыс гриннасö. Ме и кöкъямыс грёш эсъкö эг сет. А графиня радейтö, сё збыль, радейтö. И кодi понсö аддзас – сылы сё шайт! Став юзьыс эсъкö торъялöны асланыс кöсиймъясöн да. Но радей-

тан кё вёравны, ло́сьёд легавой пониёс либо пудельёс; эн жалит витсёсö, сюрс сет, но мед поныйс вёлі бур.

Олёма чиновник сюся кывзіс сійös и сæk жё водзö арталіс вайöм гижöдторьысь шыпас лыдсо. Ётар-мёдар боксянныс суалісны кианыс гижöдторъясöн ста-рукаяс, лавкаасы зонкаас да дворникъяс. Ётилавын вёлі пасийома, мый вёзйёны удж вылö ютём ямшикös. Мёдлаын – вузассö Парижысь 1814 воын вайöм абу дзик выль коляска. Вёліны и мукöд пасийодъяс: вузалісны дас öкмыс ароса нылös, коді кужис песласыны да мукöд удж вёчны; öти рессоратом ён телега; дас сизим вояс руд рёма том яр вёлös; Лондоныс вайöм сёркнилысь да редислысь выль койдыс; ыдже овмёса дача: вёвъяслы потшом кык местаа да кушина, кёні позьё быдтыны кыдда либо козъя вёр; важ потшва ньёбны окотитыссясö корисны торг вылö быд лун кёкъямиссян куим час асылодз. Йоз тыра ичёт жырын лолавнысö вёлі зэв сьёкыд. Но коллекжской асессор Ковалёв эз вермы кывны сынёд дуксö дörаторийон тупкыссымисла, да и нырыс код тёдас кёні ветліс.

– Бур мортö, позьё тіянёс... Меным зэв ёна колё, – шуис жё сэсся Ковалёв, терпенныёссыс петис да.

– Час, час! Кык шайт нелямын куим ур! Öти здук! Öти шайт квайтымын нёль ур! – шуаліс дзор юрсиа морт старукаяслы да дворникъяслы синмас гижöдторъясö шыблалігмоз. – Мый тіянлы колё? – бёръяпомыс шыёдчис Ковалёв дорö.

– Ме кора... – заводитис Ковалёв, – менё ылодлісны... онёдз ог вермы тёдмавны... Ме кора сёмын йёзёдны: тайё лытунсö аддзысылы сета зэв уна сьём.

– Кыдзи тіян овныд?

– А татöг оз позь? Ме ог вермы висъставны овöс. Менам уна тёдса: Чехтарева, статской советница, Палагея Григорьевна Подточина, штаб-офицерша... Друг кё тёдмаласны, Ен мед видзас! Прёстö гижöй дай: коллекжской асессор, либо, бурджык, майор.

– А пышыйсыс вёлі тіян крепостной мортон?

– Кутшом ешё крепостной? Тайё эсько эз сэтшом лёк вёв! Пышыйис ме до-рыс... ныр...

– Гм! Кутшом тешкодь ов! И уна-о тіянлысь тайё Ныровыс гусяліс?

– Ныр... да ті мёдтор чайтаниныд! Нырой, менам аслам нырой вошиш код тёдас кытчö. Чёртыс кё ме вылын сераліс-а!

– Кыдзи нё вошиш? Мыйкё ог ёна гёгэрво.

– Да ме ог куж висъставны, кыдзи; но оні сійö ветлёдло карёд да шуё асьсö статской советникён. И сійён ме кора йёзёдны, медым нырсо öдйёджык кыясны да вайёдасны ме ордö. Асьныд думыштлой, кыдзи меным сыйтöг овнысö? Синмад öд шыбитчö. Тайё абу кокыдлён кутшомкё чаль чунь, сапёгасяи – и некод оз аддзы, абу кё сійö. Четвергъясö ме ветлывла статской советница Чехтарева дорö; Подточина Палагея Григорьевна, штаб-офицерша, да сылон мичаник нылыс зэв жё бур тёдсаяс. Асьныд думыштлой, кыдзи нё меным оні... Оні меным оз позь накёд аддзысыны.

Чиновник парсö топёдмён войтчис мёвпъясö:

– Ме ог вермы татшомторсö йёзёдны газетъясын, – шуис сійö дыр чёв олём мысти.

– Кыдзи? Мыйла?

– Газетлён вермас вошины бур нимыс. Быдён кё кутас гижны, менам по нырой пышыйис, сэки... Сідзи нин шүёны, уна по лёсявтёмтор йёзёданыыд.

— Да мыйён нё тайё юёрыс оз лёсяв? Тані нинём сэтшомыс абу.

— Тайё ті сідз чайтанныңд. А воддза вежонас сэтшомтор жё лоис. Тіян моз жё локтіс чиновник, вайис гижёттор, мынтыс сыйыссы кык шайт сизимдас куим ур. Юёрыс волі со кутшом: пышийис сьод гёна пудель. Быттө и нинём сэтшомыс абу, а артмис суклясьом кодь: пудельыс ёд казначейён волёма, ог жё помнит, кытысса.

— Да ме ёд ог пудель йылыссы висътав, а аслам ныр йылыссы, позьё шуны, ас йылыссы.

— Ог, татшомторсö ме некызд ог вермы йёзёдны.

— Тадзтö менам нырой дзикöдз вошас!

— Вошас кö, бурдöдьиссы отсалас. Эмёсси по сэтшом йёз: кöть кутшом ныр вермасны пуктыны. Видзбода да, ті тай зэв гажа да шмонлив мортыс.

— Сё ей бог, збыльыссы тайё вол! Ме верма весиг петкöдлыны.

— Мыйла? — воддзö сёрнитіс чиновник табак нюшкигмоз.— Но, абу кö сьокыд, позьё и видзёдлыны.

Коллежской асессор вештіс чужом вывсыс дöраторсö.

— Збыль тай нё тешкоды! — чуймис чиновник.— И местаыс дзик шыллыд, быттö выльён пёжассыом блин. Да, нач веськыд!

— Но, оні он сэсся кутёй вензыны? Аддзанныд, оз позь не йёзёдны. Ме сьёлёмсаян тіянös аттёала; и зэв рад волі тіянкод со тадзи тёдмасыны...

Та порйё майор видліс чесчтö уськöдчыны.

— Йёзёднитö эсъкё абу сьокыд,— шуис чиновник,— но таисся тіянлы бурыс эташа лоё. А висьталанныд кö тайё лоёмтор йывсыссы кутшомкö гижысылы, сёй дасытас да йёзёдас «Северной пчелын» (тані сёй бара нюшкыштіс табаксö) том йёзлы статья (тані сёй чышкыштіс нырсö) — окотапырыссы лыддясны.

Коллежской асессор дзикöдз пёгибо воис. Сёй лэдзис синсö да газетлон улыс пельёссыссы лыддис спектакльяссы йылыссы юбртём. Чужомыс дасын нин волі нюмъёвтны тёдса мичаник актрисалыссы нимсö аддзём борын, а киыс пырис зептас: эм абу сьёрсыс вит шайта, ёд штаб-офицерьяслы, Ковалёв серти, колё пукавны креслойн,— но ныр йывсыссы мёвпыс ставсö тышкодис!

Чиновникöс, буракö, вörзьёдис Ковалёвлон никö воомыс, да сьёлём сетис:

— Жаль эсъкё петё тіян вылло да. Гашкё, табак нюшкыштанинды? Отсало юр висьомыссы да шогаломыссы, весиг геморрайссы.

Тайёс висьталігмоз чиновник матыстіс Ковалёвлы табак дозсö да пелька сюйыштіс сы уло шляпаа ныvbaba серпаса вевтсö.

Но таисся Ковалёв петис кусыс.

— Ti ешё шмонитаннитыд на,— крапкис сёй скöрйывсыс,— он мёй аддзой: менем ниномон нюшкышыс? Мед морён лыяс тіянлыссы табактö! Син воддзö оз ков оні сёй, и оз сёмын тіян пеж березинскойыд, весигтö раИе.

Тайёс шуалом борын Ковалёв дёзмёмпрырыссы петис газет экспедицияссы да мёддочис частной пристав дорё. Пристав зэв ёна радейтіс сахар, и гортас водзомыс, сэн жё и сёянныс, ставнас волі тырёма сахар юръясон, тёдса купечьяслон козинён. Кухаркаыс тайё пёраоб волі кыскё сы кокыссы казенной сапог; шпагаыс да став военной доспехыс лёня ёшалисны пельёссысын. Пристав лёсбёдчис шойчыштны тышка-кося оломуыссы, а куим сэрёга повзьёдчан шляпасо видлаліс нин куим арёса пиыс.

Ковалёвлён пыригён пристав буретш нюжмыштчис, ыкнитіс да шуис: «Часмод узышта кё-а!» И та вёсна коллежской ассессорлын воымыс сылы ээкажитчы. Да кёть и вайис эсько госятыс некымын тув чай либо ной, бурасо, кёнкё, ээвочаав. Пристав ёна пыдди пунктіс искусство, но бумага съомсö радейтіс медъёна. «Тайо добра, – шулывліс сійо, – тысы бурджыкыс нином абу: сейны оз кор, местасо этша босытö, зептад век тёррас, уськодан – оз пот».

Пристав сёрнитіс Ковалёвкод кёдзыда, пажын борын по оз туясылыны, а сёйом борын по коло неуна шойчыштны (коллежской ассессор гётэрвоис, мый пристав тёдтёг оз ов важся мудрецъяслыс шуйомъяссö). А нёшта пристав содтіс, бур мортлыс по нырсо оз нетышштны и эм по уна майор, кодъяслён шогмана улыс кёлуйыс весиг абу, и кыскасыны быдсяма лёк местаёд.

Веськыда синмас и краподіс тайёс! И Ковалёв, дерт жо, лёгасис. Ас вылас смекайтчомсö вермис на вунёдны, но чин вылас тешитчомсö – ээ. И весигтö чайтіс, мый спектакльясын позьо шмонитны обер-офицерьяс вылын, но некызд оз – штаб-офицерьяс вылын. Приставлон кывъясысь Ковалёв сэтшома пузис, мый сёмын тракнитіс юрнас да кияссö паськодыштёмён шуис: «Татшомтор борад ме нином ог вермы содтыны...» – и петіс.

Ковалёв воис гортас рёмдігас нин, коксö ѫдва кыскис. Лунтыр весьшшёро шойтём борын патераыс кажитчис сылы гажтёмён да мустёмён. Водзомас пырём борын Ковалёв казяліс ляккессьом кучик диван вылыс лакейсö. Иван мыш вылас куйлёмён съолаліс йиркё да вель лёссыда веськавліс ёти и сійо жо местаё. Тайо скёрмодіс Ковалёвс; сійо кучкис шляпанас лакейлы плешкас: «Мёмёт, век нином абусо вёчан!»

Иван звирк чеччиштіс местасыс да уськодчис пёрччодны сы вылыс плашсö.

Аслас жырио пырём борын мудзём да шого усьём майор шняпкысис креслөө, некымыныс лолыштём борын шуис:

– Господьбой Енмой! Мыйыс бара-ай меным татшом шогыс-а? Кийё кё ээ вё либо кокой – сэки эсько бурджык волі. Дай пельтёгыд на кыздзё позьо овны. Но ныртёгыс мортыд – код тёдас мый: абу ләбач ни абу морт, – кёть пыр жо ѡшинь саяд шыбит! Война либо дуэль вылын кё керыштісны, бурджык эсько волі. Но ѫд вошист!.. Сёмын оз, оз вермы лоны, – содтіс сійо, мёвпалыштіс да.– Кызд нё позьо ныртё воштыны? Вётася кё-а, каститчо ли. Гашкё, сорси да ва пыддиыс водка юи, мыйён бритчом борын тошкёс чышкавла. Иваныд, йой, абу юёма, да менам, буракё, сійос и юсьёма.

Медым такодны ассыс, мый сійо абу код, майор ёнакодь чепольтіс ассыс да городіс дойысса. Сідзё, оз вётася. Сійо надзённикон матыстчис рёмпёштан доро да кунис синсö чайтёмён: гашкё по, нырой эм нин да. Но пыр жо чеччиштіс бёрвыв да муростіс:

– Сё мокасыт!

Дерт, вермас вошны кизь, эзыс пань, часі либо мыйкё сэтшом сяма жо. Но кытчо нё нырыдлы вошны, аслад патераын?! Майор Ковалёв мёвпалыштіс да воис кывкортёдö, мый таын мыжа штаб-офицерша Подточина, коді кёсийс гётравны сійос аслас ныв вылó. Майор, дерт, радейтіс ныв бёрсаяс кыскасыны, но гётрасыны ээ на кёсий. И кор штаб-офицерша веськыда шуис сылы, нылёс по тэ сайё сета, майор вочавидзис, ме по том на и коло вит во на уджавны нелямын кык арос тыртодз, да утёвтіс сэтыс. А штаб-офицерша оні, кёнкё, тысы водзос

босътö: медаліс кутшöмкö тшыкöдчыс бабъясöс да тшöктis керны сiйöс. Öд некод эз вермы нырсö вундыны: жыртъяс Ковалёв дорö некод эз пыравлы, Иван Яковлевич бритiс сiйöс середаö, а середа чöжыс да четвергас на нырыс вöлi дzonь. Тайöс майор бура тöдiс. Дай дойсö эсъкö кылiс; ранавыс оз жö вермы сэтшöм öдйö бурдны да блин кодь шылтыдöн лоны. Ковалёв дыр жуглiс юрсö, корны-ö штаб-офицершаöс ёрдö либö аслыс сы ордö ветлыны да топöдлыны. Мёвпъяссö торкис öдзöс костъясöд югнитыс би: буракö, Иван öзтiс нин водзомын сись. Регыд мысти мыччысис ачыс Иван, сiйö нуис сисьсö ас водзас кутёмён да югзьöдис ставнас жырсö. Ковалёв öдйö кватитiс дöратор да сайöдiс чужёмсö, öд бöб мортыд ылавны вермас, татшöм тешкодьортö казялас да.

Эз на удит Иван пырны аслас чуланö, водзомын кылiс тöдтöм гёлöс:

– Коллежской асессор Ковалёвыс танi олö?

– Пырёй. Майор Ковалёв танi, – звирк чеччыштiс да öдзöс восытiгмоз шуис Ковалёв.

Пырис полицияса чиновник, мича туша-мыга, югыд нисьö пемыд бантоша, яя бандзиба. Буретш тайö мортыс и сулалiс повесыт пансигён Исаакиевской пос помын.

– Нырсö тi воштiнныд?

– Но, ме.

– Сiйöс аддзим.

– Збыль? – горёдiс майор Ковалёв. Кыв-ворсö весиг радысла воштiс. Сiйö сюся видзöдис паныд сулалыс квартальной вылö, кодлён яя пар да бандзib кузя буджрасис сырман сись биыс. – Кыдзи нö?

– Туй вылын тай кыдзкö кутёмаöс-а. Диличансö нин вöлiм сёлö Ригаö мунны. И пашпортсö важён нин лöсöдлöма кутшöмкö чиновник ним вылö. Первойсö öд ачым сiйöс мортон чайтi. Но, бур, очкий сьорыс вöлi, и ме гёгöрвои, мый сiйö – ныр. Ме öд тамыш синма: водзвылам кё сувтанныд, сёмын чужёмнитö аддза, нырнитö да тошнитö ог нин казяв. Тьöшшай, гётырлён мамыс, нинём жö оз аддзы.

Ковалёв ыззис:

– Конi нö сiйö? Конi? Онi жö котёрта!

– Энö майшасьöй. Ме öд тöдi, мый сiйö тiянлы колö, да сьорыс вайи. А бöйбöдлöма тiянöс Вознесенской улич вылын олыс шырсысь-бритчыс, кодi онi миян часьтын пукалö. Ме важён нин грекйтi сiйöс кодалöмын да гусясöмын, войдёрлун на öти лавкаыс кизьяс гюёма. А нырыд тiян важ кодыс на.

Квартальной мёдiс лукыйысны зептас да перийис сэтыс кабалаö гарыштöм ныр.

– Сiйö! – горёдiс Ковалёв. – Збыль сiйö! Юанныд тшай?

– Окотапырыс эсъкö кольччи, но ог вермы: колö смирительной керкаö ветлыны... Сёяныс тай зэв ёна донсялiс-а... Менам керкаын олёны и тьöшшай, гётырлён мамыс, и челядьöй. Ыджыдджыксыс, буракö, толк лö: вежёра зонка, но велёднысö нинём вылö...

Ковалёв гёгöрвоис сiйöс, кватитiс пызан вывсыыс дас шайта бумага сёём, сюйыштiс надзирательлы киас. Мёдис копыртчылiс да петис ывлаб, мёдiс пинявыны-велёдны бульвар вылö телеганас кайём бöб мужикöс.

Квартальнöйлон муном бöрын коллежской асессор недыр кежлö шойёвошлiс,

а сэсся воис ас садяс: сэтшёма весьёпёрліс виччысытём радлунысь. Видзчысыёмён китырнас босътіс сюром нырсö да выльысь видзёдаліс.

– Да, сийё, збыль сийё! – шуаліс майор Ковалёв.– То нö тай пупышыс шуйгалидорас, тöрыт на чеччыштіс.

Майор нымён эз серокты радысла.

Но оломад тай ставыс ёдйö помасьё, и здук мысти радлomyс чиныштіс нин, а сэсся дзикöдз вошиш, быттьё эз и вёвлы. Тадзи жö из чёттом бöрын вочасон бырёны ва веркёсын артмыссы кытшъяс, вавыс шылясью. Ковалёв пондіс мёвшавны и гёгёрвоис: тайон ставыс оз на помась. Нырыс кö сюрис, колö на ёд сийёс и местаас бöр лепитны.

– А оз кö лепитчы?

Тайё юаломсыс майор кельдöдліс.

Полом сорон уськодчис пызан дорö, матыстіс водзас рöмпöштан, нырсö мед пöлöсöн не пуктыны. Кыыс тіраліс. Видзчысыёмён майор пуктіс нырсö важ местаас. Господьой Енмой! Нырыс эз ляскысь!.. Майор матыстіс сийёс том дорас, шонтыштіс ловрунас и бара кёсайс лепитны кык бандзикостса шылыдынас, но ныр эз öшиы.

– Но, ўйё, ляскысян он! – шуис сылы майор. Нырсö быттьё пуысь вёчома, пробка моз бöр шняпкысыліс пызан вылö. Майорлён чужомыс вежынътчис.– Оз мёй и ляскысь? – полёмпрысыс кайтіс сийё. Но кымынысь эз матыстлы нырсö чужом бердас, нином эз артмыв.

Майор чукостіс Иваноц да ыстіс сийёс бурдöдисыла. Бурдöдись оліс сийё жö керкаас медбур патераын – белъетажын. Тайё мортыс торъяліс мукöдись: смоль сьёд бантопша, лöссыд гöтыра, асывъяснас сейис яблöг да зэв сёстома видзис том пытшкёссö, быд асыв пожъяліс сийёс час кымын, а пиньсö вит пöлöс щёткаён шыльёдіс-весаліс. Бурдöдись пырысытём-пыр и локтіс. Юаліс, корджык лои тайё лёкторыйс, лэптыштіс Ковалёвлысь тшöкасö да печиктіс ыджыд чуньнас вёвлом ныр местао – майор копыртіс юрсö бöрлань да люкасис балябожнас стенмё.

Бурдöдись лöнъёдіс, немтор по, да корис вешыйштны стен дорсыс, тшöктіс сылы дорынътны юрсö веськыдвывлань, малалыштіс ныр местасо да шуис: «Гм!» Сэсся тшöктіс дорынътны юрсö шуйгавыв да бара шуис: «Гм!» А бöръяпомыс бара печиктіс – майор Ковалёв дöзмомсорон пыркнитіс юрнас. Бурдöдись катлодлыштіс юрсö да кывкóрталіс:

– Оз, оз позь. Тадзсо тіянлы бурджык. Пуктынысö, дерт, позьё, көть оні жö и пукта. Но, чайта да, таысь тіянлы лёк лоё.

– Тадзсо мёй бурджык?! Кыдз нö ме ныртöгыс? – пöгибö воис Ковалёв.– Тайсь лёкджыкыс нином абу. Кытчö нö тайё дивöыскöд петан? Менам эмёсь бур тöдсаяс, и талун кыклав колö ветлыны рытпукны. Ме ёд унакöд тöдса: статской советница Чехтарева, Подточина – штаб-офицерша... Көть эсько сыкёд оні ме сёмын полиция пыр мёда сёрнитны. А гашкё, кыдзкё отсаланныд? – кевмана шуис Ковалёв.– Лепитёй, мед сёмын кыдзкё кутчысыштас... Усьомсыс ме верма корсюрө и киён кутыштавны. Ог йёкты ёд и. А воломсыныд мынтыся, кымын верма...

– Ме некор ог уджав сёём перйом вёсна, – гора нисьё лöнъ гёлöсöн эскöдіс Ковалёвс бурдöдись.– Тайё оз лёсяв меным. Воломыссы эсько босъта сёёмсö, но сёмын сы ради, мед оз дöзмыны. Дерт, ныртö пуктыны верма. Но, сё збыль,

бурыс таңыс оз ло. Гашқо, ставыс ачыс ладмас? Тшёкыддыхыка мыськкой көдзыд вайын, и ныртогыд ті важ моз дзоньвидзаңыз да оланныд. А ныртө пуктой спирт тыра дозий либо, бурдыхык, кисьтой сәтчө кык ыджеңд пань тыр чорыд водка да шонтөм уксус, – и верманныд бура на жөвитетчины. Ме весиг ачым сійөс босъта, онө кө ёна донсөйдчой.

– Ог, ог! Ниномыс ог вузав! – городіс пико воём майор Ковалёв. – Бурдыхык мед вошас!

– Кора прёща! – копрасьомён кайтыштіс бурдөдьес. – Ме көсий сөмын отсавын... Мый сэссе вёчан?! Видлі тай-а.

Тайёс шуём бёрын лёссыд мыгёра бурдөдьес петіс жырийес. Ковалёв весиг чужом вылас эз видзёдлы, аддзыліс сөмын съод фрак соссыс мыччысом лым еджеңд сос вом дорсө.

Мёд луннас майор мёвпыштіс норасьом сетом водзылын гижен штаб-офицершалы. Письмёис волі со татшом:

«Пыдди пуктана Александра Григорьевна!

Некыдз ог вермы гёгёрвоны тіянөс. Но тёддой, татшом ногён тіян ниномыс оз артмы и он вермой менё мырдён гётравны тіян ныв вылә. А аслам ныр йылыс ме ставсö тёда, весиг мый тi и мыжаобь таын. Кыдз нö сийö ачыс вермис торъявны чужомсым, пышшины, пасьтасыны чиновникö да бара ас обли-кын петкёдчыны? Тайö тi мыйкö туналінныд либо кодлыкот шёктинныд. Водзыв юртта тіянлы: талун жё кө нырёй оз весъкав места вылас, меным ковмас шыёдчыны оланпас тёдьес дорё.

Пыдди пуктёмён тіян бур тёдса
Платон Ковалёв».

«Пыдди пуктана Платон Кузьмич!

Тіян письмёыд менё зэв ёна шензьёдіс. Эг виччыс тіянсян татшом укё-райтёмсö, дай нöшта на нем абусыс. Чиновниксö, код йылыс тi казытыштінныд, ме некор эг примитлы гортын, ни сайёдомаёс ни сайёдтёмөс. Волывліс сөмын Филипп Иванович Потанчиков, бур оласнога да вежёра морт. И важён нин эсъкө гётрасис менам ныв вылә, но лачасö эг сетлы. Тi казытыланнныд нöшта ныр йылыс. Гашқо, чайтаннныд, быттьёкө ме тіянөс ныр йылоднныд новлодлі, ылодлі, мед бёрыннас чёвтны? Но мыйла нö та йылыс юасяныд? Тi öd тёданнныд, мый ме окотапырыс сета нылөс тіян сайö, корасяныд кө. Ме тайёс зэв ёна көсся. И век дась тіянлы отсавын.

Александра Подточина».

«Абу, – шуис письмё лыдьём бёрын Ковалёв. – Сійё абу мыжка. И оз вермы лоны! Мыжка морт тадзё оз вермы гижен. – Коллежской ассессор тайёс бура тёдіс: Кавказ обласстын на сійөс некымыныс ыстылісны туясыны. – Кыдз нö тайёс сідзкө лоис? Чөртис тёдё!» – ышловзис Ковалёв.

Сәккості асылысполёс лоёмтор йылыс сёрниыс разаліс юркар пасьтала, да

содталыштёмён на. Сэки йёзыслён вежёрыс пысасьё волі вёвлытёмторъясö. Неважён на ылавлісны магнетизм опытъясон. Век на сёрнитісны и Конюшенной уличывыса ёктысь улостьяс йылысь. И та вёсна нем волі шензыны, кор регыд мысти кутісны висставны, быттьёк колледжской ассессор Ковалёвлён нырыс сточ куим часын ветлодлө Невской проспектод. Быд лун сэтчо пондіс чукортчыны тырыс йöz. Кодкө шуис, нырыс по волі Юнкер магазинын – Юнкер дорё ставныс уськодчисны да мёдісны тойласыны, весиг полициялы ковмис сюйсыны. Оти маклачиться – бур туша-модаа, бантоша морт – вёчис лёссыд зумыд пу лабичъяс да быд волысълы вёзиліс сувтлыны на вылø көкъямымысадас урыс (а сіздөс сійө вузасыліс театр одзёс дорын кос пирогъясон). Оти заслуженней полковник нарошнö петіс гортсыс водзджык да сьокыдпрыс писькодчис йöz пёвстөд. Но кусыыс петмён скёрмис, кор магазин ёшиньёд ныр пыдди аддзис ниномён абу чуймодана вурун пупайка да литографированной серпас, кёні воліны чулкисо лостводысь ныв да пу сайсянъ сы вылø видзодысь, павтыртана жилета да дженьыд тошка франт, – дас воясъ унджаык нин ёшалё пыр оти местаын тайё серпасыс. Полковник вешыйштіс да дöзмомпрыс шуис: «Кыдз позъо татшом йой да лоствётм сёрнинас йözсө шызводны?»

Сэсся кывсис, быттьёк майор Ковалёвлён нырыс оз Невской проспектод, а Таврической садын пёкаждивайтö, и важысянъ нин. И кор по сәні Хозрев-Мирза на овлома, зэв ёна шензылома тайё дивонас. Хирургия академиясь откымын студент мёддочисны сэтчо. Оти тодчана ань аслас письмоын тшоктіс сад борся видзодысьлы петкодлыны челядьлы тайё шока вёвломторсо да, позъо кё, гёгрво-дны велодём сорён.

Став тайё лоёмторыслы радлісны корана рytъяс вылø ветльсъяс. Найё радейтісны серам петкодлыны аньяслысь, но сэк кежло висыталанторыыс дзиқодз быри. Откымын вежавидзысь бур морт ёна шуасисны та вылø. Оти мужичой скорыс висыталіс, кыдзи по позъо вылын культураа нэмö паськодлыны лоствётмторъяс? Сійө эз гёгрво тайёс да мыжаліс правительствоос чунъяс пырыс та вылø видзодомын. Сійө волі сэтшом йöz пёвстарь, кодъяс көсийисны эськө гарыштны правительствоос бидлаб, весиг гётырыскод бидлунъя вензьомё. Та борын... но тані лоёмторыыс бара вошо ру пио, и водзö мый лоис, абу тодса.

III

Мыйыс сёмын олёмас оз керсы! Лоствётмторсо корсюрө изёны: буретш сійө нырыс, коді ветлодліс статской советник чинын да кывсис кар пасытала, вичыссытөг бёр веськаліс аслас местаё, майор Ковалёвлён кык бан косто. Тайё лои апрель сизимёд лунё. Майор садымис, тодлтытогыс видзодліс рёмпöштано и аддзис нырсо – шамыртліс кинас – збыльсь ныр! «Эге!» – городіс Ковалёв да радывысыс тшук эз уськодчы ёктыны, но торкисны – пырис Иван. Майор тшоктіс вайны ва да мыссыгмозыс нин нöштасыс видзодліс рёмпöштано: ныр! Кузьчышъянён чышкысигмоз бара на дзоркнитліс рёмпöштано: ныр!

– Видзодллы, Иван, ныр вылын пупышыс оз тыдав? – юаліс сійө и сэк жо мёвпыштіс: «А шуас кё: абу пупышыс сёмын, но и нырыс абу?!»

Но Иван вочавидзис тадзи:

– Некутшом пупыш ог аддзы – нырныд сөстөм!

«Бур, сё мокасыт!» – шуис аслыс майор да тшолснитіс чунъяснас. Сәккості өдзөс сайсянъ полёмпрысь мыччысис шырсысь-бритчыс Иван Яковлевич, быттыö гос гусялёмыс ньёръялём кань.

– Кызд нö сөстөм абу? – ылысянъ на городіс сылы Ковалёв.

– Сөстөм.

– Сöран!

– Сё ей бог, сөстөм.

– Виччысь, абу кё...

Ковалёв пуксис. Иван Яковлевич вевтис сійёс дöраён да син лапнитігкості кисточка отсöгён ставнас тошсо да тшöкасö пöртіс кремё. Татшом кремсö сетёны купечьяслён нимлунасигён.

«Видзöттö! – майор ныр вылö дзоркнитлём бöрын шуис аслыс Иван Яковлевич. Сэсся дорынътіс юрсö мöдарывы да видзöдліс сы вылö бокладорсянъ. – Со тай! А кыздзи думыштлан...» – содтіс да дыр видзöдіс ныр вылас. Сэсся кокныдика, видзчысъёмён кык чунь костö кыйис сійёс йылёдыс. Иван Яковлевич быд пöрий тадзи вöчліс.

– Но, но, но! – городіс Ковалёв.

Иван Яковлевич весиг кисö ледзліс – шёйёвошліс. Век жö надзёник кутіс гильёдны бритваён майор тош утті. Кöть эсько сылы сьоқыд вöлі бритны исасян вир-яй юкёнö кутчысътöг, век жö кызджö бритіс, сарёга ыджыд чунънас майор тшöкаö да улысса пинь анö пыксьёмён.

Кор ставыс эштіс, Ковалёв пырысътöм-пыр пасьтасис, медаліс извозчикöс да муніс кондитерской. Пыригмозыс на ылысянъ городіс: «Зонка, шоколад чашка вай!» – да матыстчис рöмпöштан дорö: нырыс эм! Сійё гажаа бергöдчis бёрлань да синсö кунтыртöмён тешитчана видзöдліс кык военнöй вылö: öтиыслён нырыс вöлі жилет кизь ыджда. Та бöрын Ковалёв муніс департамент канцелярия, кöні сійё корсысис вице-губернаторлыс либö, оз кё артмы, кöть нин экзекуторлыс удж. Водзжырйöд мунігён чöйтліс синсö рöмпöштан: нырыс эм! Сэсся Ковалёв мёдöдчis мёд коллежской асессор, мёд ногён кё, майор, дорö, коди ёна радейтіс серавлыны ѹозсö. Сы тешитчом вылö Ковалёв тшöкыда вочавидзліс: «Но тэ зil! А туяс сійё думыштіс: «Майор кё серамысла оз пот, менö аддзас да, сідзкё, ставыс ас местаын!» Но коллежской асессор нем эз шу. «Вот и бур, сё мокасыт!» – мёвпыштіс Ковалёв. Туй вылыш сійё паныдаліс Подточинаоs нылыскöд, копыртчыліs налы – и найö радпрысь видзаасисны сыкёд: сідзкё, сылён ставыс бур. Ковалёв вель дыр сёрнитіс накöд, нарошнö перийис табак дозсö да дыркодь нюшкис табаксö кыкнан ныр розъёдыс, а вомгорулас шуаліс: «Со тiянлы, бабий, чипан вежöраяс! А ныv вылад ог и гётрась. Радейті кё, ешö на-a!» Сэксиянъ майор Ковалёв гуляйтліs и Невской проспектöd, и театръясö ветліs, и быдлаö. И нырыс, быттыö нинём эз и вöвлы, пукаліs чужём вылас. Майор Ковалёв век нюмъяліs, шмонитіs да вётлышис став мичаник ныv бёрсяыс. Отчыд весиг аддзывлёмаёс, кыздзи сійё ньобöма Гостиной дворса лавкаыс кутшомкö орден ленточки, а мыйла, абу гёёрвоана: некутшом орденö сійё эз пыр.

Со кутшом лоёмтор вöлі миян войыв юркарын! Но сыны сы мында лёсявтöмыс вöлёма! Кызд нö нырыс вермис торъявны да петкöдчывлыны статской советник паськёма? Эз мой Ковалёвыs мёвпыштлы, мый оз позь газет экспедиция пыр

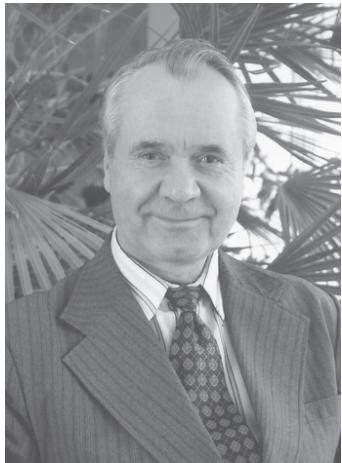
юйртны ныр йылысь? Ог, ме ог думайт, мый вывті дона сувтіс юйрыс, и ме дзик абу горш. Но ёд абу лўсыд тадзсо!

А кыдзи бара-й нырыс веськаліс пёжалём нянъё и кыдзи ачыс Иван Яковлевич?.. Ме тайос нач ог гёгёрво! Но медся тешкодыс да гёгёрвотомыс – кыдзи авторъяс вермёны бёринын татшомсяма сюростиас... Оти-кё, аймуыдлы нинём бурыс таысь оз шед; мёд-кё... но и мёд-кё, бурыс абу жё. Прёстö ме ог тёд, мый тайё...

А век жё, вермас лоны и сийё, и эсийё, вермас весиг лоны... Но кёні оз овлыны лўсявтомуръясы?.. А век жё, мёвпышлан да, став тайё лоёмторъяс мыйкё да эм. Мый кёть эн шуой, а татшомсяма лоёмторъясы овлёны олёмас, – споча, но овлёны.

Комиёдис Алёна Шомысова.

Валерий Вьюхин

Вьюхин Валерий Николаевич родился 4 августа 1941 года в деревне Большой Исток Череповецкого района Вологодской области. В 1958 году окончил школу, а в 1961 году – Егорьевское авиационное училище. Работал бортмехаником самолёта ТУ-134 в Коми управлении гражданской авиации. В 1974 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Лауреат премии Коми комсомола (1978) и премии правительства Республики Коми имени И. А. Курагина (2008). В 1991 году В. Вьюхину присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Коми АССР». Сборник стихов «Поступь» составили произведения последних лет.

«Какое же чудо нам жаловал Бог...»

Подарок

И в годы лихие,
И в те, что тихи,
Есть века стихия,
Но есть и стихи.

Душа, как разрядка,
Нужны и они,
Как не было бы гадко
В какие-то дни.

Любовь и разлуку
Возвысят собой,
Смертельный скучу
Развеют строкой.

Поранят навскидку,
Потом исцелят,
Откроют калитку
В пленительный взгляд.

Какое же чудо
Нам жаловал Бог –
Мерцанье сосуда
Лирических строк.

Непохожесть

Как прожить, не слывя забулдыгой,
Не плясать под чужую дуду,
И команду последнюю: – Прыгай!
Не расслышать на полном ходу.

Не бояться ни слухов, ни травли,
И делать незнающий вид,
Ощущая, что кто-то приставлен
И за каждым движеньем следит.

Как прожить от смущенья не ёжась,
Быть со всеми людьми наравне,
Сохраняя свою непохожесть
Каждой клеткой, в любой стороне.

Как прожить не коряво, не куце,
Не зависеть от чьих-то причуд,
И смертельно о то не споткнуться,
Что любовью земною зовут.

Как прожить не уныло, не пресно,
Не довольствуясь скучным пайком,
И при случае яростно треснуть
По всему бытию кулаком.

Как прожить без случайных истерик,
Не терять путеводную нить,
На другой, на таинственный берег,
Своевременно, тихо уплыть.

Нравы

Кого-то обвиняли в конъюнктуре,
Кого-то в злонамеренной стряпне.
Потребности в большой литературе
Давно не ощущается в стране.

Наверно, чертыхаться некрасиво,
И выставлять безвкусицу на вид,
Но всё-таки засилье детектива
Кой-что о наших нравах говорит.

Как будто в нас отсутствует другое,
Помимо тяги к мерзости людей...
Жизнь, упрощённая до мордобоя,
Кому-то ближе, проще, веселей.

Лишь обладая даром публициста,
Хоть кто-нибудь бы людям преподнёс,
Как детектив расцвёл широколисто,
Предугадав на низменное спрос.

Пока есть место мелочной халтуре,
Пока в искусство лезет пустоцвет,
В большой, не на сезон, литературе
Потребности и надобности нет.

Две жизни

Наполовину не отцветши,
По скосу тонкого крыла,
Одна неслась по-сумасшедши,
Другая струйкою текла.

Одна гремела водопадом,
Пока металась по стране,
Была другая с нею рядом,
Но пребывала, как во сне.

По широченной амплитуде
Судьба раскачивала их,
Где, как в дюралевом сосуде,
Хватало места для двоих.

Свело их истинное чувство,
Когда на многое готов,
Рассудочность и безрассудство
Их заполняли до краёв.

Ещё их общею приметой
Была, как вызов, тяга ввысь,
В конце концов, на почве этой
Они в единое слились.

Женщина

Упоительные речи
О лилейной красоте...
Те же руки, те же плечи,
Те же губы, да не те.

На порядок совершенней
Были созданы творцом,
Словно живописи гений
Над её корпел лицом.

Чтоб от нежного овала,
От бровей высоких дуг,
Сердце разом замирало,
Выпадало всё из рук.

Чтоб от облика и взгляда
Исходило волшебство,
Как от тайны звездопада,
Что от мира не сего.

А ещё Господь добавил
То, чего в мужчинах нет –
Величайшее из правил,
Материнства дивный свет.

Себя не потеряв

Россия, Русь в девичестве,
Припомни славы дни,
Себя от грязи вычисти
И душу сохрани.

Сними платки старушечьи,
Смени былой наряд,
Из тьмы столетий русичи
Взыскующеглядят.

От них дорога мглистая,
Ты шла по ней не зря,
Немалое заимствую
И многое даря.

По всем законам вечности
Ещё ты молода,
Хотя твои ровесницы
Исчезли без следа.

Ты избежала участи
Поверженных держав,
Не потеряв певучести,
Себя не потеряя.

Прикидки

От смертельного страха
Содрогнулось нутро,
Как кровавая плаха,
Чьё-то место в метро.

Современные гунны
Потянулись от гор,
Их устои чугунны,
Сквозь прицел разговор.

Появились шахидки
С беспощадностью всей,
Может, это прикидки,
Для чего-то страшней.

Может, где-то зловеще
Зреет дьявольский план,
Чтоб в кровавые клещи
Затащить россиян.

Метастазы террора
Всё растут и растут,
Ощущенье, что скоро
Лопнет гнева сосуд.

От смертельного страха
Содрогнулась страна...
Не Христа, не Аллаха,
Правит бал Сатана.

Дар

Живёшь ли с именем одним,
Иль чувство вспыхивает снова,
Любовь, быть может, псевдоним
Чего-то вечного, большого.

Свободен или пригвождён
Жить в многочисленном составе,
Любовь, быть может, только сон,
Переместившийся из яви.

Замкнёшься или всё отдашь
За кратковременную вспышку,
Любовь, быть может, только блажь,
Переходящая в интрижку.

Бывает, чувства, всё затмив,
Тускнеют будничными днями.
Любовь, быть может, просто миф,
Превратно понятый сердцами.

Природа в действиях мудра,
От пылких чувств освобождая.
Любовь, как сводная сестра,
И не родня, и не чужая.

Пока ты любишь, ты не стар,
Силён в минуты роковые.
Любовь, быть может, божий дар
За наши тяготы земные.

Чтение

Стихи продлевают года,
Наводят румянец на щёки,
Читая стихи хоть когда
Не будете вы одиноки.

Смягчают и душу, и взгляд,
Иных заставляют поплакать.
Возможно, судьбу укрепят
Поэзии мышцы и мякоть.

Они, как желанный привал
На трудной житейской дороге,
Для тех, кто о всём забывал,
Когда-то напомнят о Боге.

Стихи продлевают года,
Как дивная сила колодца.
Читайте стихи, господа,
Вам это когда-то зачтётся.

Доброта

Языком не корявым,
Чистой линией лба,
Уважительным нравом
Наградила судьба.

Он пришёл незаметно,
Так же тихо уйдёт,
Дуновением ветра
Просквозит у ворот.

Никого не заденет,
Никому не сдерзит,
Не предаст из-за денег,
Не припомнит обид.

Не разрушит устои,
Не поставит преград,
Отработает вдвое,
Словно сам виноват.

Отгребёт втихомолку,
Не качая основ.
От таких больше толку,
Чем от всех болтунов.

Путь для всех одинаков
До известной черты,
Никого не оплакав,
Не постичь доброты.

По-другому

Сердце лишь тобою грезит
 В неизбывной ворожбе,
 Ничего в башку не лезет,
 Кроме мыслей о тебе.

Отчего ж тебе не близок,
 А ведь были б два крыла,
 Отчего ж ты лёгким бризом
 Мне по сердцу протекла.

Я-то думал, грешным делом,
 Что и я тебе не чужд,
 Что потом единственным целым
 Будет нежность наших уст.

Но случилось всё иначе,
 Расцепились два кольца...
 Ничего теперь не значит
 Грустной памяти пыльца.

Рань

Опять ко мне стучатся
 Всё громче и сильней,
 Опять не знает часа
 Поэзия полей.

Ну, чтобы заблудиться
 В тумане у реки,
 Пропасть, где медуница,
 Ромашки, васильки.

Где у берёз из пазух
 Исходит теплота,
 Где, как в старинных сказах,
 Волшебные врата.

Так нет, самой не спится
 И людям не даёт,
 Тоскующая птица,
 Предвестница забот.

Ну что ж, входи, врывайся,
Звени строкой в груди,
В раскачке звёзд и вальса
В бумагах наследи.

Из памяти

Вспомнится поле с соломою,
С запахом хлеба жнивьё,
Всё до озоба знакомое,
Всё до озоба своё.

Давнее будет соседствовать
С тем, что потом натекло,
С грустью увидится детское,
Как в колдовское стекло.

Вспомнится девочка-Золушка,
Та, что напротив жила...
Всё до последнего колышка
Жизнь, как пургой занесла.

Вспомнится дальнее, дальнее,
Что уже в дымке времён,
Бабушки слово прощальное,
Мамы последний поклон.

Вспомнится крест за оградою
В длинном печальном ряду,
Может, кого-то обрадую,
Если туда же уйду.

Поэтическая кухня

Чтоб шли стихи до сердца,
Их надо подстегнуть,
Немного кинуть перца
И пряностей чуть-чуть.

Не повредит горчица,
Плюс специи слегка,
Пускай разгорячится
Разгонная строка.

Никак нельзя без соли,
Хоть малую щепоть,
Комок душевной боли
Туда же измолоть.

Немного просторечья,
С солёностью и без,
Но надо остеречься
Плетения словес.

Совсем как бы случайно
Фривольности намёк,
Чтоб маленькая тайна
Витала между строк.

Без всякого рецепта
Экспрессии слова,
Для пущего эффекта
Подбросить озорства.

Любовного напитка –
Не жадничать, сполна,
Но только без избытка,
Но лишь не до пьяна.

Всё как бы по наитию
Со смыслом заодно,
Но всё искусства нитью
Должно быть скреплено.

Когда в стихах особость
И свой на вещи взгляд,
Они любую пропасть
К сердцам перелетят.

Пермские древности

Дмитрий Анучин

Дмитрий Николаевич Анучин (27 августа (8 сентября) 1843, Санкт-Петербург – 4 июня 1923, Москва) – один из виднейших русских учёных, географ, антрополог, этнограф, археолог, музейевед, основоположник научного изучения географии, антропологии и этнографии в МГУ. Автор трудов по этнической антропологии и антропогенезу, этнографии, первобытной археологии, общей физической географии, страноведению и истории науки. Товарищ председателя Московского археологического общества. В 1896 году избран ординарным академиком по кафедре зоологии Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, почётный член Петербургской Академии наук (1898), член-корреспондент Парижского антропологического общества (1879), действительный член Итальянского общества антропологии и географии (1880), Американского антропологического общества в Вашингтоне (1883), почётный член Королевского антропологического института в Лондоне (1897), член Русского горного общества (1900).

К истории искусства и верований у Приуральской Чуди*

Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ

Междуд так называемыми чудскими древностями Приуралья есть одна любопытная и характерная группа изделий, имеющая очевидную связь с религиозными верованиями и культом; это – металлические изображения летящих или парящих птиц, т.е. птиц с распущенными крыльями, а также птиц с звериными головами или, вернее, каких-то мифических крылатых существ, представленных большей частью тоже с распростёртыми крыльями. Эти развёрнутые или распущенные (вдоль или поперёк туловища) крылья являются наиболее типичным признаком для данного рода изображений, позволяющих соединить в одну категорию самые разнообразные формы их, начиная от исполненных более реально и искусно, в которых явственно выражено намерение передать признаки определённых видов или типов птиц, и кончая изображениями, в которых схвачен, грубым образом, только абрис летящей птицы. С другой стороны, сюда могут быть отнесены как изображения собственно птиц, без соединения их с признаками других существ, так и такие, у которых, обыкновенно на груди птицы, имеется изображение человеческого лица, какого-нибудь животного (лошади, соболя и т.д.), или полной человеческой фигуры, а равно такие, в которых птичья голова заменена звериною, или при одной паре крыльев имеются две или три головы, птички или человечьи, или где и другие части птичьего тела (крылья, хвост) принимают вид

* Опубликовано в книге «Материалы по археологии восточных губерний». Том III. М., 1899.– С. 10–160.

звериных голов и притом известного условного типа, или, наконец, где изображение птицы заменяется изображением антропоморфного существа, но с звериными атрибутами и также с распущенными крыльями. Материал, из которого сделаны подобные изображения, обыкновенно медь или бронза, но иногда и какой-то серый или тёмный сплав; многие из них – литые, иногда довольно искусной работы, иногда весьма грубой, но есть и резанные из листовой меди, причём голова и клюв обозначены иногда только загибом пластинки, а иногда голова сделана отдельно и припаяна сверху к пластинке. Наконец, некоторые изображения снабжены ушками или отверстиями для привески, другие же никаких приспособлений для ношения или подвешивания не выказывают. Представляя любопытные образчики своеобразного искусства и техники в воспроизведении форм природы (разных видов птиц), эти изображения свидетельствуют в то же время о широкой фантазии изготавливших их художников, о комбинации ими различных животных форм в целях создания фантастических или мифических образов, стоявших, несомненно, в связи с религиозными представлениями. Последнее можно заключить уже из условности многих подобных изображений и отдельных их атрибутов, а ещё более из данных о местонахождениях некоторых из этих изделий; затем оно подтверждается и аналогичными изображениями из металла, дерева и т.д. у некоторых современных народов Сибири и других стран, где подобные изображения продолжают ещё играть более или менее существенную роль в религиозном культе.

Первое известие о таких металлических изображениях крылатых существ или птицеобразных «идолах» из Приуралья и Сибири относится, по-видимому, к концу XVII в. И находится в книге амстердамского бургомистра Витсена – «Norden Oost Tartarye», 1692 г. Говоря о древностях Сибири, Витсен между прочим сообщает, что «недавно, неподалёку от Верхотурья, нашли в большом холме, в деревянном ящике, золотую фигурку. Фигура изображает птицу вроде курицы или индюка с распущенными крыльями и человеческою головою. Другой идол, в два пальца ширины, из чеканного золота, присланный мне из Сибири, также вынут из древней могилы, где были найдены человеческие кости, под курганом. Он изображает зверя вроде тигра или льва с человеческою головой и двумя распущенными крыльями». Несколько позже, в начале XVIII в., Вебер, рассказывая о находках разных древностей в Приуралье, тоже упоминает об изображениях «гусей» и о фигурах людей и животных из бронзы и золота, доставленных Императору Петру I в его Кабинет¹.

О подобных же древностях из Сибири говорят и путешествовавшие там в прошлом столетии академики. Так, Гмелин, описывая могилы Енисейского округа, упоминает, что около одной могилы, под камнем нашли раз медные бляхи с изображением крылатого медведя. Многие из таких древностей, доставленные в Петербург и поступившие в Императорский Эрмитаж, впоследствии утратились,

¹ Некоторые из этих изображений были воспроизведены с сочинений: *Montfaucon, Antiquité expriquée et représentée en figures. Supplément V.* 1757 л. 69–73. Между прочим, на таб. 73 изображено существо с распущенными крыльями, но с головой кошки (тигра или льва); рисунок этот воспроизведен г. Флоринским на стр. 293 XI книги «Известий Томск. Унив.» 1894. Что касается птицеобразных идолов Витсена, то, судя по приведённым в его книге изображениям, они не сходны с другими подобными, находящимися в Сибири и Приуральи, а напоминают скорее изображения крылатых существ с человеческой головою, найденные в Ване, Греции и т.д. Ср. «Мат. по арх. россии», изд. Имп. Арх. Ком. № 15. Спб. Древн. I. в 3, 1894. Стр. 127 и 136.

тем не менее, ещё в 50-х годах, Муральт упоминал о фигурках «сов» с распущенными крыльями, и теперь ещё хранятся там (во многих тождественных экземплярах) полученные в XVIII в. откуда-то из Сибири золотые изображения летящих орлов с повёрнутую вправо головою. Эти золотые изображения, однако, уже по самой своей тождественности, заставляют отнести их скорее к украшениям костюма, чем к религиозным символам, и тоже может быть сказано относительно происходящего из Сибири (неизвестно в точности откуда), хранящегося в И. Эрмитаже золотого изображения птицы с распущенными крыльями и хвостом (поднятым кверху), вцепившейся когтями в горного козла, причём шея птицы,

Рис. 1. Золотое изображение орла.
(Из Сибири; находится в Императорском Эрмитаже).

украшенная гребнем, и голова, с тупым клювом и оскаленными зубами, напоминают более дракона, чем птицу. Изображение это, чеканной работы, имеет на теле, крыльях и хвосте птицы ямки или гнёзда, в которые были вставлены красные стёклa, а на теле козла – такие же гнёзда, бывшие заполненными голубой пастой; кроме того, перья хвоста разделены желобками с золотыми петельками, сквозь которые, по предположению гр. Толстого и Кондакова, продевались нити с жемчужинами, и весь предмет, по их мнению, представлял часть головного убора – султан-эгretку или таш.¹ Этим своим назначением, а также подробностями композиции и отделки, данное изображение существенно отличается от других изображений летящих птиц, о которых мы будем говорить далее, и может быть сопоставляемо с ними только по общему признаку – распущенными крыльями.

Что касается собственно Приуралья, то первые сведения о найденных там медных или бронзовых изображениях птиц были даны Ешевским и Эйхвальдом. Ешевский в своей «Заметке о Пермских древностях» («Пермский Сборник». Т. I. 1859 г.) привёл рисунки и описания нескольких подобных предметов, а именно, на рис. 13 – грубого изображения птицы, найденного в дер. Палкиной, в дачах Верх-Исетского завода (Ешевский описал, впрочем, его как «грубое изображение человеческой фигуры из красной меди», причём в продольных рёбрышках, соответствующих перьям хвоста, он видел «как бы складки платья»), а на рис. 19, «вещь из красной меди»... с ушком сзади и по форме «напоминающую птицу с распёртыми крыльями». «Подобная фигура меньшего размера, – замечает г. Ешевский, – была найдена вместе с костяным наконечником стрелы, в кургане Шадринского уезда... Ещё замечательнее подобная же вещь, найденная в Соликамском уезде, на месте Чудского Городища, на речке Юсве. Она вылита из жёлтой меди и изображает птицу с распёртыми крыльями и человеческим лицом. Другое, человеческое же лицо изображено на груди. Сзади ушко». Эйхвальд описал пять бронзовых изображений птиц, найденных вместе с изображениями медведей, людей и т.д. на р. Соплясе, впадающей в Печору, в Усть-Сысольском уезде. Изображения эти, входившие в состав коллекции г. Сидорова, а ныне находящиеся в Геологическом Музее С.-Петербургского Университета, и воспроизведённые Аспелиным в его Атласе финно-угорских древностей, представляют раз-

¹ Русские Древности, изд. гр. И. Толстым и Н. Кондаковым, Вып. III. 1890. Стр. 44.

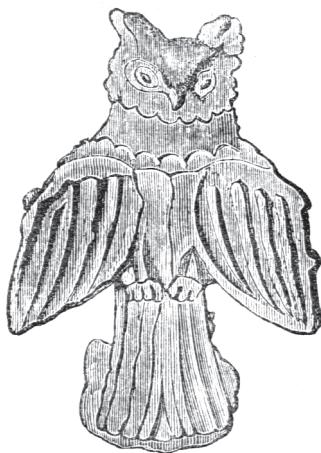

Рис. 2. Бронзовое изображение филина, найденное на р. Солясе, в Усть-Сысольском уезде.

сдал более обстоятельно разные виды чудских идолов, в том числе и птиц с расплющеными крыльями, приведя соответственные рисунки и представив ряд изображений относительно значения, которое могли иметь эти предметы в религиозном быту древней Чуди. Работа г. Теплоухова могла бы быть признана исчерпывающей вопрос, если бы при составлении её были приняты, в большой степени, во внимание аналогичные предметы других коллекций (некоторые из них были найдены уже после опубликования его статьи), а также собраны в большем числе этнографические данные, способные служить для уяснения религиозного значения этих изображений.

Интересуясь древностями восточных губерний, И. Московское Археологическое Общество не могло не обратить внимания на образцы чудского искусства, в том числе и на изображения птиц с расплющеными крыльями. Первые экземпляры их были доставлены пишущим эти строки и графом Ф. А. Уваровым из их поездки в Средний Урал, летом 1887 г. Несколько экземпляров было получено тогда в дар от управления Сысерского завода, другие были добыты из раскопок на Карабульной горе, близ Северского завода, где были найдены ранее и ещё многие экземпляры. Позже несколько подобных изображений, но других типов, были доставлены Н. Г. Первухиным и А. А. Спициным – из Вятской губернии, и, наконец, несколько экземпляров, в том числе с звериными головами (или крылатых зверей) были присланы, для их описания, из Музея Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии, профессором А. А. Шту肯бергом. Все эти предметы вполне заслуживают того, чтобы быть описаны с приложением рисунков. Кроме того, они дают повод сравнить их с аналогичными изделиями, находящимися в некоторых других коллекциях, напр., Томского Университета, – Ф. А. Теплоухова, Тобольского и Екатеринбургского Музеев, Пермской Архивной Комиссии, в особенности же с найденными летом 1896–97 гг., Н. Н. Новокрещёных, на Гляденовском городище (Пермской губ. и уезда), находящемся в 20 вер. Ниже Перми, по Каме, и на 3-й версте выше с. Н. Мулово, и возвышающемся до

ные виды птиц: сокола, ястреба, филина, большей частью с человеческим лицом на груди.

Подобные же изображения скопились мало-помалу и в других коллекциях и были описаны в каталогах различных сибирских музеев. В новейшее время несколько таких сибирских птицеобразных идолов было приведено в Каталоге Археологического Музея Томского Университета и затем описано подробнее г. Флоринским; другие были указаны в обзоре древностей Западной Сибири Гейкеля (Axel Heikel, «Antiquités de la Sibérie occidentale,» в «Memoires de la Société Finno-Ougrienne,» Hels. VI. 1894.). Но наиболее обстоятельное исследование этого вида древностей представила статья Ф. А. Теплоухова – «Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных», помещённая им в сборнике «Пермский Край», Т. II, 1893 г. Основываясь, главным образом, на предметах собственной коллекции, Ф. А. Теплоухов первый опи-

40 саж. над рекой. Здесь было открыто замечательное костище или жертвенное место, давшее массу металлических вещей, костяных стрелок, горшков, костей животных и т. д. Всего здесь было найдено в два лета, до 10000 разных бус, несколько тысяч железных вещей (в том числе масса стрел), более 2000 костяных наконечников стрел, много бронзовых бляшек, пуговиц, перстней, ушных колец, глиняных горшков, черепков и т. д., всего до 23000 предметов, в том числе – более 1000 бронзовых изображений – человека, зверей, птиц, змей, других гадов, мух, пчёл и пр. Изображения зверей преобладают (456), но вторыми по численности идут изображения птиц (267), значительно более многочисленные, чем, напр., изображения человека (более 100), мух и пчёл (90), змей (56) и т. д. Со многими из этих изображений я имел возможность ознакомиться отчасти по присланным в Московское Археологическое Общество таблицам, отчасти по подлинным картонам, доставленным в И. Археологическую Комиссию и любезно представленным мне на просмотр бароном В. Г. Тизенгаузеном. Несколько любопытных чудских изделий, в том числе и изображений существ с расплюстёртыми крыльями оказалось ещё в коллекции П. И. Щукина в Москве; они были приобретены владельцем их по случаю и доставлены откуда-то с Печоры, по-видимому, из Чердынского уезда. Наконец, фотографии с нескольких подобных изображений, найденных близ Красноярска, были любезно доставлены мне И. Г. Лопатиным.

Прежде чем приступить к общей характеристике и подробному анализу изображений этого рода, позволю себе обратить внимание читателя на те из них, которые изображены на прилагаемых трёх таблицах (Т. I–III). Все эти экземпляры литые из бронзы, красной меди (№№ 11, 19), жёлтой (№ 21) или какого-то сплава, притом не всегда одинакового (№№ 27, 20, 26). Простейшие типы представляют изображения 1–8, 10–11, 19, все из Пермской губ. и большинство из дач Сысерского завода. В них можно различить туловище, иногда с продольным срединным килем или с несколькими поперечными валиками или утолщениями, расширенный к концу хвост, перед которым иногда обозначены ноги, в виде двух маленьких бугорков, и по которому намечены радиальные возвышенные полоски или сетчатый рисунок (№ 19), симулирующий, очевидно, перья. Наперед туловище переходит в шею и голову, но последняя на многих экземплярах не выделана и представляет собою только неудалённый, иногда ещё несколько расплющенный остаток отливки (№№ 11, 4), ниже которого, впрочем, иногда заметна некоторая попытка изобразить голову с клювом en face (№№ 1, 3, 5) или более определённое намерение представить голову и клюв в профиль, с показанием и глаз (№№ 6, 7, 8). В других экземплярах остаток отливки удалён и голову представляет передний, утончён-

Рис. 3. Бронзовое изображение сокола. Из Усть-Сысольского уезда.

одинакового (№№ 27, 20, 26). Простейшие типы представляют изображения 1–8, 10–11, 19, все из Пермской губ. и большинство из дач Сысерского завода. В них можно различить туловище, иногда с продольным срединным килем или с несколькими поперечными валиками или утолщениями, расширенный к концу хвост, перед которым иногда обозначены ноги, в виде двух маленьких бугорков, и по которому намечены радиальные возвышенные полоски или сетчатый рисунок (№ 19), симулирующий, очевидно, перья. Наперед туловище переходит в шею и голову, но последняя на многих экземплярах не выделана и представляет собою только неудалённый, иногда ещё несколько расплющенный остаток отливки (№№ 11, 4), ниже которого, впрочем, иногда заметна некоторая попытка изобразить голову с клювом en face (№№ 1, 3, 5) или более определённое намерение представить голову и клюв в профиль, с показанием и глаз (№№ 6, 7, 8). В других экземплярах остаток отливки удалён и голову представляет передний, утончён-

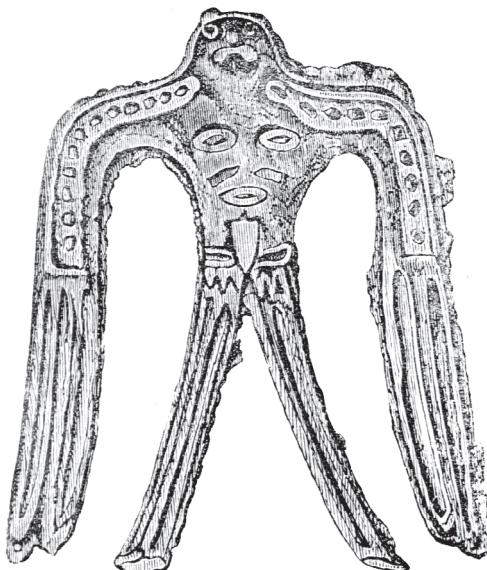

Рис. 4. Бронзовое изображение коршуна. Из Усть-Сысольского уезда.

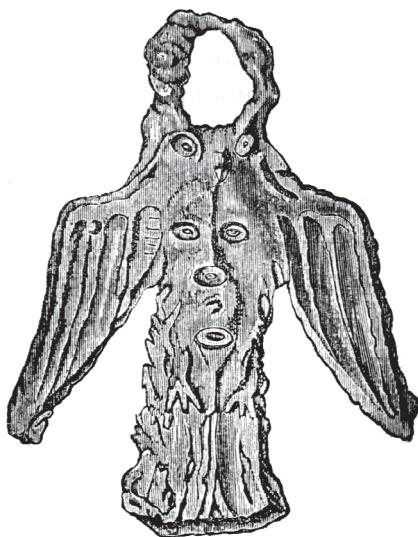

Рис. 5. Бронзовое изображение хищной птицы с человеческим лицом на груди. Из Усть-Сысольского уезда.

ный конец тела, загнутый вперёд (№№ 10, 19) или в сторону (№ 2). Крылья у всех этих экземпляров похожи скорее на какие-то ласты; они отходят сперва в стороны, затем загибаются и идут вдоль туловища, достигая разной длины (то не доходя до начала хвоста, то оканчиваясь на уровне двух третей его); на них заметны иногда поперечные зарубки по краю (№№ 1, 2, 4) или поперечные валики (№№ 5, 7, 19), но этим все попытки изобразить перья и ограничиваются. Исключение составляет птица № 9, отличающаяся и своей необычайной величиной (148 мм. длины и 84 мм. наибольшей ширины), тогда как другие имеют, самое большее, 70–80 мм. в длину при соответственной ширине. В общем она сделана также грубо, с нехарактерно головою, тупым клювом, ногами лишь о двух пальцах и несоразмерно короткими крыльями, но зато представляет попытку изобразить, на крыльях и хвосте, перья, – именно рядами рельефно-выделанных стрелок.

Несколько более сложные, но также довольно схематично выполненные изображения – представляют №№ 12, 13, 14, 15, 20, почти все из Пермской губ., особенно Глазовского уезда. Перья крыльев и хвоста здесь также переданы условно-продольными и поперечными бороздками, но положение крыльев более естественно и голова более выделана; у многих, кроме того, в углах или верхних частях крыльев замечаются сквозные отверстия (для привешивания), а у одной (№ 20) приметно на груди грубое изображение человеческого лица. Ещё более совершенные изделия представляют №№ 16 из Вятской губ. и 21 (неизвестного происхождения); перья крыльев и хвоста переданы, правда, и здесь условно-глубокими или мелкими бороздками, или жгутовым орнаментом, но зато голова выделана гораздо реальнее и передаёт довольно удачно тип хищной птицы, равно как и крылья (особенно у № 21) представлены более натуральными в своём изгибе; на груди обеих птиц вырезано явственно человеческое лицо. С изображе-

ниями этими может быть сопоставлен ещё № 22, к сожалению, несколько попорченное, но в котором можно всё-таки различить сову с представленным на груди человеческим лицом. Дальнейшие осложнения выказывают экземпляры №№ 17 и 18 (из Вятской губ.). Первый из них – о двух головах, тождественных, хищного типа, с кривым клювом; хвост – с обычными продольными бороздками, крылья переданы условно – тремя двойными жгутами, отходящими от боков тела и сходящимися к углу крыла; между жгутами по два длинных и узких прореза. На теле врезанными чертами показаны ноги, с 3–4 пальцами, и представлено, грубым рельефом, человеческое лицо. Экземпляр № 18, характеризуется тремя головами, все одинакового типа, напоминающего совиной; на теле показаны ноги, а на крыльях и хвосте условный орнамент. Новые комбинации видим мы на экземплярах под №№ 23–27 (из Чердынского уезда, Пермской губ.). № 23, напоминает ушастую сову, но голова у него, обращённая вперёд, скорее какая-то звериная; останавливают ещё на себе внимание крылья, верхний край которых представляет своеобразные звериные головы, напоминающие несколько лосиные; голова каждого обращена мордой кнаружи (т. е. в стороны). №№ 24 и 25, представляют также птиц с звериной головой (вместо птичьей), только голова эта, с удлинённой мордой, представлена в профиль и обращена влево от тела птицы (а для зрителя является обращённой вправо); на ней можно явственно различить морду, глаза и ухо. Но, кроме этой головы на каждом экземпляре изображено ещё по нескольку других дополнительных звериных голов, во-первых, одна – в верхней части левого крыла – соприкасающаяся мордою с пастью птицы-зверя; во-вторых – у экземпляра № 24 – ещё одна, на правом крыле, а у экземпляра № 25 – две, неясно выделанные, на хвосте, обращённые мордами вверх, т. е. к телу птицы. Наконец, у обоих экземпляров, вырезано ещё на груди изображение человеческого лица. – Тоже птиц-зверей, но особого типа, изображают №№ 26 и 27; № 26 представляет зверя с головой в профиль, но поднятой вверх; голова эта с короткой полураскрытым мордой, довольно большим глазом и острым ухом. Крылья и хвост имеют почти одинаковую форму и выказывают одинаковые продольные борозды; у основания хвоста, слева, отходит выступ (ноги?); на теле можно ещё различить какую-то нацарапанную фигуру, как бы о двух ногах (человек?), № 27, отличается

сравнительно крупными размерами (143 + 145 мм.) и выделан из какого-то тёмного сплава. Он также представляет летящую птицу-зверя с головой в профиль, повёрнутой вправо и обращённой вверх; голова эта – с глазом, но без уха и с короткой мордой, из которой как бы высывается язык – несколько напоминает змеиную. Голова сидит на довольно длинной шее, которая постепенно переходит в туловище, хвост и крылья – все одинаково плоские, сделанные довольно схематично и украшенные редкими и узкими поперечными валиками. Хвост длинный, разви

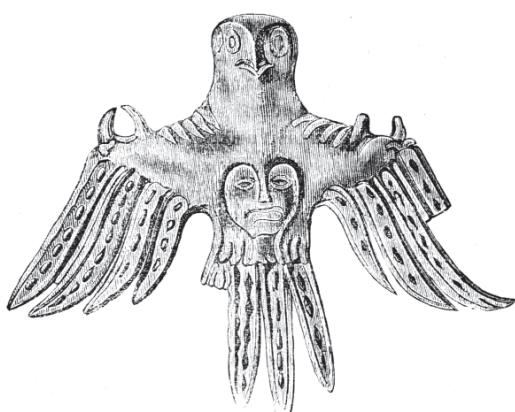

Рис. 6. Изображение орла с человеческим лицом на груди.

Рис. 7. Птицеобразные идолы, найденные во Кузнецком округе.

чатый на конце; при основании его показана поперечно-овальная ямка, а с боков имеются узкие выросты (ноги?).

Только что описанные экземпляры уже дают известное понятие о разнообразии этого рода изображений, но они далеко не исчерпывают встречающихся типов. Постараемся пополнить их число образцами, имеющимися в других коллекциях. Выше мы уже упоминали об изображениях птиц, найденных на р. Соплясе, в Усть-Сысолском уезде и воспроизведённых в Атласе Аспелина. Как можно видеть из прилагаемых рисунков (заимствованных у Аспелина), – они представляют более или менее удачно выполненные изображения хищных птиц. Так, рисунок 2 изображает, очевидно, филина, рис. 3, – по всей вероятности, сокола, причём три точки на туловище намечают, очевидно, человеческое лицо; рис. 4, с длинными узкими крыльями и развитым хвостом напоминает коршуна (Эйхвальд видел в нём касатку); на груди его также изображено лицо; рис. 5 может с первого взгляда навести на предположение, что мы имеем перед собою неудачное изображение лебедя, но вернее, что верхняя часть здесь представляет только остаток от отливки, в котором проделано большое сквозное отверстие для привешивания, тем более, что ниже видна голова хищной птицы, под которою, в свою очередь, изображено человеческое лицо; наконец, рис. 6, с своеобразно представленными крыльями и

Рис. 9. Птицеобразный идол, из Кузнецкого округа.

хвостом (из узких и украшенных рядом точек выростов), изображает, по-видимому, орла; на груди его вырезано лицо, а вверху крыльев имеются образующие петли шпиньки. Во всех этих изображениях видно явственное стремление передать признаки известных видов птиц. То же может быть сказано, хотя в меньшей степени, относительно серии птиц, найденных в Кузнецком округе Томской губ. близ д. Егозовой, Касминской волости, в обвалившемся берегу р. Ини и хранящихся в Музее Томского Университета. Все они представляют ушастых сов или филинов (хотя иногда голова выказывает скорее звериные черты), с разнообразно выделанными крыльями и хвостом и с изображённым на груди человеческим лицом. Вылиты они все из серого довольно хрупкого металлического сплава, заключающего в себе кроме меди 24 % олова, 5 % свинца, 1 % марганца.¹ Подобные же ушастые птицы имеются (в числе 8) и в Екатеринбургском Музее (найдены в верховьях Печоры, близ впадения в неё Уновы), но они представляют отличия в подробностях и в особенности по намеченным на них звериным головам.

Рис. 10. Изображения летящих птиц, найденные на Гляденовском городище.

Многие изображения хищных птиц находятся также в Тобольском Музее, в коллекции Ф. А. Теплоухова и в обширной коллекции разных «идолов», добы-

¹ Всего было найдено здесь 12 изображений, вместе с 2 металлическими кружками и 3 дисками-тарелочками, в одной куче, на глубине двух четвертей, в чернозёме, см. Флоринский, в «Изв. Том. Унив.» Кн. XI. 1897. Стр. 273.

той Н. Н. Новокрещеных из жертвенного места на Гляденовском городище. Впрочем, большинство экземпляров из этой последней местности весьма грубо работы, иногда вырезаны из листового металла и дают чаще только абрис летящей птицы, не передавая характерных признаков известного вида. В подробностях, однако, и они представляют значительные вариации, как в очертаниях тела, форме и положении крыльев, длине головы, так и манере и степени выделки. Иногда голова представлена в профиль, иногда клюв её загнут наперёд; иногда голова припаяна к пластинке, из которой вырезано остальное тело; у некоторых — она более выделана, у других также грубо намечена, как на №№ 1—5 нашей I-й таблицы. Крылья то приближены к телу, то отодвинуты; у одних вытянуты вдоль туловища, у других поперёк, у третьих загнуты дугой; в подробностях очертаний крыльев и хвоста также замечаются многие различия. Большая часть экземпляров — особенно тщательнее выделанных — представляет птиц хищных, с кривым клювом (есть и о двух головах); особенно явственно видно это на экземпляре, представленном на рис. 10 (средний в верхнем ряду), в котором нельзя не признать коршуна. Характерен ещё поломанный экземпляр, изображённый на рис. 10 (в правом нижнем углу), имевший, очевидно, три головы, из коих сохранились две, — средняя, человечья, и левая, хищной птицы. В некоторых экземплярах (напр., на рис. 11) можно, однако, предполагать намерение выразить иные типы птиц, вроде журавля, гагары, гуся и т. д., хотя, при неумелой технике изображе-

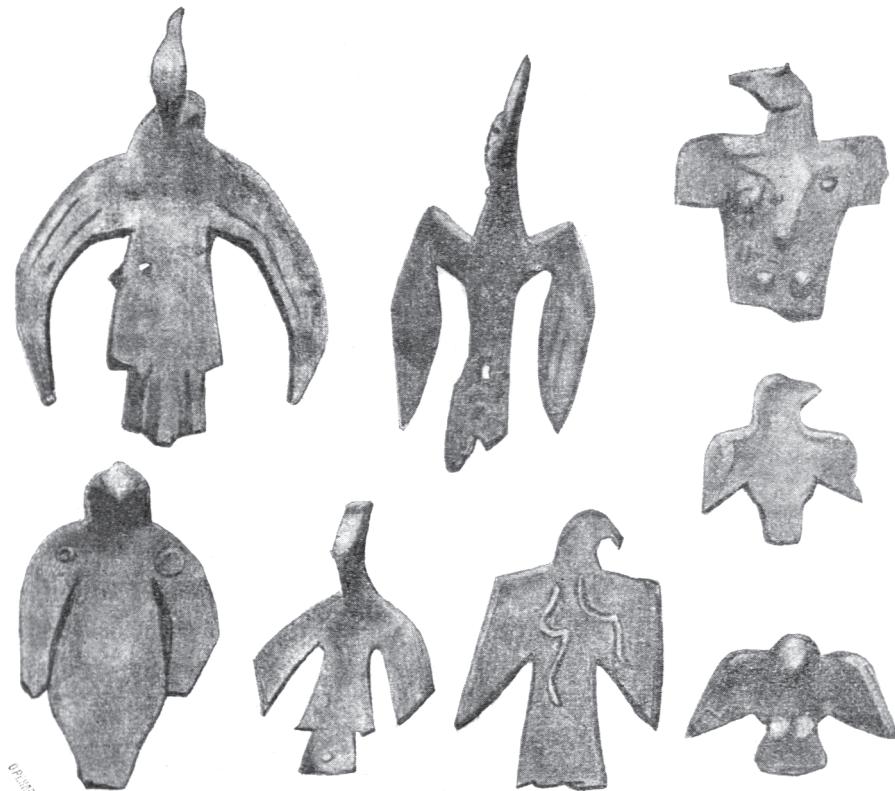

Рис. 11. Изображения летящих птиц, найденные на Гляденовском городище.

ний, нельзя быть уверенным, чтобы кажущееся отдалённое сходство не было иногда случайностью. У нескольких экземпляров форма головы, как бы снабжённой ушами, заставляет предполагать изображения птиц-зверей. На груди птицы иногда заметно изображение человеческого лица (или даже целой фигуры).

Интересны ещё попытки представить летящую птицу не в одной плоскости, а в двух, путём отгиба шеи птицы кверху (см. рис. 11, второй экземпляр в нижнем ряду, а также экземпляры, на которых к телу птицы припаено изображение одной

или двух змеек (см. рис. 10 экземпляр влево вверху, и рис. 11, экземпляр 3-й в нижнем ряду).

Дальнейшее понятие о разнообразии летящих чудских птиц дают следующие изображения экземпляров из различных коллекций. Рис. 12 представляет довольно крупное изображение птицы, по-видимому, хищной, отлитое из жёлтого сплава с золотистым блеском, сделанное схематично, с крышеобразно-приподнятой грудью и украшенное бороздчатым и жгутовым орнаментом; экземпляр происходит из дер. Долды, Чердынского у., и принадлежит Пермской Архивной Комиссии. На рис. 13 изображена большая птица из красной меди (175 мм. в длину и 145 мм. наибольшей ширины; на рисунке представлена в половинную величину), найденная где-то на Печоре (вероятно – в Чердынском у.) и принадлежащая П. И. Щукину. Условная передача крыльев, каждое – тремя, отходя-

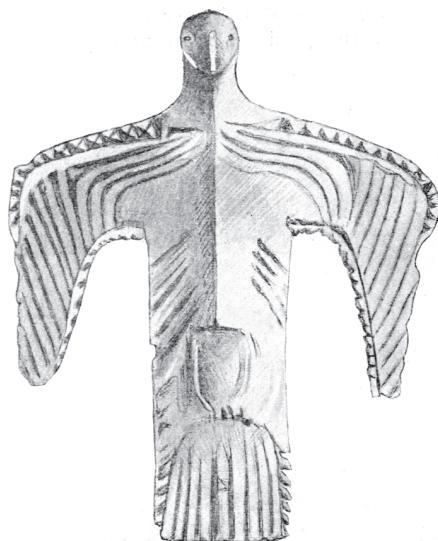

Рис. 12. Медное изображение хищной птицы, найденное близ д. Долды, Чердынского уезда.

щими с боков тела дугами, с неровными, зазубренными краями, четырёхугольное лицо с продырявленными насеквоздь глазами и ртом и выступающим (полурасинутым) кловом, тело в виде плоской четырёхугольной пластины с изображённым на ней человеческим лицом и т. д., всё это придаёт этому «идолу» своеобразный характер уникума. Рис. 14 представляет хищную птицу с головой грифа, довольно тщательной работы, с большим ушком для привески на брюшной стороне тела (обыкновенно, такое ушко, если бывает, то на спинной стороне) и найденную Ф. Д. Нефедовым в могильнике у с. Котловки (Дмитриевка тож) на Каме. На рис. 15 видим опять своеобразное изображение летящей птицы, хищного типа, с человеческим лицом на

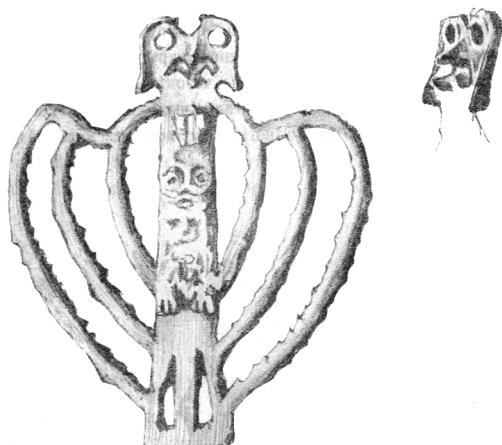

Рис. 13. Большое изображение птицы, из красной меди. Справа голова той же птицы сбоку. Представлено в половинную величину. Из Чердынского уезда.

груди и с крыльями из пяти поперечных, сходящихся в один общий ободок, выростов. Хвост представлен тоже отдельными (только прямыми) выростами, соединёнными на конце широкой поперечиной, на которой можно различить нацарапанное изображение (в профиль) какого-то зверя; на всех выростах, как хвоста, так и крыльев, имеется шнуровой орнамент, который с боков человеческого лица принимает вид волнистых линий, симулирующих до некоторой степени звериные головы (особенно это ясно видно с левой стороны лица, причём у каждой из намеченных здесь пяти звериных голов можно различить и глаз).

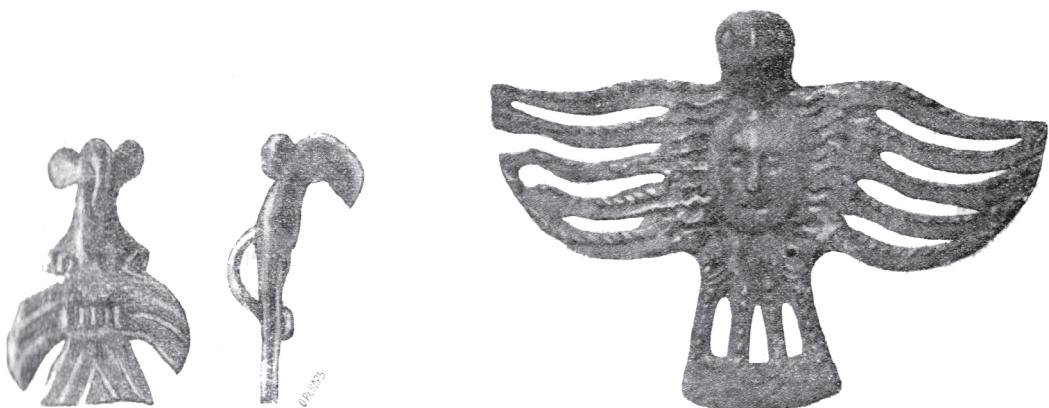

Рис. 14. Подвеска в виде грифа. Из Котловского могильника.

Рис. 15. Изображение летящей хищной птицы, с человеческим лицом на груди, с обращёнными к этому лицу драконовыми головами и с фигурой ящера на хвосте. Найдена близ д. Выставка (Березняки) Чердынского у. Из коллекции Перм. Арх. Комм.

Раньше были уже указаны экземпляры птиц с двумя и тремя головами. Подобные имеются тоже в коллекциях Ф. А. Теплоухова и Тобольского Музея; большей частью все эти головы птичьи, но иногда они заменяются человеческими. Так, раньше мы видели на одном экземпляре из Гляденовского городища три головы, из которых средняя человечья, а боковые птичьи. В Тобольском Музее есть, наоборот, экземпляр, у которого средняя голова – птичья, а боковые – человечьи, и кроме того имеется ещё человеческое лицо на груди птицы (рис. 16). Там же находится экземпляр о двух головах и одном крыле (другого, по-видимому, и не было сначала), причём эти головы, кажется, человечьи (рис. 17), и другой – (обломанный) с человеческой головой, но с насаженными поверх крыльев звериными, обращёнными в стороны (рис. 18). Многие подобные экземпляры были найдены в 180 верстах от Тобольска и в 10 вер. от Иргизских юрт, в лесу, вблизи почтового тракта, ведущего в Омск. Здесь были найдены и разные другие литые изображения, грубой работы, представляющие всадников на лошади, бегущих зверей и т. д., а также много круглых блях из тонких медных пластинок (зеркал?) с нацарапанными на них абрисами людей и животных. В числе этих абрисов встречаются также изображения летящих птиц с человеческим лицом на груди, а одна птица представлена с тремя человеческими головами, причём около неё изображены – бобр и каких-то два маленьких зверька, вроде зайцев (рис. 19).

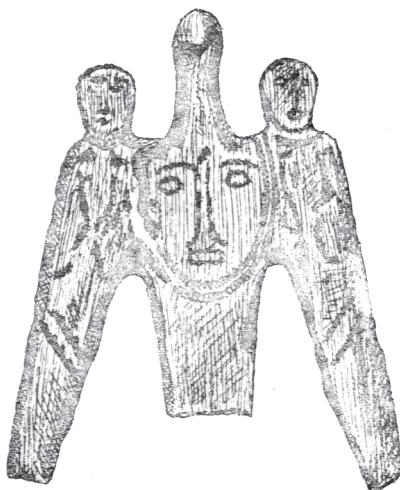

Рис. 16. Изображение птицы о трёх головах, из коих боковые – человечьи, и с человеческим лицом на груди.

Рис. 17. Изображение птицы с одним крылом и двумя головами.

Рис. 18. Изображение (обломанное) птицы с человеческой головой и с насаженными поверх крыльев звериными.

Все три экземпляра в Тобольском музее.

Комбинация птичьих образов с звериными и человеческими достигалась, впрочем, в этого рода изображениях различным способом. Иногда головы представлялись одна над другой, начиная чему видно уже во всех экземплярах птиц с человеческим

Рис. 19. Медная круглая бляха, с нацарапанным на ней изображением птицы с тремя человеческими головами, а около неё – бобра и двух маленьких зверьков. В Тобольском музее.

Рис. 20. Птицеобразный идол с звериной головой и человеческим лицом на груди. Из Томского могильника.

Рис. 21. Птицеобразный идол со звериной головой, над которой видна ещё другая, тоже, кажется, звериная. Из Ачинского округа.

Рис. 22. Изображение птицы (с ушками для привески, одно отломано), с своеобразной головой и орнаментом и с фигурай лошади на груди. Из коллекции Ф. А. Теплоухова.

лицом на груди. Более сложную комбинацию представляет экземпляр, найденный г. Андриановым в древнем могильнике близ г. Томска (рис. 20). Здесь крылья летящей птицы уменьшены до минимума и походят скорее на короткий плащ, из-под которого торчат, однако, внизу две птичьи ноги, а сзади их спускается хвост, на котором заметны сделанные рельефом какие-то знаки. На теле птицы насажена своеобразная звериная голова, с круглыми глазами и ноздрями, и с торчащими наверху острыми ушами, между которыми, на самом верху, выдаётся птичья голова с кривым клювом; на теле, между крыльями, показано ещё человеческое лицо. Таким образом, в этом экземпляре формы птицы соединены с звериной головой и человеческим лицом. Некоторую аналогию с этим изображением представляет воспроизведённое нами на рис. 21, — с фотографии, полученной от И. А. Лопатина, замечательное и по месту своего нахождения — в Ачинском округе. Подробную же комбинацию представляют некоторые «чудские образки», в которых над головой человеческой фигуры сходятся головы двух, стоящих по бокам человека, драконовидных существ, а выше их видна ещё голова хищной птицы¹.

Любопытную категорию представляют ещё птицы, у которых на груди имеется изображение животной или человеческой фигуры. В коллекции Ф. А. Теплоухова есть экземпляры, с изображениями на груди — лошади (рис. 22), соболя, гуся; припомните ещё птиц с Гляденовского городища, у которых на теле показаны 1–2 змейки. Чаще, однако, встречается изображение человека, причём человек этот представлен обыкновенно в известном отношении к птице или к соединённым с образом птицы звериным головам. Так на рис. 23 (экз. из колл. Ф. А.

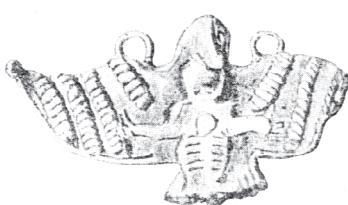

Рис. 23. Изображение летящей птицы (с ушками для привески), на груди которой представлена человеческая фигура с распростёртыми руками. Из коллекции Ф. А. Теплоухова.

Рис. 24. Изображение летящего орла (с ушками для привески), который представлен вцепившимся своими ручками (когтями) в плечи человеческой фигуры, держащей в руках какие-то круглые предметы. Из коллекции Томского Университета.

¹ Такой «чудской образок» с р. Андюги я видел в коллекции, доставленной в И. Археол. Комиссию. Ср. ещё изображение у Аспелина, вып. II, № 533.

Теплоухова) человеческая фигура изображена с распростёртыми руками, с намеченным сердцем и с показанными по животу нарезками; голова её подходит под клюв птицы, которая как бы клёёт этого человека. Рис. 24 (экз. из коллекции Томского Университета, найден при распашке земли у с. Спасского, Усть-Тартасской волости Томской губ.) представляет хищную птицу (орла) с распущенными крыльями (составленными каждое из четырёх, соединённых ближе к краям перекладиной, перьев, с условным выпукло-точечным орнаментом), и с туловищем, на котором изображена человеческая фигура; в плечи этой фигуры (на которой показан костюм и которая держит в руках какие-то круглые предметы) птица вонзила свои когти, или точнее, положила свои руки, оканчивающиеся когтями.

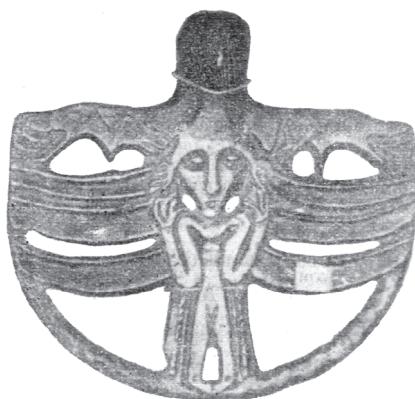

Рис. 25. Изображение хищной птицы с представленной на брюшной стороне её нагой человеческой фигурой и с звериными (драконьими) головами в верхних частях крыльев. Из колл. Казанского Общества Археологии.

Рис. 25 (экз. из колл. Казанского Общества Археологии; происходит из Спасского уезда Каз. губ.) представляет хищную птицу с схематично выраженным крыльями и хвостом (из отдельных, отчасти обломанных, отчасти раздвинутых пластин, соединённых общим, идущим через конец хвоста, ободком), на брюшной стороне которой изображена человеческая фигура с согнутыми в локтях и поднятыми руками и с головой, заостряющейся кверху (в шапке, похожей на башлык); верхние части крыльев птицы состоят из звериных голов, пара коих обращена мордами кнаружи, а пара кнутри, к голове человека.¹ Эти звериные головы несколько напоминают те, которые представлены на рис. 15, обращёнными к изображённой на груди птицы человеческой голове. Но ещё более сходны они с изображёнными на одном экземпляре Теплоуховской коллекции, воспроизведённом у нас на рис. 26. Как видно, экземпляр этот, к сожалению, отчасти обломанный (без многих частей крыльев), представляет трёхглавую птицу с подобными же, схематично выраженными крыльями и хвостом (из отдельных перьев или выростов, причём перья крыльев обломаны) и с человеческим лицом на груди, ниже которого показаны ноги птицы – о четырёх когтях; поверх человеческого лица (под средней птичьей головой) видны две звериных головы, обращённых мордами кнаружи, а по бокам птичьего тела (или при основании обломанных

Рис. 26. Трёхглавая птица с человеческим лицом на груди и с изображениями многих драконьих голов. Из коллекции Ф. А. Теплоухова.

¹ В коллекции Ф. А. Теплоухова имеется ещё птица о двух головах, на груди которой тоже изображена нагая человеческая фигура с поднятыми кверху руками.

крыльев) ещё по 4–5 звериных голов, обращённых мордами кнаружи; одна голова, впрочем, налево (т.е. на правой стороне птицы), именно самая нижняя, представлена обращённою внутрь, к ноге птицы, причём эта голова несколько отличается от прочих и по типу, и продолжается как бы в тело (нижнее или заднее маховое перо крыла), вдоль спинной стороны которой идёт жгутовой орнамент, как бы симулирующий чешуйки.

Другими образчиками различных сочетаний образа летящей птицы с звериными и человеческими формами могут служить экземпляры, изображённые на следующих рисунках. Рис. 27 (экз. из коллекции Томского Университета) представляет какое-то существо с звериной (или змеиной, без ушей) головой, с короткими распростёртыми крыльями (снабжёнными несколькими прорезами) и длинным хвостообразным выростом. На рис. 28 (из коллекции П. И. Щукина) представлено летящее существо о трёх звериных головах, из коих боковые (одна отломана) изображены в профиль, а средняя плашмя, с верхней стороны; задний конец тела обломан, но всё-таки на нём видны две каких-то головы. Подробную же комбинацию видим мы и на рис. 29 (экз. той же коллекции), изображающем

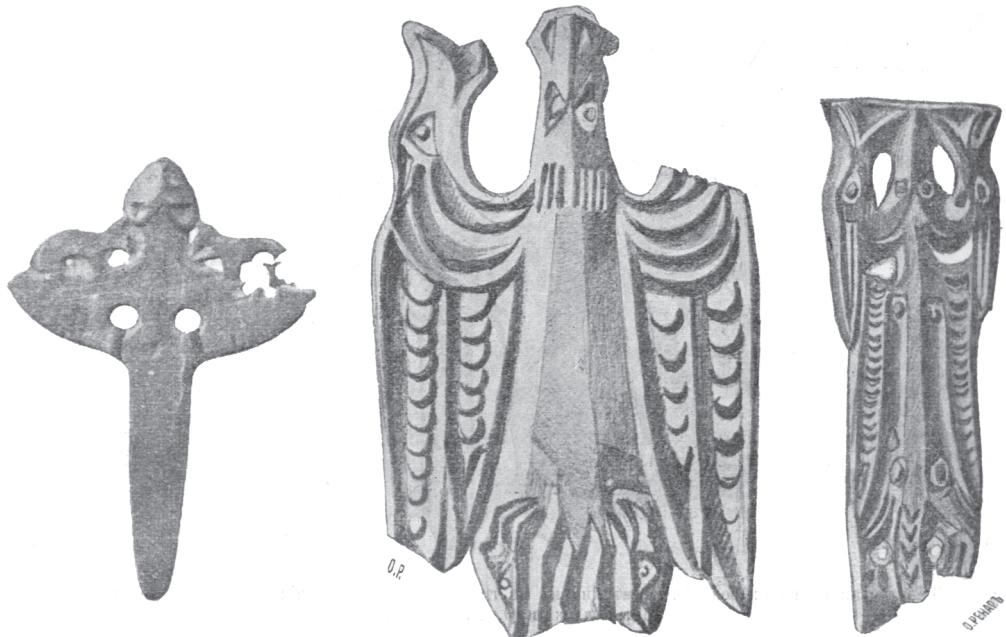

Рис. 27. Изображение какого-то существа с короткими распростёртыми крыльями и длинным хвостом. Из колл. Том. Унив.

Рис. 28 и Рис. 29. Изображения трёхглавых крылатых существ, с звериными (драконьими) головами. Из коллекции П. И. Щукина.

тоже крылатое существо о трёх звериных головах, средняя сверху, боковые в профиль (причём у этих голов видно по длинному уху), но с более узкими крыльями и туловищем, причём последнее переходит на заднем конце тоже как бы в голову (с глазами и ушами), продолжающуюся, в свою очередь, опять в узкое тело (но продолжение его отломано). Своебразные крылатые существа видим мы,

Рис. 30. Изображение крылатого существа с человеческой и звериной головами. Из колл. П. И. Щукина.

Рис. 31. Изображение антропоморфного существа с крыльями, стоящего на звере и увенчанного вверху звериной головой. Из колл. П. И. Щукина.

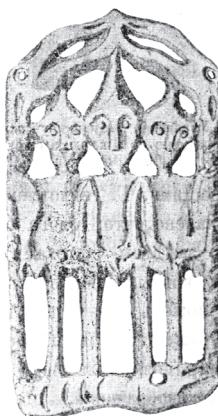

Рис. 32. Чудской образок из трёх человеческих фигур, стоящих на ящере и обрамлённых драконовидными существами. Из колл. Ф. А. Теплоухова.

ные комбинации с образом летящей птицы? Ф. А. Теплоухов первый подверг более внимательному изучению эти звериные формы, и, сопоставив их с подробными же формами так наз. «чудских образков», первый различил среди них два типа, которые он и назвал, один – ящеровидным, другой – драконовидным. Оба эти типа встречаются всего чаще, как замечено на «чудских образках», представляющих, обыкновенно, человеческие головы или, чаще, полные фигуры человека (одну, две, три), окаймлённые существами с длинными звериными головами и стоящие, большей частью, также на каком-то звере или гаде.

Вот этого-то зверя или гада, составляющего, так сказать, подножие человеческих фигур образков, г. Теплоухов и назвал *ящером*. По своим относительным (т. е. по сравнению с другими фигурами образков) размерам ящер – животное небольшое, с длинным телом, вытянутым хвостом и короткими двумя парами ног, с удлинённой головой (составляющей, в среднем, $\frac{1}{3}$ или $\frac{2}{5}$ длины всего тела),

наконец, в экземплярах, изображённых на рис. 30 и 31. Рис. 30 представляет существо с распростёртыми крыльями (каждое о трёх перьях), но с человеческой головой (в профиль), над которой, тоже в профиль, изображена ещё звериная голова; тело существа внизу расходится как бы в две ноги, но они сливаются затем с ободком изображения и заканчиваются глазками; подобные же глазки видны ещё в трёх местах нескольких обломанных изображения. На рис. 31

мы видим существо уже явственно антропоморфное, с человеческой головой, руками и ногами, но, вместе с тем, и с исходящими от рук трёхлопастными крыльями; голова существа вверху также продолжается в звериную с длинными ушами, а ноги стоят на четвёртом звере, причём в различных частях изображения видны ещё и другие звериные головы или глазки.

Что же это, однако, за звери, фигуры или головы которых, соединяемые ещё иногда с человеческими, входят в различные

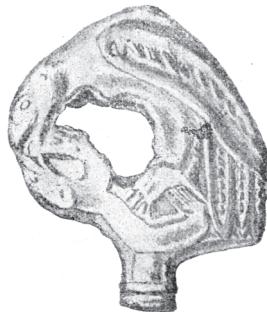

Рис. 33. Украшение медной трубочки, представляющее изображение орла, клюющего какое-то животное. (Из Пермской губ.).

Рис. 34. Такое же украшение, представляющее медведя, держащего в лапах голову зверя. (Из Пермской губ.).

Фигура ящера может быть констатирована, по мнению г. Теплоухова, и на некоторых литых изображениях птиц (со сложенными крыльями), именно представляющих хищную птицу (орла), клюющую какого-то животного, которое она держит в когтях. Такие изображения, полые внутри, представляют обыкновенно украшение трубочки, вместе с которой они и отливались и которая, очевидно, служила для продевания через неё шнуря или ремешка и для привешивания (к одежде, поясу и т. д.). С первого взгляда может показаться, что птица изображена клюющимую рыбу или змею (как это объяснял, напр., Ешевский), но, взглянувшись внимательнее, можно различить, что это или какой-то зверь, опрокинутый навзничь, упирающийся своими короткими ногами в птицу и соприкасающийся своей полураскрытым пастью с полуоткрытым же клювом птицы, или же — голова зверя с большим глазом и вытянутой мордой, также обращённой к клюву птицы¹. Иногда место птицы заменяется в таких трубочках медведь, который также держит в лапах голову зверя и соприкасается с её мордой своим рылом.² Этот же тип ящера, как показал г. Теплоухов, встречается и в небольших фигурках отдельного животного, с удлинённым туловищем и головой, на коротких ножках вроде кистей рук, с подобным же обозначением глаз, ноздрей и с загибом вверх конца морды, причём этот загиб иногда обуславливается преимущественно нижней челюстью, похожей несколько на рог.

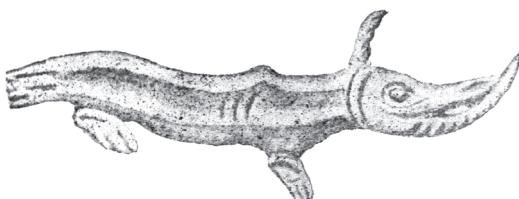

Рис. 35. Изображение ящера с рогом. (Из коллекции Ф. А. Теплоухова).

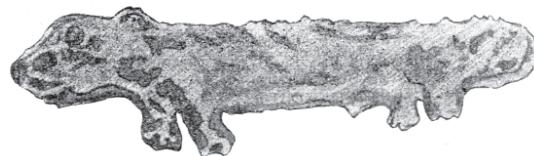

Рис. 36. Vogульский идол вроде ящера.

¹ Во многих случаях, однако, зверь, изображённый в таком положении, не представляет, по нашему мнению, вовсе признаков типичного ящера.

² Aspelin II, № 560; г. Теплоухов видит в этом изображении барана, но это, несомненно, медведь, ср. напр. № 555 там же; показавшийся же г. Теплоухову рог, очевидно, есть не совсем удачное воспроизведение уха (ср. № 551 и др.).

На шее, а также на боку туловища зверька видны иногда тоже полуулунные бороздки, хвост имеет вид короткого ласта с нарезками, но что особенно характерно, на голове (или при начале шеи) животного показан иногда несколько загнутый наперёд рог. Если принять во внимание, что у ящера «образков» тоже наверху головы приметен иногда небольшой выступ, тоже имеются полуулунные нарезки (или бороздки) на боку туловища, такой же глаз, ноздря, короткие лапы и т. д., то при всём иногда отличии этого типа отдельных фигурок, нельзя не признать в нём, действительно, сходства с ящером «образков», где только, за недостатком места и сложностью общего изображения, некоторые признаки зверя неявственны или недостаточно выражены. Впрочем, и в отдельных фигурках ящеров замечаются вариации и, как указал г. Теплоухов, некоторые из них, особенно позднейшего времени, почитаемые ещё и теперь vogulами, похожи скорее на какую-то

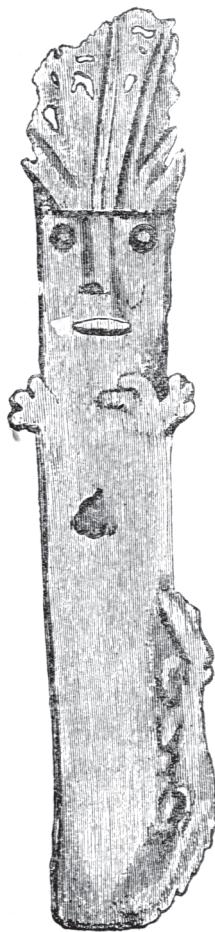

Рис. 37. Старинный vogульский идол с человеческим лицом и руками и с ползущим по краю пластинки зверьком (ящером?).

Рис. 38. Рис. 39. Чудские образки, представляющие человеческую фигуру, стоящую на ящере и обрамлённую с боков драконовидными существами, которые соприкасаются своими мордами над головой человека.

Рис. 40. Чудской образок, представляющий человеческую голову между двух голов драконовидных существ.

Рис. 41. Чудской образок, представляющий человеческую фигуру на ящере, обрамлённую драконовидными крылатыми существами.

саламандру по своей широкой и плоской голове или, как позволим себе добавить мы, напоминают подобные же фигурки, обитые из кремня, неолитической эпохи, вроде найденной в Казанской губ. и доставленной в 70-х годах в Москву г. Пельцамом. Наконец, к ящерам же причисляет г. Теплоухов и зверя, изображённого на некоторых стариных vogульских человекоподобных идолах, представляющих медную доску или пластину, с изображённым в верхней части её человеческим лицом (иногда с лучами наверху, а ниже с показанием рук); ящер таких идолов отлит обыкновенно очень грубо и представлен ползущим по одному из боков (обыкновенно – левому) пластины. Этот ящер отличается, однако, длинным хвостом, иногда ёщё с какими-то выступами по его верхнему краю.

Другой тип, названный г. Теплоуховым *драконовидным*, характеризуется гораздо более длинною, изогнутою мордою, с большой пастью, щелевидными ноздрями, большими глазами, и явственными, длинными, отогнутыми взад ушами; на конце морда загибается книзу (или на самом конце опять кверху) и иногда представляет некоторое сходство с лосиною. На многих чудских образках показаны только головы этих существ, обрамляющие собой (по одной с каждой стороны) голову человека и сходящиеся над нею; под человеческой головой обыкновенно (хотя и не всегда) помещена фигура ящера. На других образках головы эти продолжаются в туловища, но – имеющие лишь вид шнурообразных столбиков, составляющих в то же время и боковые рамки образка. На иных, однако, туловища обособлены от рамки и тогда они имеют очертания человеческого и снабжены руками и ногами, причём те и другие оканчиваются обыкновенно 2–3 пальцами; иногда же эти звериные головы представляют лишь верхние прилатки человеческих фигур, которые таким образом сливаются с звериными в одно целое. Наконец, на одном образке г. Теплоухов заметил, что место рук занимают удлинённые, заострённые и изогнутые лопасти, очевидно, изображающие крылья, и вот эта то крылатость и подала г. Теплоухову повод считать описываемые существа «вполне похожими на летающих чудовищ, называемых обыкновенно драконами», хотя, как он и сам заметил, у них не замечается ни зубов, ни рогов, а мы прибавим ёщё – и хвоста, что уже значительно уменьшает их сходство с типичными драконами.

Таковы два мифических звериных типа, как их различил г. Теплоухов, и нельзя не признать, что типы эти обособлены им правильно. Можно только, на основании ряда позднейших находок, несколько пополнить характеристики этих типов и выяснить подробнее их отношения, как между собою, так и к другим, реальным животным типам. Во-первых, что касается ящера, то признаки его выражены, по-видимому, всего явственнее и отчётливее на некоторых отдельных фигурках этого животного вроде, напр., представленной на рис. 42. Здесь видно, что голова зверя с длинной мордой, узкой ноздрёй, большим глазом, загнутым кпереди коротким рогом и находящимся сзади его ухом – представляет нечто среднее между головой носорога и крокодила; вытянутое же туловище на коротких ногах, с рядом чешуй вдоль спины и коротким хвостом, напоминает во всяком случае скорее какого-то гада. Подобная же форма, но более схематично выделенная, представлена на рис. 43; очертания морды и рог здесь такие же, но ухо не показано и задние конечности не обособлены достаточно от хвоста. На рис. 44 представлено несколько ящеров, найденных по р. Андюге и около камня Светик,

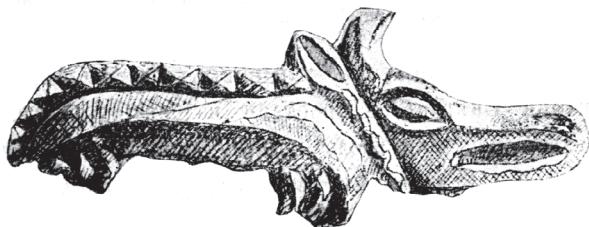

Рис. 42. Медное изображение ящера, с рогом, найденное у камня Светика на р. Колве (Колл. Перм. Арх. Комм.).

Рис. 43. Медное изображение ящера с рогом. (Из колл. Ф. А. Теплоухова).

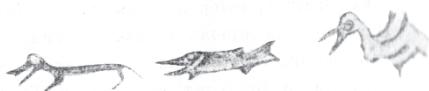
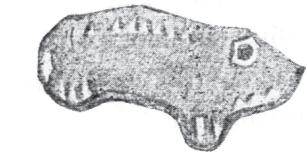

Рис. 45. Медное изображение (в уменьшённую величину) ящера с сидящими на нём человеческими фигурами; на обеих сторонах тела зверя нарезаны фигурки разных животных, птиц, рыб. (Резные фигурки противоположной стороны показаны внизу отдельно). Из колл. П. И. Шукина.

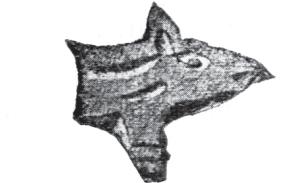

Рис. 46. Небольшое изображение ящера с сидящим на нём человеком. (Колл. Перм. Арх. Комм.).

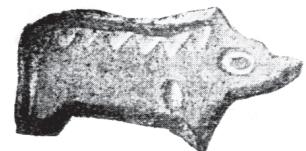

Рис. 44. Четыре изображения ящеров, найденных по р. Андюге и Колве.

Ныробской волости; у большей части заметны чешуйки вдоль спины, но, вообще, они напоминают более каких-то медвежат, свинок, или, пожалуй, земляных мышей. Любопытная группа представлена на рис. 45 (экз. из коллекции П. И. Шукина); она состоит из ящера, на котором сидят, один за другим, два человека. Длинное тело на коротких ногах, уд-

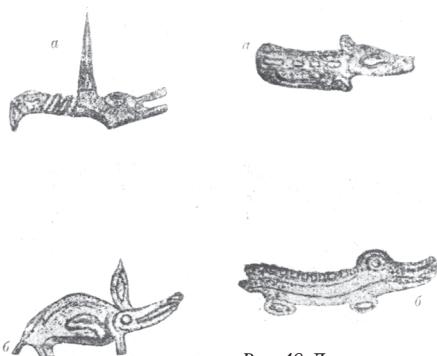

Рис. 47. Два ящера с «образков», а – с рогом; б – с длинным ухом.

Рис. 48. Два ящера с «образков»; а – с ухом, с чешуйками, но без рога и ног; б – с выступом над глазом, чешуйками и короткими ножками, но без рога и уха.

Рис. 49. Бронзовый чудской образок из колл. П. И. Щукина.

линёная, заострённая кпереди голова с рогом, ушами, глазами, какими-то отростками под шеей, ряд чешуек вдоль спины, короткий хвост – дают наглядное представление об этом мифическом звере; на теле его изображены, на одной стороне: бобр, змея, какой-то зверёк, на другой – птица, рыба и тоже мелкий хищник. С этой группой может быть сопоставлена изображённая на рис. 46, представляющая тоже ящера, на котором сидит человек. У этого ящера рога незаметны, а только большой глаз, над которым показан выступ; морда с длинными челюстями, вроде носорожьей; на боках тела представлен ряд поперечных бороздок. На «образках» фигура ящера выражена большой частью менее отчётливо, отчасти, вероятно, вследствие технических трудностей выполнения, а отчасти и по недостаточной заботливости об отделке; в иных же случаях художник и сам, по-видимому, не имел ясного представления об изображаемом звере и исполнял его схематично или путая отдельные признаки. Всегда передавалось вытянутое тело, удлинённая голова, короткие конечности, но детали представляют большое разнообразие. Так на рис. 47, а явственно видны: прямой острый рог, бороздки на теле, но нет уха и конечностей; на рис. 47, б рог заменён длинным ухом и явственно выражены короткие ноги; на рис. 48, а и б можно только различить чешуйки вдоль спины, короткое ухо или выступ над глазом и у одного короткие ноги. Довольно отчётливое изображение ящера представляет «образок» из коллекции П. И. Щукина, воспроизведённый нами на рисунке 49; здесь ящер своей раскрытоей пастью напоминает крокодила (но без зубов); короткие ноги его трёхпальые, рога у него нет, вдоль спины показана чешуя, хвост сливается с полукруглым ободом образка. В этом ободе помещены три, сидящих на ящере, человекообразных фигуры с торчащими волосами, руки и ноги коих, однако, не выделаны и переходят в звериные головы или глазки; над фигурами этими (под ободком) видно ещё изображение какого-то гада с полураскрытым пастью и длинным телом, какими-то щитками и выростами.

В некоторых образках ящер принимает форму скорее рыбы, без ног, но с грудными плавниками, как на рис. 50, изображающем ряд дивовищ, стоящих на звере (Aspelin, 518), или даже змеи (как на рис. 51), где, однако, существо, на

Рис. 50. Ряд дивовиц, стоящих на звере (ящере?).

Рис. 51. Изображение лошади, стоящей на змее (?) со спиральным рогом. (Aspelin, 543).

Рис. 52. Изображение всадника (женщины) с отломанной головой, на змее. Из Глазовского у., колл. Первухина.

однако, удлинённая голова, короткие трёхпалые ноги, чешуи вдоль спины и бороздки или нарезки по бокам туловища явственно сближают его с ящером. Если же допустить такое сопоставление, то можно признать, пожалуй, до известной степени за ящера и форму, представленную на рис. 54, тоже с короткими трёхпальными конечностями и как бы с чешуйками вдоль спины.¹

В числе фигурок животных, найденных в большом числе на Гляденовском городище, многие, несомненно, представляют также ящеров, хотя иногда их и трудно отличить от других форм, тем более, что между последними встречаются изображения разных животных – лошадей, медведей, волков или собак, мелких хищников, ящериц и т. д., выделанных часто довольно примитивно и схематично. На рисунках 55, 56, 57 мы представляем образцы подобных изображений; из

котором стоит лошадь, имеет и спирально завёрнутый рог. Эта последняя форма может быть сближена с представленной на рис. 52, где под ногами лошади является уже настоящий змей, но с головой, напоминающей своим типом головы некоторых ящеров, и также имеющий на шее ряд поперечных бороздок.

Наконец, за ящера же можно принять и животное, представленное на рис. 53. Хотя оно представлено с спиралью и с первого взгляда формы его иные,

¹ Некоторые из подобных изображений напоминают, впрочем, скорее жаб, или представляют, может быть, распластанные звериные шкуры. См. изображения 10, на таб. 17, и 9 на стр. 2, в статье Ф. А. Теплоухова в «Трудах Пермской Арх. Ком.». Вып. III, 1897.

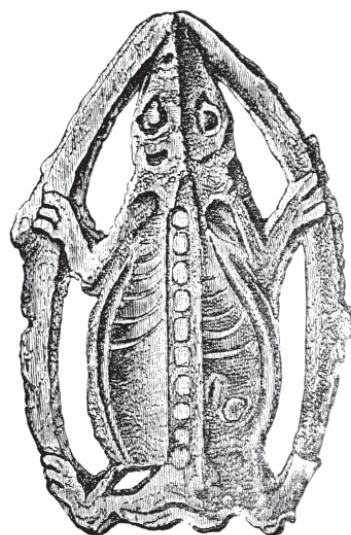

Рис. 53. Ящер (?). (Аспелин, № 568).

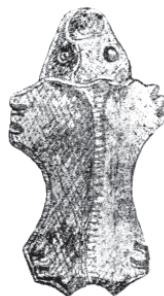

Рис. 54. Неизвестное животное.

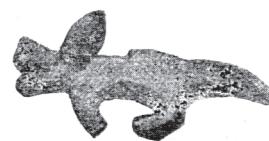
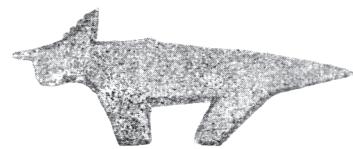
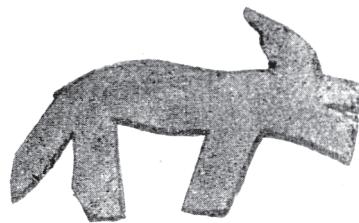

Рис. 55. Изображения зверей из Гляденовского жертвенного места.

них воспроизведённые на рис. 55 – несомненно, ящеры, как в том убеждает сравнение с рис. 58, серебряной бляхи (тоже из Гляденовского городища), на которой показанный под ногами человеческой фигуры зверь, очевидно, ящер, хотя и выше на ногах, чем изображаемые обыкновенно на образзках и в отдельных фигурах. К ящерам же должны быть отнесены и звери, изображённые на рис. 56, *а*, *ж*, но по отношению к другим – дело представляется более сомнительным; так, рис. 55, *в* изображает, вероятно, лошадь, рис. 55, *е*, может быть, тоже, хотя это уже менее вероятно; рис. 55, *д* может быть – какой-нибудь хищник, вроде волка; рис. 55, *б* напоминает ящерицу, хотя подобная же постановка ног замечается и у некоторых ящеров; рис. 55, *г* загадочен; рис. 57, *д*, с намёком на спаривание, – может быть, изображает небольшого хищника, вроде соболя, но что могут изображать звери, представленные на рис. 57, *а*, *в*, *г*? Первый из них – во всяком случае – какой-то гад, с рядом чешуй вдоль спины; 57, *в* без хвоста, с неуклюжей мордой, маленьkim глазом и какими-то ластами – может изображать, если угодно, даже тюленя; 57, *г* с загнутой верхней челюстью, рогом и ушами – представляет какого-то единорога. Вообще фигуры животных, найденные на жертвенном месте Гляденовского городища, хотя и свидетельствуют о разнообразии реальных и мифических типов, игравших роль при религиозных жертвоприношениях, однако многие из этих типов не были, по-видимому, твёрдо установившимися, допускали значительные вариации и видоизменялись в значительной степени по личному усмотрению и фантазии приготовлявших их мастеров или жертвователей.

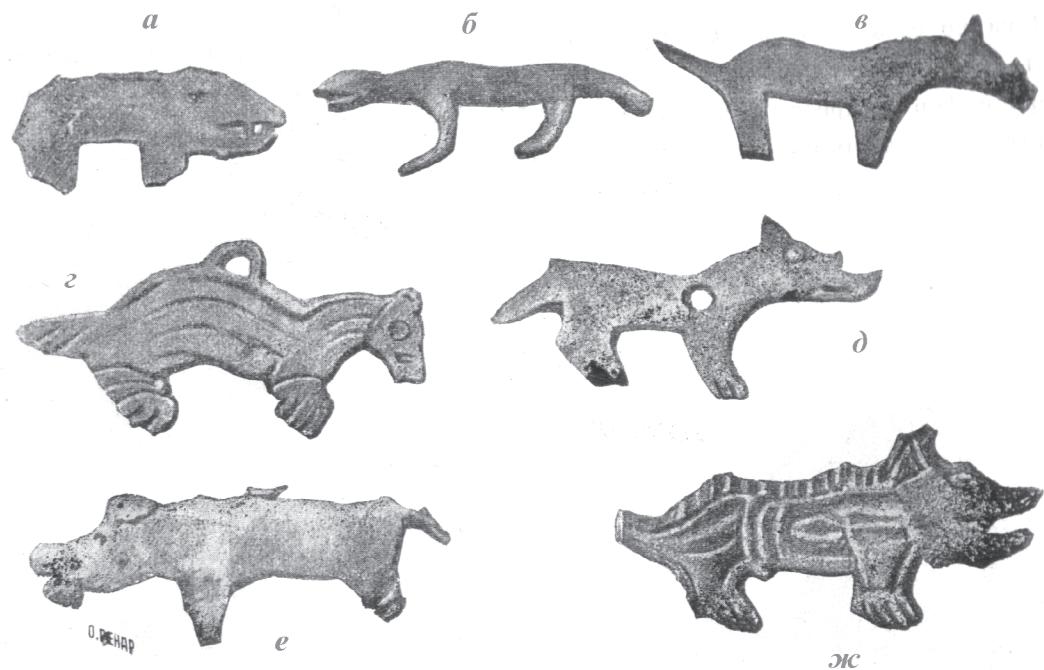

Рис. 56. Тоже.

Рис. 57. Тоже.

Во всяком случае, можно считать несомненным, что среди приуральской Чуди было широко распространено представление о каком-то мифическом звере с некоторыми признаками гада, с удлинённой головой, вооружённой рогом и напоминающей отчасти крокодилю или носорожью, с вытянутым туловищем, покрытым чешуями или щитками вдоль спины и оканчивающимся более или менее коротким хвостом. Зверь этот – представлявшийся, по-видимому, иногда и более смутно, в форме небольшого хищника или грызуна, а также рыбы или гада (змеи), – изображался или в виде отдельных фигурок, или в подножии антропоморфных и зверовидных фигур «образков», как бы заменяя собою землю; по-видимому, он и представлялся живущим в земле, в пользу чего можно привести и изображение на круглой бляхе (рис. 58), где ящер показан как бы ниже уровня земли. Тем не менее, ящер представлялся всё-таки способным к передвижению и даже к перенесению на себе других, более или менее антропоморфных существ, как то доказывают отдельные его фигуры с сидящими на них такими существами. С другой стороны, он поставлялся иногда в связь и с крылатыми существами, как то доказывает изображение его на рис. 26 таблицы 3. Далее, впрочем, мы ещё вернёмся к представлению об этом звере.

Что касается драконовидных существ, то, как было уже сказано, изображения их, или их голов, встречаются обыкновенно попарно, в «образках», обрамляющих антропоморфные фигуры и возвышающихся над головами последних. Нередко фигуры их совершенно сливаются с фигурами антропоморфных существ, голова которых только продолжается в звериную и оканчивается своеобразной, длинной, извилистой мордой, часто с полураскрытым пастью (рис. 59, 60). Иногда человеческая

Рис. 59. Чудской «образок» из трёх антропоморфных фигур, стоящих на ящере. Боковые фигуры с головами драконов. (Aspelin, № 540).

Рис. 60. Бляха с изображением трёх антропоморфных фигур с головами драконов (псиголовцев). (Aspelin, № 516).

Рис. 58. Серебряная бляха с изображением антропоморфной фигуры, стоящей на ящере. Из Гладеновского городища.

Рис. 61. Человеческая голова, обрамлённая головами драконов. Из собрания П. И. Щукина.

жат, по-видимому, лишь для укрепления фигуры). Ещё один пример представляет «образок», изображённый на рис. 63; это тоже антропоморфная фигура, стоящая на ящере, но с головой скорее птичьей и обрамлённая существом драконовидным. Самым замечательным изображением этого рода может быть,

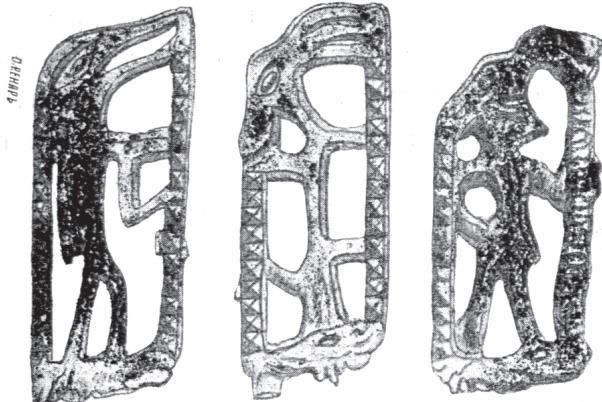

Рис. 62. Три чудских «образка» с отдельными антропоморфно-драконовидными существами, стоящими на ящерах. Из собрания Пермской Учёной Архивной Комиссии.

Рис. 63. Ещё один подобный «образок». Из того же собрания.

однако, признано представленное на рис. 64 (из колл. П. И. Щукина). Антропоморфная фигура, обрамлённая драконом и стоящая на ящере, изображена здесь в комбинации с многочисленными формами птиц, рыб и звериными и драконовыми головами.

Рис. 64. Бляха с изображением антропоморфной фигуры, стоящей на ящере. Фигура обрамлена драконовидным существом и кроме того перед ней (и сзади неё) представлена птица вроде лебедя и многие звериные и драконьи головы. (Из собрания П. И. Щукина).

Рис. 66. Бляха с изображением стоящей человеческой фигуры, в которую вцепились с боков звери. Из Тобольского музея. (С рисунка Гейкеля).

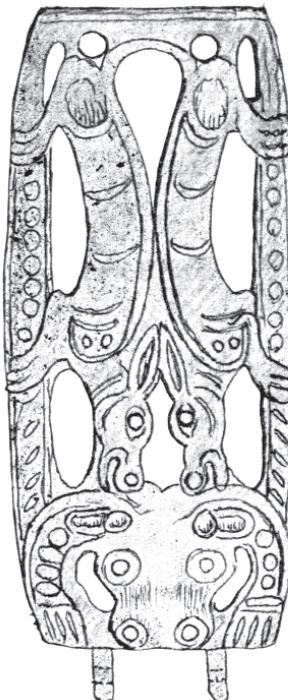

Рис. 67. Бляха с изображением двух зверей, обращённых своими головами к голове быка. Из Гляденовского городища. (С наброска первом).

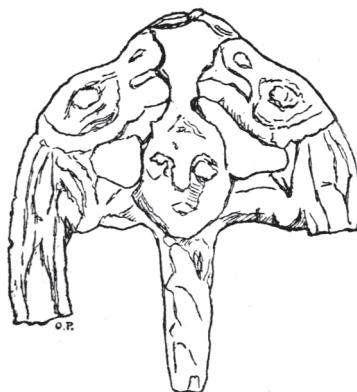

Рис. 65. Бляха с изображением человеческой головы и двух, сходящихся над ней, звериных голов. Из Тобольской губ.

Рис. 68. Изображение антропоморфно-драконовидного существа, стоящего на ящере и с головой, напоминающей лосиную. Из колл. Каз. Общ. Ест.

Не всегда, однако, существа эти выказывают антропоморфные черты; иногда и всё тело их получает звериный вид; в пример можно привести рис. 65, изображающий поломанный и плохо отделанный экземпляр, на котором видна, однако, человеческая голова, продолжающаяся внизу в столбик, а вверху в какой-то вырост, к которому обращены морды двух драконовидных существ, не выказывающих, однако, в своём виде никаких антропоморфных признаков. Изображение это может быть сопоставлено с воспроизведённым на рис. 66, представляющим стоящего человека, с головой которого соприкасаются головы двух, вцепившихся в него с боков животных, из коих одно с ногами, а другое без ног (змея?). Подобный мотив (двух вцепившихся зверей), как известно, довольно обычен среди сибирских древностей, хотя обыкновенно пассивной фигурой является не человек, а какое-нибудь животное. На Гляденовском городище также найдена была подобная бляха, воспроизведенная нами на рис. 67 (с наброска, любезно доставленного мне Н. Н. Новокрещеных); она изображает двух зверей с головами, обращёнными к голове быка, и весьма сходна с бляхой из коллекции Эвальда, найденной на р. Усе, в Сольвычегодском уезде и изображённой у Аспелина, № 528.

Рис. 69. Изображение птицы с звериной головой, отлитое вместе с проходящей через него трубочкой.

Рис. 70. Головы подобных же птиц.

Весьма характерна отдельная фигура, представленная на рис. 68 и воспроизведющаяся экземпляр из какого-то тёмного сплава, принадлежащий Казанскому Обществу Естествоиспытателей. Голова этой фигуры, с длинной изогнутой мордой, откинутым назад ухом, овальным глазом, продолговатой ноздрёй – напоминает лосиную, но сама фигура, двуногая и стоящая на ящере, имеет вид антропоморфный. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что ноги фигуры (слишком короткие для человека) на концах расщеплены, да и протянутая вперёд рука тоже, так что более вероятно видеть в этой фигуре стоящего на задних ногах лося, чем человека. На шее, ногах, отчасти также туловище и руке фигуры видны косые или дугообразные нарезки, а на туловище показаны ещё две головы, похожие по общему типу на голову самой фигуры и обращённые мордами вниз.

Характерная голова драконовидных существ оказывается иногда соединённой и с формами птицы. Подобные комбинации представляют, напр., некоторые фигуры птиц, снабжённые проходящей через них трубочкой и предназначавшиеся, очевидно, для привешивания (рис. 69). Птицы эти изображены со сложенными крыльями (по которым показан обыкновенно орнамент из ряда выпуклых круглых точек), с коротким, отогнутым вниз хвостом, довольно длинной шеей и звериной головой – с вытянутой мордой, более или менее ясно обозначенными глазами

и ноздрями, откинутыми взад ушами, полураскрытым пастью и с несколько вздёрнутой верхней челюстью. Всего резче эта вздёрнутость челюсти и длинное ухо видны на одном экземпляре коллекции г. Теплоухова (рис. 70, левая голова), а также на одном, изображённом у Аспелина (№ 562) и воспроизведённом нами на рис. 71, отличающемся, однако, тем, что и хвост фигуры, вместо того, чтобы быть отогнутым книзу, загнут вверх и вперёд, и представляет тоже голову и того же типа. Затем, другого рода подобные комбинации представляют летящие птицы с звериными головами, изображённые у нас на табл. III, рис. 26 и 27, и крылатые существа с тремя головами, представленные в тексте на рис. 28 и 29. Общий тип этих голов с длинными полураскрытыми мордами и с откинутыми взад ушами не оставляет сомнения в принадлежности их тем же существам, но на этот раз являющимся в крылатом виде и в тройной комбинации. Наконец, сюда же можно причислить до известной степени и крылатые формы, изображённые на рис. 30 и 31, так как, хотя крылья и составляют здесь атрибуты антропоморфных фигур, однако, головы этих фигур увенчиваются головами драконов.

Рис. 71. Такая же птица с головой дракона и с оканчивающимся подобной же головой хвостом. Аспелин, № 562.

Но самым замечательным, по смелости концепции, можно признать мифическое существо, изображённое на рис. 72. Это – настоящий крылатый дракон, представляющий характерное смешение птичьих и звериных форм. Удлинённое тело его (с рядом перьев по спинной линии) поддерживается двумя ногами и продолжается в длинный, перистый хвост. Голова его снажена длинными, откинутыми

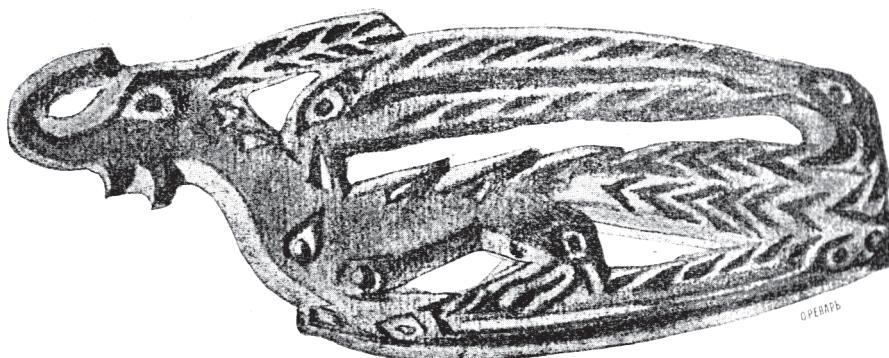

Рис. 72. Изображение крылатого дракона, стоящего на рыбообразном ящере. Из колл. П. И. Шуклина.

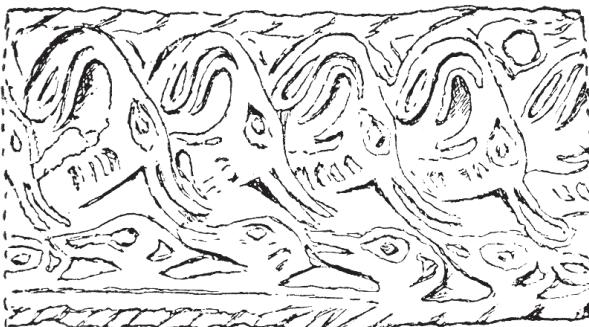

Рис. 73. Часть чудской бляхи с изображением драконьих голов.

Под шеей этого дракона видны какие-то острые выросты, а от начала спины отходят длинные крылья, оживлённые глазками, которые придают этим крыльям до некоторой степени тоже характер каких-то животных; впрочем, подобные же глазки показаны и на туловище и на ногах дракона. Стоит этот дракон на своего

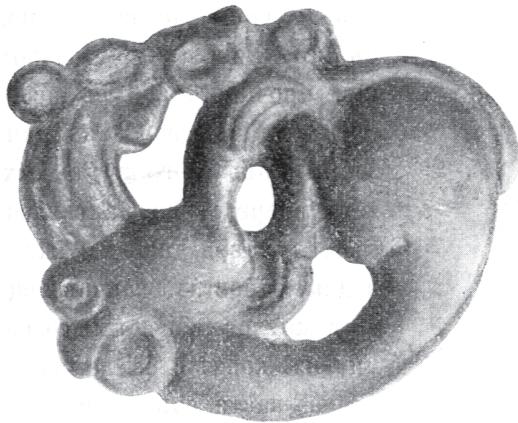

Рис. 74, рис. 75. Две бляхи с изображением свернувшегося в кольцо драконовидного животного. 74 – из Уфимского музея; 75 – из Гляденовского городища (последний с наброском пером).

рода ящере, имеющим, однако, форму рыбы или змеи и обращённом к дракону брюшной своей стороной, по которой намечены какие-то отростки.

Любопытны также комбинации форм дракона с формами змеинymi. Сюда можно отнести, прежде всего, известный сюжет свернувшегося в кольцо животного,кусающего свой хвост или соприкасающегося с последним своей мордой. Сюжет этот встречается на многих бляхах из Минусинского края, Западной Сибири и Приуралья; в пределах последнего известны находки в Ананьевском могильнике, в Уфимской губернии, в Вятских городищах; две подобных бляхи были найдены недавно и в костище Гляденовского городища (рис. 74 и 75). Свернувшееся кольцом животное выказывает иногда голову и формы барса, иногда – лошади, иногда змеи; в последнем случае ног, конечно, нет, но чаще представлены и переплетшиеся между собой ноги (две пары), как на рис. 74, где голова, напоминающая несколько лошадиную, в то же время сходна и с драконьей.

взад и как бы тоже перистыми ушами, а напереди заканчивается длинной мордой, закинутой вроде хобота на лоб. Такой изгиб морды является, правда, исключительным, но по отношению к драконообразным существам он допустим, так как с подобной же гибкостью и изогнутостью морды (только чаще вниз) мы встречаемся и на других их изображениях (см., напр., рис. 73).

Рис. 76. Круглая бляха с изображением свернувшегося в кольцо змея с головой дракона. Внутри кольца три антропоморфных головы, а под ним ящер с двух головами. Из собрания П. И. Щукина.

Но в особенности любопытна круглая бляха, изображённая на рис. 76. Свернувшееся животное представляет, очевидно, змея (без ног), но голова его, соприкасающаяся с другой такой же, выказывает все признаки драконьей. Внутри образованного таким свёрнутым телом кольца помещены три человеческих головы с стоячими волосами и ещё одна звериная голова, а под кольцом изображено нечто вроде ящера, но с телом, лишённым ног и имеющим на каждом конце по голове с раскрытой пастью.

Своебразную комбинацию форм дракона и змеи представляет ещё группа (из коллекции Томского университета), изображённая на рис. 77 и представляющая стоящего на змее какого-то хищного зверя. Соприкасающаяся с мордой этого зверя голова змеи

выказывает заметное сходство с лосиной, но, что особенно любопытно, всё тело змеи состоит из следующих одна за другой таких голов, в числе шести. Далее тело змеи загибается кверху и идёт в виде жгута параллельно спине зверя, соприкасаясь концом с его ухом (и ещё, для большей прочности фигуры, особой изогнутой полосой с спиной зверя); от этого жгута отходят вперёд, по направлению к телу зверя, такие же жгутовидные отростки, оканчивающиеся тоже лосеобразны-

Рис. 77. Изображение хищного зверя, стоящего на змее, тело которого составлено из лосиных (драконых) голов. Из колл. Томск. универс.

ми головами, из коих одна лежит на задней части зверя, другая доходит до отходящей от спины полосы, а третья достигает почти уха тигра (или, точнее, держит в пасти кольцо, соединяющее её с ухом зверя). В этой сложной фигуре мы видим, след., оригинальный образчик сложения животной формы (змеиной) из отдельных звериных голов, или, что, может быть, вернее, – распадения змеиного тела на целую серию звериных форм (голов), более близких к реальному (сибирскому) миру. Заметим ещё, что на ногах зверя, над лапами, видны изображения глазков. Подобное же сочетание драконьих голов с змеиными формами мы видим на большей прорезной бляхе из Чердынского уезда, изображённой на рис. 78 и представляющей как бы многоголового змея с вытянутыми головами, уже не имеющими

Рис. 78. Большая бляха (в несколько уменьшённом виде), изображающая многоголового змея с дракоными головами. Из колл. П. И. Щукина.

тер драконьей, сохраняя, однако, ещё нарезки на шее; в иных, наконец, она утрачивает постепенно все признаки головы, и змей превращается просто в ободок фигуры, соприкасающийся с головой лошади (рис. 80). Заметим здесь, что отдельные изображения змей (не драконов) вообще довольно редки в среде сибирских и приуральских древностей. Исключение представляет лишь жертвенное место Гля-

Рис. 79 и рис. 80. Изображения лошади, стоящей на змее. (Передние части фигур). Из разных местностей.

никакого сходства с лосинными, но удерживающими все признаки голов описываемых драконовидных существ.

Переходы драконовидных форм в змеиные иллюстрируют и некоторые образки, как напр., представленный на рис. 50 (затемствованный у Аспелина) и изображающий семь антропоморфных фигур, стоящих на рыбобобразном ящере и имеющих над человеческими – звериные головы. Эти головы, очевидно, драконьи, но по своему виду они напоминают, с одной стороны, известные типы «псиголовцев», с другой – змеиные. В то же время они представляют сходство и с головами некоторых ящеров, которые, как мы уже знаем, тоже переходят в змеиные. Припомним группу всадника на змее, голова которой напоминает головы некоторых ящеров. В других подобных группах (рис. 79) голова змей получает уже харак-

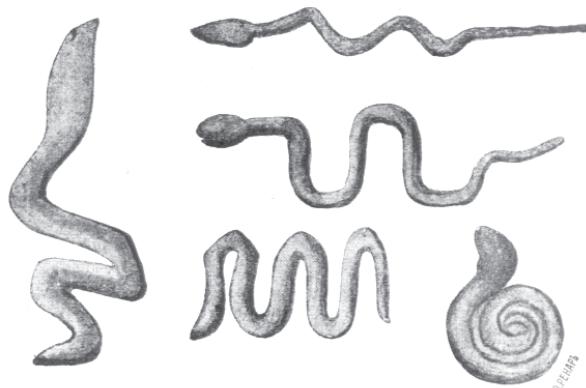

Рис. 81. Изображения змей из Гляденовского жертвенного места.

стонохождения. Известно только, что все они происходят из довольно ограниченной, хотя и обширной области, обнимающей, главным образом, северное Приуралье, а именно различные уезды Пермской губ. (Пермский, Соликамский, Чердынский, Осинский и др.), северные – Вятской, соседние уезды Вологодской (Усть-Сысольский) и – Тобольской губ. Впрочем, район их распространения захватывает, отчасти, Казанскую и Томскую губ. (Каинский, Кузнецкий округа), и даже проникает в Восточную Сибирь, как то доказывают находки в одной пещере около Айдашинского озера, близ с. Айдаши, в 12 в. от г. Ачинска, где среди разных медных и бронзовых вещиц было найдено бронзовое изображение птицы с распростёртыми вдоль туловища крыльями и звериной головой (рис. 82) и несколько находок в Минусинском округе, откуда известны, напр., изображение гуся с распущенными крыльями (рис. 83) и нескольких маленьких летящих птичек (рис. 84). Но там

деновского городища, где найдено было довольно много изображений змей в различных видах и позах (рис. 81).

Вернёмся, однако, к изображениям летящих птиц и постараемся несколько разъяснить их значение и смысл. Некоторые указания в этом отношении могли бы дать условия, при которых были находимы подобные изображения; к сожалению, относительно многих из них совершенно неизвестны подробности их ме-

Рис. 82а. Изображение (по-ломанное) оленя, найденное вместе с вышепоставленным близ с. Айдаши.

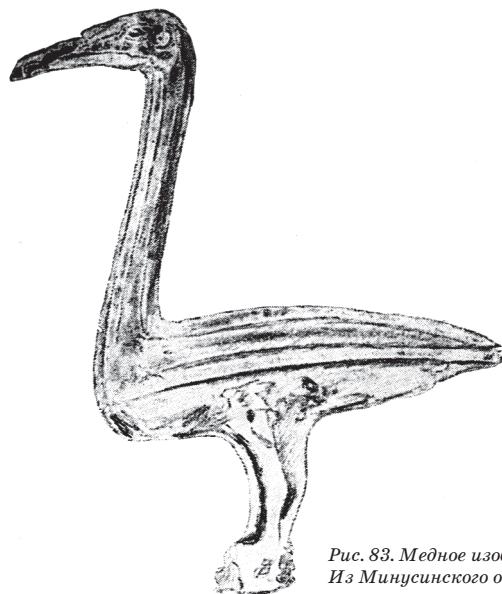

Рис. 83. Медное изображение гуся. Из Минусинского округа.

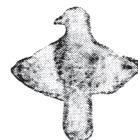

Рис. 84. Изображение летящей птички. Из Минусинского округа.

такие фигуры, сравнительно, уже редки; точно также их неизвестно и из южного Урала, хотя один экземпляр крылатого идола с головой барса был описан ещё в прошлом столетии (и изображён Монфоконом), как найденный в 1726 году за Волгой, в Астраханской губ.¹ На западе они тоже не распространяются далеко и, по-видимому, не были находимы западнее Вятской и Казанской губ. Различные украшения в виде птичек, иногда и с звериными головами, правда, довольно обыкновенны среди курганных древностей Средней России (напр., Костромской и соседних губерний), но в числе их нет с распёртыми крыльями.² Нет аналогичных изделий и среди скифских древностей Южной России, хотя в числе их и встречаются изображения летящих орлов (золотые), служившие, по-видимому, для украшения платья.³ Несколько более аналогий представляет Кавказ, где (в могильнике Камбульты) находили золотые подвески в виде летящих птичек, а в могильниках Вала-Камунты, Рутхи и других – бронзовые изображения летящих птиц, иногда с барабанными головами, служившие украшением пряжек.⁴ Но все эти сходства довольно отдалённые, свидетельствующие, самое большое, о некоторой, и то весьма

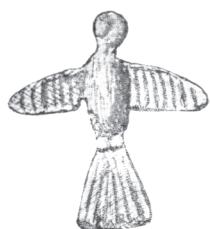

Рис. 85. Изображение летящей птички из могильника в Камбульте (на Кавказе).

ограниченной, общности в культурных влияниях, которые, однако, в их целом, были иные и вызвали в разных областях различные проявления художественно-творчества, особенно в его применении к религиозным верованиям и потребностям. Любопытные аналогии встречаются ещё в Америке, но о них мы скажем несколько далее, в связи с этнографическими данными.

Таким образом, рассматриваемая нами группа изделий, – подобно тому, как и т. наз. чудские «образки», характерные изображения медведей, некоторые человеческие фигурки и т.д., – являются характерной особенностью указанной области, именно северного Приуралья, или, точнее, Пермско-Тобольского края с прилегающими к нему районами. Здесь эти изделия были находимы большей частью случайно в земле, очень редко в могилах, чаще в местах, бывших, очевидно, жертвенные или моленными. Так, серия Кузнецких птиц, в Томском музее, была найдена крестьянином д. Егозовой Касминской волости, вся в одном месте, в обвалившемся берегу р. Ини, в земле, на глубине 2–3 четвертей. Всего нашлось здесь 12 идолов (но некоторые, как оказалось потом, попали ещё в другие руки), вместе с двумя прорезными кружками и тремя плоскими металлическими тарелочками или дисками, украшенными кружковым орнаментом. Крылатые идолы, описанные Гейкелем и хранящиеся в Тобольском музее, были найдены вместе с

¹ Рисунок этого идола воспроизведен в «Известиях Том. Унив.». Вып. XI, 1897, в статье г. Флоринского «Первобытные Славяне», стр. 293.

² В Тверской губ., на берегу Волги, были найдены миниатюрные бронзовые птички, представленные летящими, но тоже особого типа и, очевидно, служившие только для украшения. (Были приобретены покойным Жизневским для Тверского музея).

³ Можно указать ещё на некоторые крылатые антропоморфные фигуры, найденные в курганах южной России, см. Толстой и Кондаков, Скиф. древ. рис. 85, 75, 84.

⁴ Такие изображения находятся в коллекциях г. Уваровой, Шантра, И. Арх. Комиссии и др. Золотая птичка из Камбульты имеет вставленные в хвост и крылья сердолики и лapis-лазули. Можно указать ещё на рельефное изображение орла с распущенными крыльями, украшающее в числе других изображений, золотой венец его из Новочеркасского клада. См. рисунок его в IV вып. «Рус. Древн.» гр. Толстого и Кондакова.

другими бронзовыми предметами, в числе 80, в большом медном котле, при копании дорожной канавы, в сосновом лесу, в 180 в. от Тобольска по почтовому тракту в Омск, в 10 в. от сел. Истяцкие юрты, близ дороги. В числе этих предметов оказалась, между прочим, бляха с изображением Дианы, по-видимому, греческой работы. В Пермском уезде медные изображения парящих птиц находили иногда вместе с шлаками от выплавленной руды, на возвышенных местах, вблизи залежей медных руд. Летом 1887 г. мы сами нашли несколько экземпляров таких птиц на Карапульной горе, близ Северского завода (в дачах Сысертского завода). О нахождении там древних медных изделий, в том числе и фигурок птиц, было известно уже ранее, поэтому мы и решили, в бытность нашу на заводе, отправиться на Карапульную гору и произвести там раскопки. Гора эта находится верстах в трёх к СЗ от завода и представляет возвышающийся футов на 500 или около того холм. Поверхность горы представляет овальную площадь, в окружности около 150 аршин, и повышающуюся к западу; на ней в поверхностном слое находят много медных шлаков и черепков от глиняной посуды; здесь же было найдено также несколько медных стрелок и изображений птиц. Взяв несколько рабочих, мы произвели тут раскопку, которая оказалась удачной в западной, возвышенной части площадки. Здесь, на незначительной глубине было найдено пять медных фигурок птиц, в том числе одна большая, которая, как и две из малых, оказались стоящими вертикально в земле. Отдельные горы или холмы в местности нынешних заводов (в пример можно привести ещё Думную гору, вблизи Полевского завода), по-видимому, привлекали к себе по преимуществу древних литеищиков, которые и занимались там выплавкой медной руды, может быть, потому, что открытое местоположение благоприятствовало более сильному ветру, способствовавшему разжиганию примитивных печей и лучшей выплавке металла. Как бы то ни было, на горках этих встречается масса шлаков, черепков, а изредка попадаются и медные изделия – стрелки и изображения птиц. Последние, надо думать, здесь и отливались, и нахождение их тут объясняется или тем, что они были забыты и утрачены, или же, что они были поставлены тут намеренно, символизируя жертву или моление богам. Намеренная постановка представляется более вероятной, так как трудно допустить, чтобы эти фигуры были утрачены здесь в таком количестве (всего их было добыто отсюда несколько десятков) в то время, как других медных изделий было найдено очень малое число. Скорее надо думать, что подобные религиозные символы намеренно ставились на самом возвышенном месте горы, ближайшем к небу, в целях более действительного умилостивления богов. – Связь подобных изображений с молениями и жертвами доказывают и условия нахождения их на Гляденовском городище. Здесь, на ровной площадке, ничем не выдававшейся на глаз, на краю оврага, в 42 саж. вертикальной высоты над рекой, было найдено обширное жертвенное место. Под дёрном здесь оказались слои костяного пепла в 1–2 $\frac{1}{2}$ арш. толщины, и в них-то и нашлась масса вещей, в том числе изображения птиц, зверей, змей, человека и т. д., причём в расположении предметов можно было подметить известную правильность. Ставилась, напр., большая вещь и около неё идолы, бусы, стрелки, железо; всё это посыпалось пеплом с мелкими жжёными костями домашних животных (поросят, баранов и др.) и покрывалось кой-где битыми черепками, чтобы пепел не разносился ветром.

Случаев нахождения описываемых нами изображений летящих птиц в могилах известно пока немного, да и относительно их, большей частью, неизвестны подробности условий местонахождения. Недавно, однако, описана одна находка, ясно указывающая, по-видимому, на связь подобного изображения с религиозными верованиями. Осенью 1896 г. при раскопках одного могильника в окрестностях Томска (на берегу речки Малой Киргизки, впадающей в р. Томь, верстах 5 от города), обозначившегося случайно при проложении полотна железной дороги, под небольшим курганом, на глубине $1 \frac{1}{2}$ арш. была найдена полушаровидная бронзовая чаша ($13 \frac{1}{2}$ сант. в диаметре, с круглым дном), в которой лежали обгорелые кости человеческого черепа; перед этой чашей оказалось поставленное вертикально (воткнутое хвостом в землю) изображение летящей птицы (подобного же типа, как найденное в Тартасской волости Томской губ., см. выше, рис. 24), обращённое передней стороной к юго-западу, а задней – к чаше.¹ Здесь, очевидно, изображение это имело значение не простого украшения, а подобно тому, как и на описанной выше Каравульной горе близ Северского завода, символизировало собой известное религиозное общение с божеством.

Какая же религиозная идея соединялась с этими изображениями летящих птиц? Какой смысл имело их появление на холмах, жертвенных местах, в могилах? Что значило соединение в них птичьего образа с человеческим и звериным, и какие представления вызывались всеми этими образами, если признавать их за религиозные символы. Точного ответа на эти вопросы дать, конечно, трудно и можно высказать только ряд предположений, отчасти основанных на исторических данных, отчасти на аналогиях, представляемых бытом некоторых современных народов Сибири и других стран.

Данные истории и этнографии указывают, что птицы, особенно некоторые виды хищных и голенастых, признавались у многих народов за существа божественные, или по крайней мере такие, образы которых представлялись наиболее пригодными для олицетворения божеств, их атрибутов и для символизации сношений с миром духов и теней в далёких небесных или загробных пространствах. Быстрота и высота их полёта, их прилёт весной откуда-то с далёкого юга, и их отлёт туда же осенью, их парение (напр., орлов) в небесной синеве и их появление (напр., филина или совы) в сумраке ночи, всё это заставляло видеть в них нечто таинственное и загадочное, признавать их особенно способными к роли посредников между человеком и духами и к воплощению в своих формах этих последних. Представление о птицах, как о существах, способных быть носителями человеческих желаний и молений, а с другой стороны, – возвестителями воли богов, символами их покровительства и объектами, служившими для воплощения в них божественной мощи, – такого рода представления мы встречаем у народов, стоящих на самых различных ступенях культуры, от дикарей-шаманистов до народов древнего культурного Востока и Греции, и от варваров далёкой Азии и Африки до народных масс современной христианской Европы. Здесь было бы излишним приводить всю массу относящихся сюда фактов; мы позволим себе остановиться

¹ Известия Томск. унив. Кн. XI. 1897, статья Флоринского, стр. 284–285.

только на более характерных данных, представляемых с одной стороны историей культурных народов древности, а с другой – современными внеевропейскими народами, стоящими на низших ступенях культурного развития.

В древнем Египте *сокол* или *ястreb* был символом бога, сперва древнейшего – Ра, который изображался с головой ястреба и представлял собой высшее, всеобнимающее универсальное божество, а затем Горуса, к которому перешёл и другой символ божества, – крылатый «солнечный диск» с двумя змеями (*uraei*, *ârâ*).¹ Женские божества – Мутъ, Изида, Гатор – имели символом *грифа*, который знаменовал собой вообще покровительство богов и изображался поэтому над статуями фараонов осеняющим их своими крыльями. Эмблема ястреба придавалась также и другим богам, вследствие чего его изображение вошло в гиероглиф для бога вообще (как ранее топор), а также сделалось принадлежностью фараоновских гербов и картушей² и украшением древка фараоновского знамени. Другими священными птицами у египтян были: *бенну* – *цапля*, *Ardea bubalus*, и – *ибис*; формы их послужили для представления человеческой души, и именно двух видов её – *ба* и *ху*, из коих *ба* означала душу животную (греч. ψυχή, τῶν ψυχικόν, *anima nutritiva*), а *ху* – разумную (*ψυχής, σώματος ψυχικόν*, *anima rationalis*). Символом *ба* была цапля и другие местные виды голенастых – аргали, марабут, известные своей прожорливостью и своей заботливостью о птенцах, которых они кормят, отрыгая из своего зоба; египтяне представляли себе, что *ба*, вылетая из тела человека в момент смерти, может возвращаться к нему (к мумии) и есть и пить за него. Эмблемой *ху* был ибис, отлетавший по смерти человека на небо к богам и обладавший даром находить дорогу в жилище блаженных. Иногда, впрочем, душа представлялась и в виде сокола, ласточки, а ещё чаще с человеческой головой, – образ, послуживший, по-видимому, прототипом для греческих сирен и гарпий. *Бенну* была посвящена Озирису и служила эмблемой воскресения, весеннего поворота солнца; в одном гимне времён XII династии она говорит о себе, как о «создательнице всех вещей», напоминая тем гигантского журавля космогонических легенд других народов, шагавшего по первобытному земному илу. Та же птица послужила, как думают некоторые, поводом к созданию мифа о фениксе, из которого выросла впоследствии известная легенда о возрождении из пепла. Священной птицей была также *ласточка*; по мифу (греческому) об Озирисе, Изида, отыскивая тело бога, летала по свету в образе этой птицы, испускавшей свет от своих крыльев; изображение бога-ласточки находится на стенах фиванского некрополя.³

В Халдее и Малой Азии мы встречаем также, с глубокой древности, изображения птиц и других крылатых существ в качестве божественных символов. В Телло, на памятниках, относящихся к эпохе за 2500 л. до Р. Х., имеется изображение *орла* с распёртыми крыльями, стоящего на спине льва, а также орла,

¹ Иногда крылья диска заменяются глазами (*ijâ*).

² Новейшими раскопками Де-Моргана и Амелино установлено, что изображение сокола встречается уже на картушах древнейших фараонов (первых трёх династий). – В качестве божественного символа сокол был усвоен также финикиянами.

³ См. J. O'Neill, *The Night of the Gods. An Inquiry into Cosmic and Cosmogonic Mythology and Symbolism*. Vol. II. 1897, особенно Chapter IV. *The Winged Sphere, The Man-Bird-God etc.* H. Colley Moreh, *The Mythology of Wise Birds* в «Journal of the Anthrop. Institute» 1897, vol. XXVII. № 2.

украшающего древко знамени (прототип позднейших римских и наполеоновских орлов). Ассур, властитель неба, имел символом шар или *круг, с распростёртыми птичьими крыльями и хвостом*, но без головы, место которой занимали два завитка (*uraei?*); символ этот помещался над головами ассирийских монархов. На цилиндре Сеннахериба, над изображением священного древа помещено изображение человека в венце, высунувшегося из круга, который снабжён распространёнными птичьими крыльями и хвостом; с каждой стороны этой центральной фигуры имеются подобные же, исходящие из крыльев, так что получается тройное изображение, по Лаярду – символ триединого бога, высшего божества ассирийцев и персов. Подобная же фигура, но с одной человеческой головой, служила впоследствии у персов символом Агурамазды. В Ване были найдены бронзовые изображения птиц с человеческой головой, торсом и руками (род сирен), причём торс также охвачен кругом и имеет петлю назади для привешивания (рис. 86, 87). На одной халдейской стеле находится изображение грифов, пожирающих человеческие трупы (с человеческими головами, руками и т. д. в клювах), что напоминает

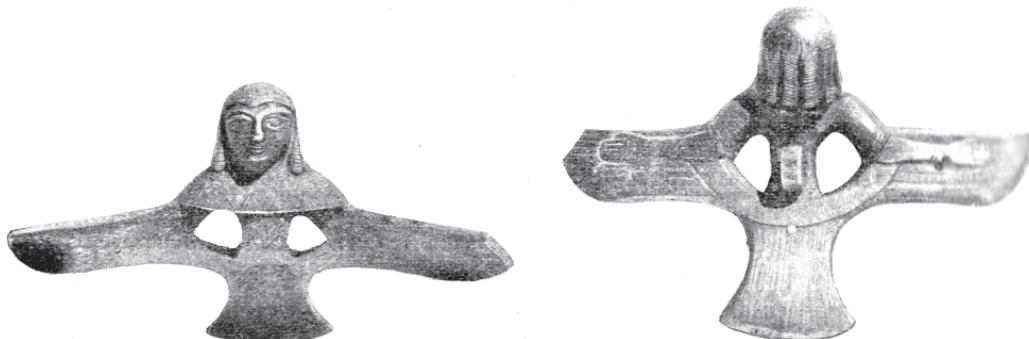

Рис. 86 и рис. 87. Бронзовые фигуры крылатых существ, найденные в Ване. (Уменьшены).

современный обычай парси предоставлять трупы умерших для пожирания грифам. Птицы с человеческими головами встречаются и на памятниках хиттов, которым был известен также символ крылатой сферы; есть даже основание полагать, что отсюда этот символ перешёл и в Египет, вместе с хиттитской супругой фараона Аменхотепа III (XVIII дин., около 1560 л. до Р. Х.). На хиттитских же памятниках мы встречаем и изображение *двуглавого орла*, первообраз позднейшего австрийского и русского. У персов Агурамазда изображался с головой орла; символом его служил такой же *крылатый диск*, какой мы видим и на ассирийских памятниках, над головами царей. В иранских мифах говорится о небесной птице *Каршиша*, отождествлявшейся с Заретуштрой (Зороастром) и о триединой птице Саена или *Симург* (*Saēnō Meregho-Simurgh*), воплощавшей в себе высшую мудрость. Птица Камрош обклёвывала каждый год универсальные семена с дерева *Harvis prtokhm*, которые затем звезды Тиштрия разбрасывала с дождём по всем странам. Сюда же следует отнести и птицу *Рук* Арабских Ночей, может быть, соответствующую (как полагал De Saulcy) ассирийскому *Nesrokh* – всемогущему орлу (*nasr* по-арабски – гриф). Известно также то значение, какое получили в мифологии Ассирии и вообще Передней Азии – крылатые быки, львы, звери-птицы, грифы и другие тероморфные и антропоморфные крылатые существа.

В Индии с глубокой древности существовало представление о мифической птице *Гаруда* (Супарна), смертельном враге змей (Naga's); в основе этого представления положен был, вероятно, образ грифа, истреблявшего змей, но с ним слилось также, по-видимому, представление о Гарутмауте, («небесном прекраснокрылом»), воплощавшем в себе солнце, небо, в противоположность земле. На одном из древнейших буддийских памятников, каменных воротах в Санчи, представлено, как все животные собирались на поклонение священному дереву Бодхи (Bodhi); здесь видны большие птицы вроде попугаев, грифы с телом льва, крылатые быки с человеческим лицом и другие существа, указывающие явственно на художественное влияние Персии. Из этого «попугая» и «грифа», по мнению проф. Грюневеделя¹, и выработался впоследствии художественный образ Гаруды, получивший мало-помалу антропоморфные признаки (человеческую голову и руки); в новейшем брахманском искусстве Гаруда уже человек, но с крыльями и с кривым птичьим клювом. Из Индии представление о Гаруде перешло в Восточную Азию (Китай, Сиам, Японию); это *небесные собаки* (Thien-kou) китайцев, Ten-gu – японцев; они изображаются более или менее антропоморфно, но с крыльями и часто с звериной головой и ногами. Гаруда была усвоена вообще буддизмом, и мы встречаем её изображения в буддийских храмах Тибета и Монголии. – Священный характер придавался также и некоторым другим птицам, напр., соколу, в образе которого представлялась птица *Таятри* (Gayatri), принёсшая с небес божественный напиток, сому. На Цейлоне, у брахманистов пользовались почитанием священные *гуши*, подобно тому, как они почитались и в Египте, где были посвящены богу Себу. Образ птицы, по Ведам, придавался и самому Индре, а орёл служил символом Кришны. Эмблемой Будды в Сиаме признаётся *кион* или *кинара*, получеловек-полуптица и *кинари*, полуптица-полуженщина.

Не менее важную роль играли образы птиц и в мифологии греков и римлян. У Аристофана встречается замечание, что птицы некогда были богами. По преданию, записанному Санхониатоном, Тааут, т. е. егип. Тот, придумал для Кроноса царственные знаки: четыре глаза спереди и сзади, из коих два отдыхают и два бодрствуют, и четыре крыла, из коих два подняты, а два опущены, и ещё два крыла на голове; другим богам были даны только по два крыла на плечах. Старый Кронос представлялся в виде птицы с распущенными крыльями и с человеческим бородатым лицом. Что соколу придавался священный характер, показывает уже его название *ἱεράξ*; ; мифы говорят, что Посейдон и Гермес превратили *hierax'* в сокола (которым, впрочем, он и был). Золотое изображение орла было найдено Шлиманом в развалинах третьего города Трои; известно, что орёл составлял обычный атрибут Зевса; на вершине горы Ликэя в Аркадии был алтарь Зевса, перед которым на двух столбах сидели орлы. *Сова* была эмблемой Афины, – факт довольно странный, если принять во внимание, что в Египте сова считалась птицей нечистой и дурного предзнаменования, да и в Греции Гиппонакс (за 540 л. до Р. Х.) видел в ней вестника смерти. Шлиман нашёл в отложениях 3-го–4-го городов Трои сосуды с «совиными головами», представляющие, по его мнению, Athene «glaukopis», но в действительности – это женские фигуры (по Сэйсу – изображения восточного женского божества, Атэ, Кибелы и т. п.) и «*glaukopis*», вероятно, происходит не от « γλάυκη » – сова, а от « γλαυκός » –

¹ A. Grünwedel, Buddhistische Kunst in Indien B. 1893.

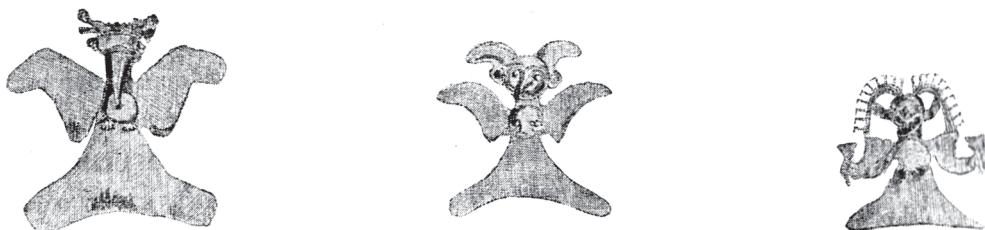

Рис. 88, 89, 90. Древние золотые изображения летящих птиц и птиц-зверей из Гватемалы. (Уменьшены вдвое).

голубой, и значит «голубоглазая»; возможно, что атрибут совы был придан Афине по недоразумению, по сходству в названиях. Известно, какое значение придавалось у греков и римлян гаданию по птицам; Сократ (по Ксенофонту) утверждал, впрочем, что не птицы дают ответы или предсказания, а боги, пользуясь для этого птицами. К числу священных птиц древности принадлежал также голубь: Дионисий Галикарнасский передаёт миф, что учреждение оракула в Додоне последовало по воле бога, которая была объявлена голубем, прилетевшим из Фив и севшим на стоявший там дуб; голубь считался вообще у греков вещей птицей. В мифах фигурируют также вороны, гуси, лебеди, павлины и другие птицы.

Священные птицы были известны и в древней Мексике, где чествовался «змей-пожирающий» Уок (Wok), местный вид сокола, считавшийся вестником Уракана (Hurakan), «сердца неба», возвещавшего о себе громом и молнией. К мифу, приведённому в Popol Vuh, в начале творения была только вода и крылатая змея или змей-птица, Кветцалькоатль. На древних храмах в Юкатане (Паленкве и др.) сохранились ещё барельефы с иссечёнными на них изображениями, между прочим, и птиц с распёртыми крыльями. В Гватемале были найдены древние золотые изображения летящих птиц с длинными клювами (туканов), а также – птиц-зверей, с звериной головой и человеческими руками (рис. 88–90), имевшие, вероятно, тоже религиозное значение.¹

В числе предметов, найденных при раскопках курганов в штатах Иллинойс, Георгии и др., были описаны медные изображения летящих орлов (с повёрнутой в сторону головой), вырезанные (как доказал это опытом Кёшинг) примитивным способом, с помощью острый кости или рога, из листовой меди (рис. 91), и символизирующие, по-видимому, бога войны, который иногда изображался и антропоморфно, на медных пластинках или створках раковин, но с подобными же крыльями, отмеченными особым орнаментом. Известна также роль, какую играли птицы в древней мифологии финнов и германцев. Орёл, во-

Рис. 91. Резанное из листовой меди изображение орла с распущенными крыльями; из кургана в штате Георгии.

¹ Эти золотые изображения были описаны в статье Людерса, в «Jahrbuch der Hamburgischen wissenschaftlichen Anstalten», Bd. X, а также в «Verhandlungen der Berlin. Ges für Anthropolgie».

рон, ласточка, голубь являются в Калевале вещими птицами; бог Hiisi представлялся на лошади, предшествуемым птицей, как и германский Один, следовавший на коне за полётом ворона. Два вещих ворона, Hudinn и Muninn, признавались атрибутами Одина, который считался «вороньим богом» и пользовался воронами для объявления своей воли и пожирания тел своих убитых врагов. По другим мифам Один являлся иногда сам в образе сокола. Священный характер получили у германцев (а также и у славян) некоторые голенастые, особенно аист.

Обращаясь к современным внеевропейским народам, мы встречаем ещё более следов почитания птиц. В Австралии создание мира приписывается птице Пунд-джель (Pund-jel), орлу—соколу, а на островах Торресова пролива имеется миф о гигантской птице Кузя-кап, принёсшей с неба горящую головёшку и тем научившей людей пользованию огнём. На о-ве Новой Ирландии, а отчасти и других островах Меланезии, пользуются деревянными изображениями птиц — для священных плясок. Изображения эти резные, раскрашенные (в красный и белый цвета) и представляют иногда замысловатые сочетания с образами змей и др., причём глаза птиц сделаны из блестящего вещества (перламутра и т. п.). На Соломоновых островах с птицей-фрегатом связывается представление о душах умерших. Во многих местностях Полинезии распространены поверья, что птицы предупреждают людей об опасности, указывают дорогу при хищнических набегах, предсказывают несчастье. В северо-восточной части о-ва Борнео, у даяков имеются деревянные изображения птицы-носорога; такое изображение ставится на шесть посредине площади во время праздника, бывающего по случаю счастливого набега и добытия неприятельских голов. На островах Танемба (около Тимора) распространены деревянные идолчики, «маттаканы», изображающие «злых духов»; большей частью они представляют змей, крокодилов, ядовитых рыб, но есть между ними также и изображающие птиц с несколькими воткнутыми в них перьями, симулирующими крылья. Особенное развитие получил культ птиц в некоторых местностях Северной Америки, в Калифорнии (сокол), у тлинкитов (птица Ель или Іель, принёсшая людям огонь; её представляли то в образе журавля, то ворона), на Ванкувере, в Британской Колумбии, Аляске и т. д. Орёл признавался у многих индейских племён символом бога войны; у племён Зуни (Zuni) символ этот известен и теперь, но вместо орла чаще можно видеть антропоморфную фигуру с распростёртыми крыльями, перья которых (также как и хвоста) представлены острыми кремнями (стрелками).¹ У племён по берегам пролива Нортон, у атов (Ahts) и других, и теперь имеются в домах или на крышах большие (до сажени в попечнике) деревянные изображения птиц (орлов) с распростёртыми крыльями. Иногда крылья делаются из кожи, а иногда голова и хвост птицы заменены головой и ногами человека. Несколько подобных изображений, в том числе одно очень крупных размеров, имеются в Берлинском Этнографическом Музее (Museum für Völkerkunde); понятие о них даёт прилагаемый рис. 93, сделанный с карандашного наброска. У кавигмютов и

Рис. 92. Щит племени Зуни с нарисованным на нём изображением бога войны, неба, двух бизонов и громовой стрелы.

¹ См. Cushing, Primitive Cooper Working, в «American Anthropologist». VII. № 1, стр. 16.

Рис. 93. Большое деревянное изображение человека-птицы с распущенными крыльями, племени атлов в Сев. Америке. (Очень уменьшено; с экземпляра в Берлин. Этн. музее).

ми змеями, летящими бабочками и т. п.; сходные изображения (красками) были найдены и на древних сосудах той же местности из развалин Sikyatki и Awatobi. Понятие об этом мифическом образе, представляющем, впрочем, много вариаций, даёт рисунок 95, снятый с одного сосуда из Sikyatki.³

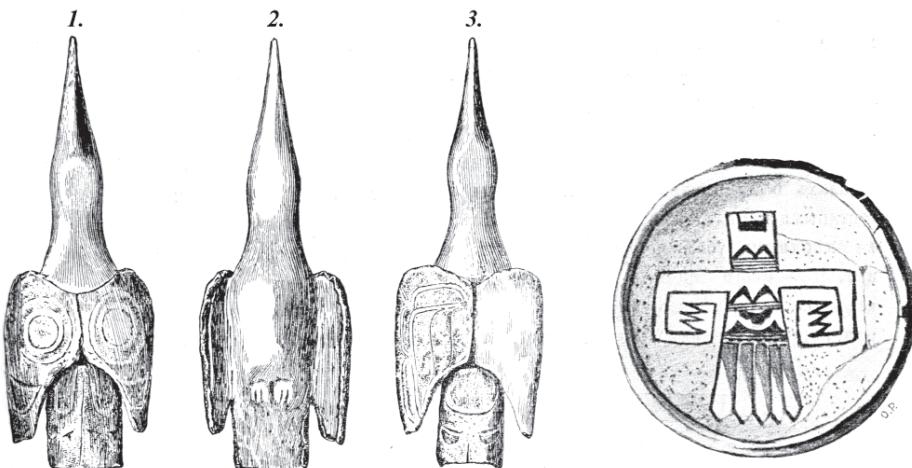

Рис. 94. Три деревянные изображения летящих птиц, племени гайда в Сев. Америке, с крыльями и хвостом, обложенными листовой медью. На фиг. 3 с одного крыла снята медная пластинка.

Рис. 95. Изображение мифического Человека-птицы на одном сосуде из Аризоны.

¹ В Дашковском Этнографическом Музее имеется деревянное резное (довольно искусной работы) изображение парящего голубя из Вологодской губ. По имеющемуся описанию, оно привешивается в избах к потолку на верёвке.

² Otis T. Mason. Overlayng with Cooper by the American aborigines, в Proc. Of the U. S. National Museum. Vol. XVII. F. Putnam. Report of the Peabody Museum. Cambr. Mass. 1881.

³ J. W. Tewkes, Prelim. Account on an Expedition to the Cliff Villages of the Red Country etc. в «Smithsonian Report for 1895».

маглимютов такое изображение человека-птицы играет видную роль при поминках по умершем; птица эта висит у потолка на верёвке, но с прибытием каждого гостя её спускают для приветствия входящего.¹ У племён гайда (Haidas) и тлингитов имеются изображения длиноклювых летящих птиц, резанные из дерева, выкрашенные красной краской и обложенные на крыльях и хвосте тонкими медными пластинками (рис. 94). Подобный способ обделки, по-видимому, идёт с отдалённой эпохи, судя по тому, что он был найден на многих предметах из древних курганов в штате Огейо.² В Аризоне, у индейского племени Kwataka, ещё и теперь играет важную роль в фольклоре мифический «Человек-орёл», изображаемый часто на сосудах, иногда вместе с другими мифическими существами, крылаты-

Изображения птиц (журавлей, воронов, орлов и др.) встречаются также на масках, употребляемых при религиозных плясках, и на других принадлежностях шаманского культа, напр., трещотках, заменяющих здесь бубны, а равно служат часто атрибутами власти, напр., украшая головной убор вождей и т. п.

Ближайший интерес могут, однако, представлять в данном случае подобные же изображения у современных инородцев Сибири и прежде всего у тех, которые и теперь ещё живут в области, где находят чудские медные идолы, именно у vogulov и осяков. Из них vogулы жили, несомненно, ещё лет 300–400 тому назад, и по сю сторону Урала, в Пермской и Вологодской губ., откуда они, по-видимому, постепенно отступали к востоку, а на этой стороне Урала отчасти смешались с другими инородцами и русскими. У обеих этих народностей, vogулов и осяков, составляющих в сущности один народ, маньзов, тождественный с древней юграй, мы находим изделия, во многих отношениях соответствующие описываемым древним, как по их виду, так, надо думать, и по их религиозному значению. Изделия эти представляют собой изображения птиц, зверей и людей, отчасти хранимые в качестве идолов в жилищах и в погребальных религиозных складах, а отчасти полагаемые в могилы, вместе с другими вещами умерших. Могилы vogулов и осяков устраивались (до последнего времени) не глубоко в земле, и умерший, завёрнутый в шкуры, помещался в челноке (лодке-однодеревке) с отпиленным одним (или обоими) концами и прикрытом сверху досками и берестой; над могилой возводилась (из налагаемых продольно мелких брёвен) двойная двускатная крыша, с промежутком в 4–5 вершков. В лодку клались мелкие вещи умершего: нож, трубка, кисет с табаком, котелок, медные украшения, бусы; на первую крышу – лук, лыжи и т. п., а на вторую (верхнюю) крупные предметы: весло, нарта, лодка. Многие могилы vogулов были разрыты лет 12 тому назад Н. Л. Гондатти; судя по найденным в них вещам (хранящимся в Антропологическом Музее), они относятся к первой половине XVIII в. В могилах были именно

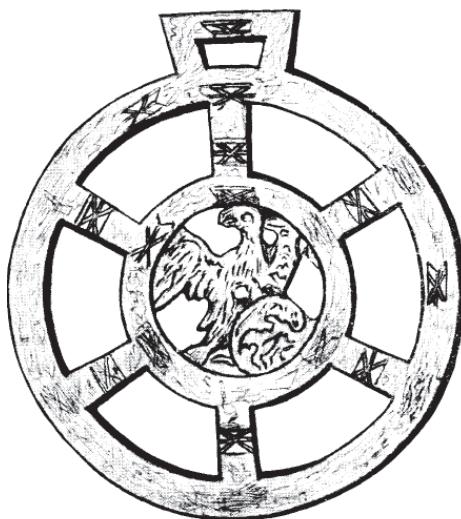

Рис. 96. Медная бляха из vogульской могилы, с изображением орла на добыче.

Рис. 97. То же, с изображением лебедя или гуся. Нат. вел.

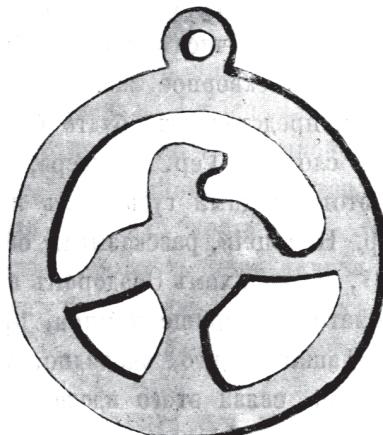

Рис. 98. и рис. 99. Медные бляхи из могил vogулов с изображением летящей птицы. Нат. вел.

найдены, рядом с собственными изделиями vogулов – костяными принадлежностями оленьей запряжки, частями лука, стрел, продырявленными звериными зубами и челюстями мелких хищников (нанизывавшимися в виде ожерелья и т. п., – много предметов, приобретённых, очевидно, от русских торговцев) как то: медные яндовы (круглые чашки с носиком), колокольчики, кольца, шпаги или кортики времён Анны Иоанновны, медальоны и табакерки, отчасти с портретами, и синие бусы, а также медные литые прорезные бляхи, очевидно, тоже русской работы. Бляхи эти разной величины ($\frac{3}{4}$ – 2 вершка в диаметре), круглые и состоят от ободка, заключающего внутри себя геометрический узор или изображение какого-либо животного. Бляхи с узорами, в виде лучей, сетки из треугольников и т. п. изображают, может быть, солнце; они представляют сходство с некоторыми древними чудскими бляхами того же характера, изображёнными, напр., в атласе Аспелина. Бляхи с изображениями животных представляют внутри ободка – лошадь, олена, всадника на лошади (всадник с короной на голове и жезлом в руке напоминает некоторые старинные формы русских пряников), также – орла с добычей в когтях, лебедя или гуся, и каких-то летящих птиц с распущенными крыльями. (Рис. 96–99). Н. Л. Гондатти замечает, что «при раскопках старых могил (особенно шаманов) приходилось иногда находить маленькие литые изображения фигур – человеческих, птичьих и каких-то звериных, подобных тем, которые известны под названием чудских; по рассказам стариков, эти изображения не делались на месте, а откуда-то привозились и почитались как идолы». По его же словам, у маньзов (vogулов) в особых сундучках и теперь ещё хранятся разные изображения, деревянные, костяные или *металлические*, изготавляемые или самими инородцами, или приобретаемые ими у русских и зырян, особенно в Ирбитской ярмарке, причём иногда для этой цели служат простые детские игрушки; иногда же изображения делаются на заказ русскими торговцами, именно таких животных, в которых боги могут будто бы превращаться.¹ Так, напр., в Сома-

¹ По словам г. Патканова (см. далее) медные изображения (идолы) приобретаются осятками от русских. Патканов знал одного поляка в Тобольске, занимавшегося отливкой таких идолов для иногородцев, по их заказу и по старым образцам, тоже, вероятно, русской или зырянской работы.

пауле почитают изображение гагары, в Аньевских юртах – чайки; особенно же почитается изображение коня, так как на коне бог Мирсусне-хум (или Цайрахта, сын высшего бога Турыма) каждую ночь объезжает Землю. Для этого бога покупаются инородцами также медные или серебряные тарелочки (напр., употребляемые для выношения просвир), которые ставятся затем в известных местах, где бы конь бога мог ступить на них своими копытами.¹

Подобные же круглые литые бляхи имеются и в Тобольском музее (судя по имеющимся у меня фотографическим снимкам). Две из них, по-видимому, совершенно тождественны с описанными выше (лебедь и орёл на добыче), две несколько похожи (лошадь и человек на лошади с жезлом или мечом в руке, только шапка его разнится и по своей форме напоминает фригийскую), а две – особенные, именно одна, изображающая полканна (кентавра), стреляющего из лука, и другая – человека в короне, верхом на лошади, с жезлом или копьём в руке, но с крыльями, и с каким-то предметом на шее лошади, трудно различимым по фотографии.

Григорий Новицкий, автор «Краткого Описания о народе Остяцком», составленном в начале XVIII в., упоминает, что у остяков в числе идолов был один «изваян из меди в подобие гуся», который «име скверное жилище в юртах Белогорских при великой реке Обь». Этот гусь представлял, будто бы, бога лебедей, гусей и всякого рода водных птиц. По словам Гер. Миллера, известного исследователя Сибири в прошлом столетии, этот медный гусь был изображен с распущенными крыльями. Любопытно, что Гр. Новицкий, рассказывая об уничтожении одного остяцкого идола, «Обского старика», схимонахом Феодором в 1712 г., говорит, что присутствовавшие остяки «сожигаемого убо зряще кумира, притворша себе видети от пламене подобием лебедя излетевшего», что, очевидно, указывает на существовавшее у них верование об известной связи этого идола с лебедем или о божественности последнего.

По словам Патканова,² лебедь и гусь считаются у остяков священными птицами, образы коих принимают нередко различные божества. Почитание лебедя распространено и у других финских и тюркских народов, напр., вотяков, сибирских татар и иных. Некоторым значением пользуются еще у остяков ястреб и ворон; образ первого также принимают на себя иногда боги, а в крике второго остяки умеют различать хорошее и дурное предзнаменование. В прежние времена, судя по остяцкому эпосу, роль волшебной птицы играл также филин; его образ принимали на себя «благородные девы» – дочери князей и богатырей, когда они желали, незаметно для родителей и братьев, посетить своего избранного и открыть ему своё сердце. Такой филин «с человеческим лицом» обладал, конечно, человеческим разумом и речью. Грубо вырезанные изображения птиц встречаются еще и теперь у vogulov и остяков на столбах, к которым привязывают лошадей и жертвенных животных; подобные столбы с птицами известны также у самоедов и алтайских телеутов. Патканов нашёл у остяков еще поверье о какой-то мифической птице, Тохтин-карис, соответствующей до некоторой степени русской «Жар-птице»; она, будто бы, так велика, что может легко нести на себе человека, голова у неё похожа на человеческую, но с длинным клювом, и кроме

¹ Сведения эти доставлены мне Н. Л. Гондатти письменно.

² S. Patkanow. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. I Th. SPB. 1897. (изд. И. Акад. Наук), стр. 131 след.

двух больших крыльев у неё есть ещё руки с длинными и острыми когтями. Птица эта, отличающаяся разумом, может говорить по-человечески; она живёт в южных морях, но залетает иногда и на север. (Очевидно – отголосок представления о птице Гаруде). Любопытно, что у осяков есть поверье о существовании какой-то священной змеи, иногда представляющей сплетение из двух змей, – о каком-то небольшом священном зверьке или гаде, «юр», живущем в воде и, как представляют себе некоторые, снабжённом рогами, и о «земляном быке» (мамонте), будто бы пролагающем себе ходы в земле или живущем в глубоких речных омутах.

Изображения птиц (медные или железные), вместе с разными другими бляхами, колокольчиками, ремешками и т. п., составляли необходимую принадлежность осяцкого шаманского костюма, как об этом говорит Абрамов в своём описании Березовского края и как это подтверждается и образцами подобных костюмов в музеях. К сожалению, относительно многих из этих костюмов неизвестно в точности, из какой местности и от какого народа они происходят, а тем более, какой смысл и значение имеют, по понятиям инородцев, различные, написанные на этих костюмах металлические привески и изображения. Я имел возможность осмотреть ряд таких костюмов и привесок к ним, – осяцких, тунгусских, бурятских, якутских, юкагирских – в музеях: этнографическом И. Академии наук, в этнографическом Дацковском музее, в числе предметов Енисейского музея, бывших на Нижегородской выставке 1896 г., – привесок с бурятского шаманского

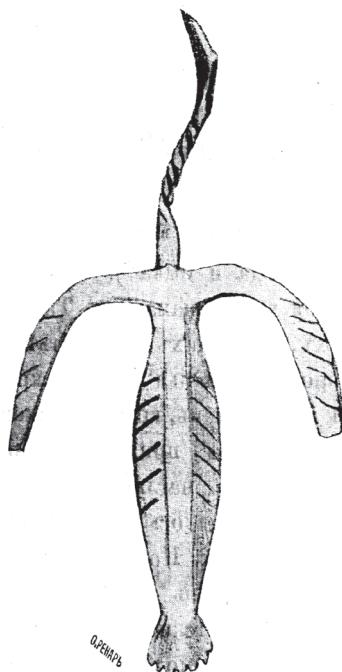

Рис. 100. Железные изображения летящих птиц с шаманских (бурятских) костюмов. (Уменьшено вдвое).

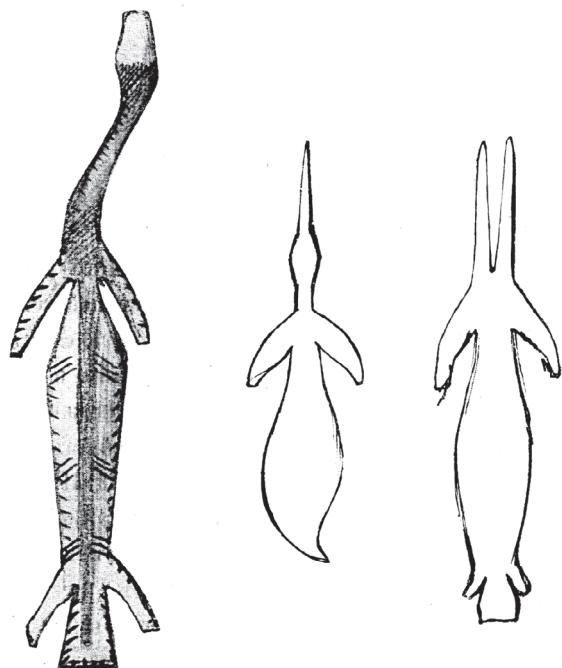

Рис. 101. То же, с костюмов якутских (?) шаманов. Правая птица, по-видимому, двухголовая. (Уменьшено вдвое).

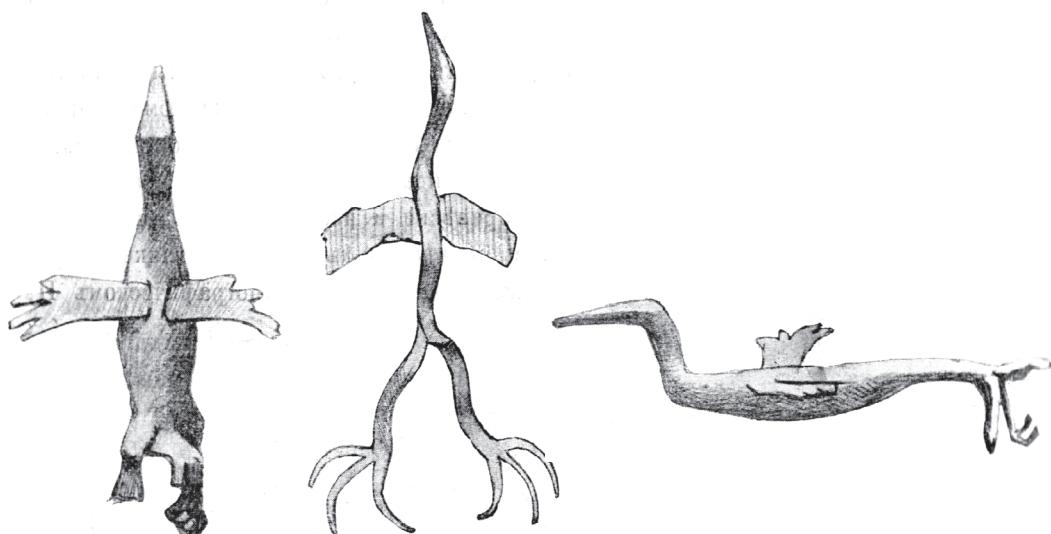

Рис. 102, рис. 103, рис. 104. Изображения летящих птиц с шаманских костюмов. (Уменьшено вдвое и больше).

костюма, доставленных мне М. И. Сапожниковым и т. д., и встретил между ними немало изображений птиц, сделанных из железных пластин (от 1 до 5 вершков длиной) и представляющих, большей частью, птиц летящих. Выделаны эти железки весьма примитивно; обыкновенно на них намечены лишь голова, часто на длинной шее, хвост, крылья и ноги, и притом иногда весьма непропорционально (напр., ноги слишком длинные с большими когтями или крылья чрезмерно короткие); в некоторых случаях, впрочем, можно догадываться, что имелось в виду изобразить лебедя, гуся, гагару и т. д. Несколько образчиков таких изделий приведены на прилагаемых рисунках (рис. 100–104); рядом с птицами встречается иногда и изображение какого-то зверя с вытянутым телом и хвостом, на коротких ногах (ящер?). На других (более новых) шаманских костюмах, напр., одном бурятки-шаманки в Читинском музее (рисунки с привесок которого были мне доставлены Д. М. Головачевым), место птиц и ящера заменяют уже изображения медведя, отчасти даже оленя, верблюда и быка.¹

Местами изображения птиц переносятся и на головной убор шаманов. Так, у маньчжуртов окрестностей Айгуня (китайских подданных, живущих при устье р. Зеи, на левом берегу Амура) шаманы надевают во время камланья особую круглую шапку, на которой возвышается сложный убор из бубенчиков, колокольчиков и лент, увенчанный вверху изображением двуглавой птицы. Два прилагаемые рисунка (рис. 105–106) с фотографий П. П. Шимкевича дают наглядное понятие об этом шаманском убore. К сожалению, г. Шимкевичу не удалось, по-видимому, узнать, какое значение придаётся шаманами этой двуглавой птице. По-видимому, она соответствует якутской «эксёю» (см. ниже) и играет важную роль в сношении.

¹ На шаманских костюмах у монголов и алтайских инородцев изображений птиц, по-видимому, нет. В костюме монгольского шамана, по описанию Г. Н. Потанина, преобладающую роль играют нашитые длинные ремешки, которые при верчении во время камлания развеваются ветром и симулируют змей, а также колокольчики, которые составляют необходимую принадлежность алтайских шаманов.

Рис. 105. Маньчжурский шаман. (С фотографии П. П. Шимкевича).

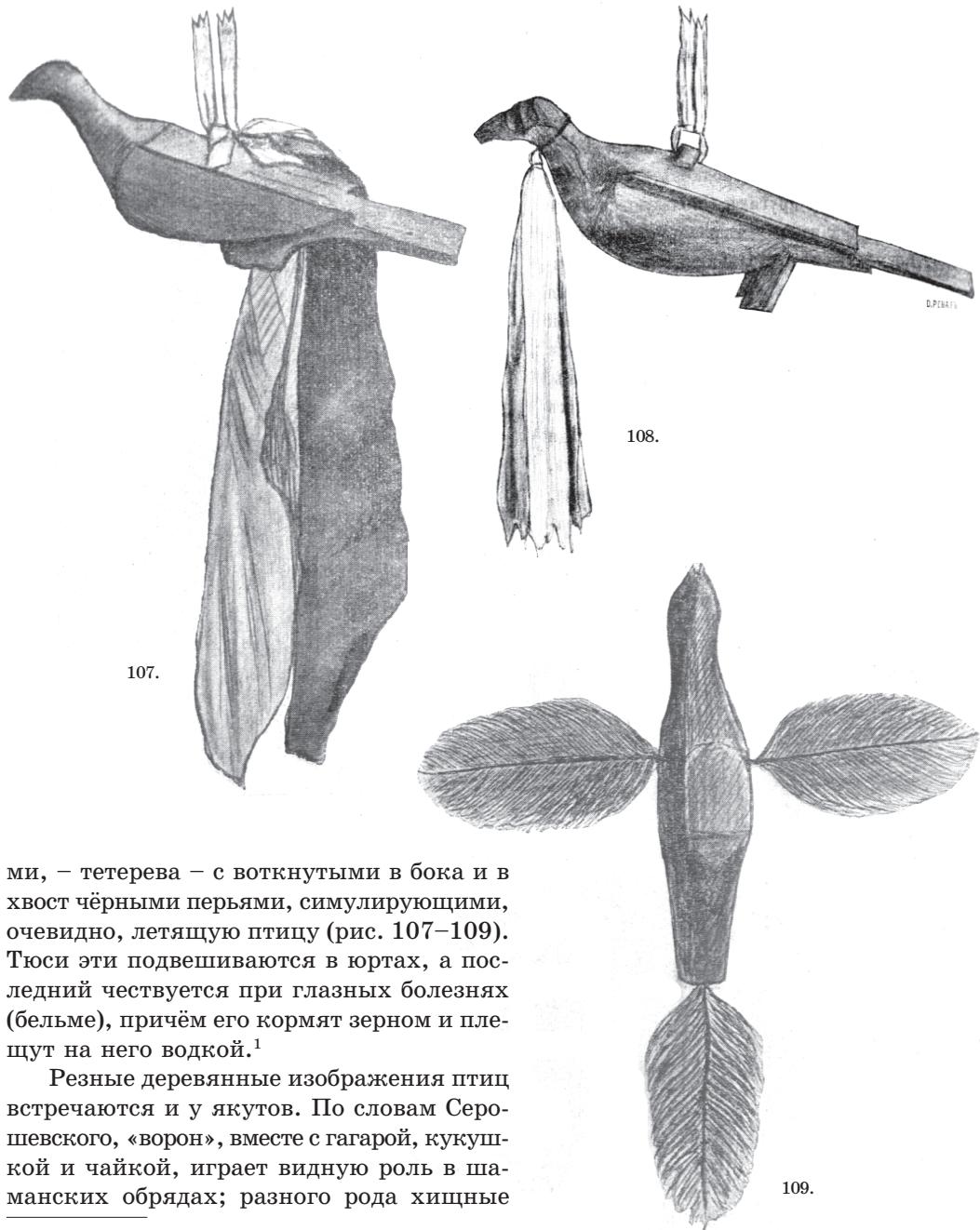
ней и т. д. Тюси эти состоят из птичьих перьев, палочек с лентами, шкурок, лоскутков материи с прицепленными к ним, вырезанными из листовой меди изображениями солнца, луны, человечков и пр., но некоторые, сшитые из сукна, ситца или резанные из дерева, изображают действительных или фантастичных животных, — коня, медведя, седмиглавого змея (с бусинками или коральчиками вместо глаз), рыб, а также и *птиц*.

Рис. 106. Головной убор того же шамана с изображением двухголовой птицы.

ниях шамана с небесными духами и загробным миром. У других якутских инородцев (гольдов) место птицы на шапке занимают металлические рога («тимо»), заменившие, по-видимому, настоящие оленьи рога, судя по тому, что на некоторых старинных изображениях шаманов (напр., в книге Витзена, в начале XVIII в.) можно видеть, что голову их украшают большие ветвистые рога оленей.

Изображения птиц в шаманском культе не ограничиваются одними металлическими привесками и украшениями шапки. Они встречаются и резанными из дерева, причём в разных местностях и у различных народов им придаётся своеобразное религиозное значение. Так, у минусинских инородцев, сойотов, кизильцев и других, пользуются ещё и теперь значительным распространением т. наз. «тюси», идолочки или религиозные символы, с которыми связывается благополучие дома, охрана от болезней и т. д. Тюси эти состоят из птичьих перьев, палочек с лентами, шкурок, лоскутков материи с прицепленными к ним, вырезанными из листовой меди изображениями солнца, луны, человечков и пр., но некоторые, сшитые из сукна, ситца или резанные из дерева, изображают действительных или фантастичных животных, — коня, медведя, седмиглавого змея (с бусинками или коральчиками вместо глаз), рыб, а также и *птиц*. В коллекции, полученной М. Антропологическим Музеем от Н. М. Мартынова из Минусинска, имеются деревянные (немногим менее натуральной величины), выкрашенные чёрной краской изображения ястреба (харпиг) — около четверти в длину, со сложенными крыльями и с привешенными к хвосту пятью ленточками, — кукушки, около 5 вершков длиной, с семью ленточками

ми, — тетерева — с воткнутыми в бока и в хвост чёрными перьями, симулирующими, очевидно, летящую птицу (рис. 107—109). Тюси эти подвешиваются в юртах, а последний чествуется при глазных болезнях (бельме), причём его кормят зерном и плащут на него водкой.¹

Резные деревянные изображения птиц встречаются и у якутов. По словам Серошевского, «ворон», вместе с гагарой, кукушкой и чайкой, играет видную роль в шаманских обрядах; разного рода хищные

¹ Чучелы (или просто убитые экземпляры) хищных птиц пользуются суеверным почитанием и у населения Финляндии, где их иногда прибивают на дворах, в конюшнях и т. д., «чтобы предохранить от всякого зла лошадей». Подобный же обычай известен, по De-Linas, и во Франции.

Рис. 107, рис. 108, рис. 109. Тюси минусинских инородцев. Деревянные священные изображения ястреба, кукушки и тетерева.

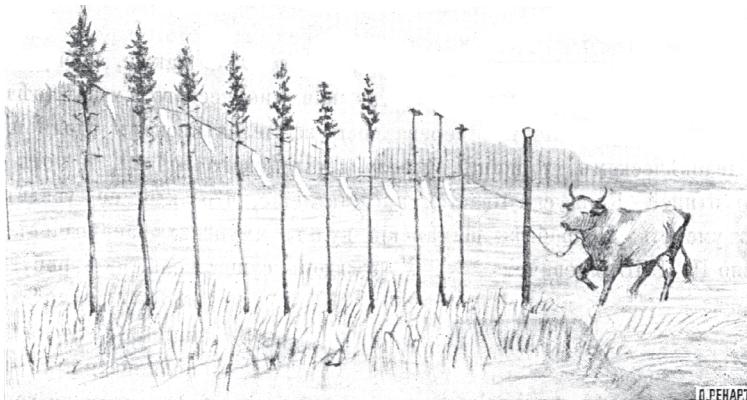

Рис. 110. «Проводы жертвенной скотины на небо» – у якутов, по Серошевскому.

ей птичкой (птичкой богородицы), белый журавль или стерх, наравне с лебедем, фигурирует в их преданиях как священная птица, как воплощение благого начала; пользуется почётом также гусь-гуменник, а чайки, особенно некоторые виды их считаются шаманскими птицами, и изображения их (также гагары, кукушки, тетерева) употребляются при шаманских жертвоприношениях. Любопытно, что при «проводах жертвенной скотины на небо», скотина эта (напр., корова) привязывается к столбу вышиной в сажень, переди которого, в ряд, ставятся три такой же длины шеста, с насаженными на них фигурами птиц (смотря по надобности – чайки, гагары, тетерева, куропатки, коршун, кукушки), а переди их, тоже одна за другой, девять зелёных ёлок, очищенных от коры на высоту сажени и более. Между ёлками и шестами натягивается тонкая волосяная верёвка, украшенная пучками белых конских волос; начинаясь от первой птицы, она подымается всё более и более вверх и изображает дорогу, по которой «вслед за птицами» должен лететь на небо шаман, гоня перед собой жертвенную скотину. Из трёх птиц (обращённых головами на юг) передняя представляет обыкновенно двухголовую чучелу (около $\frac{1}{2}$ аршина длиной) с распущенными крыльями (эксекю).¹ По другим сведениям, при таких шаманских жертвоприношениях употребляется до 8–10 изображений птиц, выточенных из дерева и величиной от голубя до воробья. Они насаживаются на палочки, воткнутые в просверленные дыры доски и располагаются в ряд, по порядку от самой большой, обязательно двуглавой (эксекю), до самой маленькой. Но чаще птицы просто вырезаются из доски и в этом случае они явственно имеют вид парящих. Российский двуглавый орёл тоже удостоился приобщения к предметам шаманского культа якутов, по-видимому, именно за свою двуглавость.²

Продолжение в следующем номере

¹ Серошевский. Якуты. I, стр. 645 след.

² Сведения, сообщённые мне г. Стефановичем.

птицы, а также из нехищных – куропатка и кулик, считаются волшебными птицами, но самым большим почётом пользуется большой орёл, тоен-кыл (господин-тварь), – небесная птица, эмблема высшего божества. К совам якуты питают суеверный страх, ласточку считают божьей

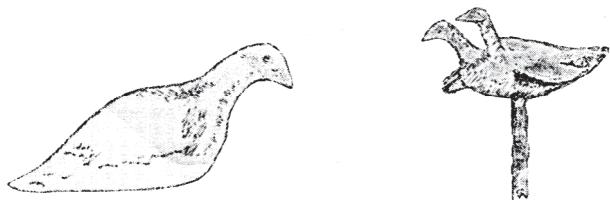

Рис. 111, рис. 112. Священные изображения гагары ($\frac{1}{8}$ nat. vel.) и двухголовой птицы эксекю ($\frac{1}{21}$ nat. vel.) у якутов. По Серошевскому.

КАРТИНЫ ДЛЯ БОГА или ПЕРМСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ ГЛАЗАМИ...

9 июня в г. Перми в рамках Международного Форума «Звериный стиль в коллекциях музеев» состоялся круглый стол на тему «Пермский звериный стиль в художественном и научном осмыслинении», который объединил научный мир, художников, коллекционеров, педагогов, бизнесменов.

Участники преследовали разные цели: кто-то хотел «приоткрыть тайную завесу информации», кто-то хотел поговорить о популяризации и актуализации этого культурного явления, для кого-то самым важным был вопрос как избежать домыслов и свободных трактовок вокруг пермского звериного стиля, как бороться с потоком псевдонаучной литературы, ну и, конечно, всем хотелось поразмышлять о том, какой же смысл несут в себе эти изображения, эти уникальные предметы.

Что из этого получилось – в предлагаемой расшифровке круглого стола.

- Как связать пермский звериный стиль и его научные и художественные трактовки. Рацио и духовное, душевное понимание этих образов?
- Ничему верить нельзя или необходимо всё воспринимать с очень большой осторожностью, потому что в последнее время появился огромный поток псевдонаучной литературы, который у неподготовленного человека может вызвать искажённое представление, понятие о пермском зверином стиле.
- Звериный стиль – один из полигонов, на котором мы можем выявить некоторые возможности интерпретаций вообще всех предметов, связанных с духовной жизнью.
- Искренне считаю, что Пермский звериный стиль – это уникальный бренд Пермского края.
- Образы, которые имели значение в древности – остаются, но со временем они наполняются новым смыслом. И так было всегда.
- Пермский звериный стиль – это бесконечно красавая тема для работы.

Игнатьева Оксана Валерьевна (Пермь), заведующая кафедрой культурологии Пермского государственного педагогического университета:

Мотивы Пермского звериного стиля в художественной практике стали использовать уже давно. Ещё Николай Константинович Рерих в 90-е годы XIX века, узнав и увидев воочию предметы звериного стиля, был настолько воодушевлён, что в течение двух десятилетий использовал в своём творчестве эти мотивы, причём не только как дизайнер, но и как художник: известны прекрасные скатер-

ти, сюжеты на мебели. К сожалению, это наследие утрачено, оно сохранилось только в эскизах. Для Рериха обращение к пермскому звериному стилю было выражением некой универсальной мифологии, сопоставимой, как он писал, с мифологией Китая, Монголии. Прошло больше ста лет, и очень интересно, что же в зверином стиле притягивает современных художников?

Шостина Наталия Анатольевна (Пермь), директор ПРОО «КАМВА», инициатор и руководитель Форума:

Мы очень глубоко размышляем о праве художника не только знать, но и видеть, чувствовать, транслировать информацию. Можем ли мы дать возможность свободной, интуитивно-чувственной интерпретации явлений, не опирающейся на научный базис.

Композиции пермского звериного стиля создавали не учёные, а художники – особые люди, и именно они наполняли их различными смыслами, которые до сих пор нас держат и остаются загадкой.

Микушев Павел (Сыктывкар), художник-этнофутурист:

Хочу сразу сказать, слушая доклады здесь на Форуме и до этого общаясь, сталкиваясь с учёной средой, я как художник всё-таки позволяю себе некоторую вольность в интерпретации. Вольность в том, что я пытаюсь, читая какие-то мифологические тексты, найти им аналогии в изображениях, например, того же звериного стиля. Я для себя даже проводил параллели между звериным стилем и традиционным орнаментом.

Талавира Елизавета (Санкт-Петербург–Пермь), художник, дизайнер:

Я добавила бы со стороны художников, что я, например, работая с пермским звериным стилем, не допускаю возможности перестилизовывать изображения. Некорректно стилизовать вещи, уже сделанные художником, главное – не уродо-

вать их, сохранить красоту. Художник на основе своего дара, труда, делает вещи и несёт культуру зрителю, неважно, делает он это интуитивно или на основе знаний. Главное – не нарушать красоту.

Федорова Наталья Викторовна (Салехард), археолог, заместитель директора по науке ямalo-ненецкого окружного музеино-выставочного комплекса:

Мы не ловим тот многоцветный мир, который окружал наших предков. Я, честно говоря, не понимаю здесь предмета разговора: учёный – художник. Это – отличие, так должно быть. Учёные просто обязаны популяризировать то, что они делают, каким угодно образом: через написание популярных работ, создание фильмов и т.п., иначе наши работы интересны ещё десятерым таким же, как мы, и всё. Именно поэтому я, например, ушла из Академического

Н. В. Федорова.

института в музей. У нас в музее прекрасные отношения с художниками – мы с ними вместе работаем. Конечно, территория нашего округа находится очень далеко и наше градообразующее предприятие – Правительство округа, но и у нас проводятся выставки и совместные с художниками мероприятия. Как, например, «Душа севера». У нас нет проблем с художниками: они нас с удовольствием слушают, а мы с ними с удовольствием работаем.

Панина Светлана Николаевна (Екатеринбург), археолог, заведующий отделом археологии Свердловского краеведческого музея:

Я тоже не вижу особой проблемы во взаимоотношении талантливых художников с исследователями, с научным миром. Но музей – это такое место, куда идут не только «сумасшедшие художники», но и просто «сумасшедшие», которые приносят с собой совершенно неудобоваримый китч, выдавая это за талантливые работы. Возникает вопрос: где критерий? Где необходимая грань вкуса? И как доказать бесталанному сумасшедшему, что он не художник – вот это очень серьёзный вопрос.

Непонятно зачем доказывать? (реплика из зала)

В любом изображении, в любой картине, прежде всего, важна смысловая нагрузка. Важен шифр, глубина восприятия и художественной трактовки.

Королькова Елена Фёдоровна (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, специалист по скифскому звериному стилю Государственного Эрмитажа:

Я тоже не вижу особого противопоставления. То, что мы видим на картинах художников из Сыктывкара – это замечательно, нам это очень нравится, мы это поддерживаем. Есть такой аспект, что не нужно путать Божий дар с яичницей. Современный художник есть современный художник. Вообще, меня всегда удивляло, что непростительно мало внимания вот этому древнему стилю: и пермскому, и скифо-сибирскому звериному стилю художники уделяют. С формальной точки зрения, на мой взгляд, уже найдены невероятно красивые решения, которые можно использовать в самых разнообразных вариантах, причём, не копируя их. То, что мы видим сейчас – это переосмысление, абсолютно без уродования этого стиля, это работа с прототипами. Абсолютно правомерно художнику использовать и даже сочетать несочетаемое. Он может быть вдохновлён любыми, самыми разными источниками из древности. Другое дело, что не нужно всякий раз пытаться вложить туда смысл древних, это неверно. Не стоит пытаться влезть в шкуру древнего человека. Этот стиль был совершенно необходимой, неотъемлемой частью их жизни, было понимание определённых моментов, которое, будем говорить прямо, было доступно только посвящённым. Это связано с сакральной сферой и т.д. Вот эта сакральная сфера сильно изменилась с тех пор: у нас другое мировоззрение, поэтому пытаться вложить в современные произведения тот самый древний смысл – это занятие, на мой взгляд, неблагодарное. То, что наши исторические корни вдохновляют современного художника – это прекрасно. В самом этом уже есть следование традиции, и пусть так оно и будет. Наука всегда готова предоставить всё, что возможно: и показать эти вещи, и рассказать

о них насколько это нам известно. Голая наука для обычного человека – это, конечно, скучно. Мы копаемся в мелочах, чтобы понять, реконструировать мировоззрение древних. Но совершенно невозможно и совершенно не нужно возрождать его полностью. Мы хотим это только понять. Поэтому не нужно накладывать друг на друга два эти совершенно разных явления. Пусть современное искусство развивается на своих корнях. Кроме того, художник – это человек, который творит на основе дара, космического вдохновения. Нужно прислушиваться к себе. Он видит прекрасно выполненные с эстетической точки зрения предметы древности, и прекрасно, что он использует их в своих произведениях, потому что это выражение его самого и нашего времени. И это прекрасно.

Шаблавина Екатерина (Санкт-Петербург), хранитель коллекции Пермского звериного стиля Государственного Эрмитажа:

Я отчасти соглашусь с тем, что сказали, но у меня есть и иная точка зрения. У науки есть свои задачи, которые мы решаем с точки зрения технологий, методологии. Заниматься семантикой достаточно тяжело. Если вопрос касается технологий – у нас есть факт, у нас есть точные следы, и мы можем определить, как эта вещь сделана. Мы – люди современного мира, и, разгадывая значения, мы никогда не сможем точно установить, что человек этим хотел сказать, хотя такие попытки, конечно, нужно делать. Я сама изготавливаю ювелирные украшения. Мне кажется естественным, что, когда художник создаёт какое-то своё произведение, он обращается к источникам, археологическим в частности. Мне кажется это интересным, что можно использовать образы древних и делать ювелирные украшения, одежду и т.п. Нельзя ограничивать художника. Он человек творческий, а творчество – это процесс. Художник в своих произведениях решает свои задачи, и, если с точки зрения выразительности какие-то образы древних людей помогают ему это сделать, – это хорошо. Так и возникают новые направления, новые виды. Художник всегда находится в поиске, пытается найти максимально интересные средства для своего выражения. Ставить вопрос: «а давайте сейчас расскажем, что зашифровано в этих образах» – нельзя. Этого сложно требовать даже от учёных, исследователей, которые, на самом деле, очень осторожны и всегда стараются быть максимально ответственными за то, что они говорят.

Меркушева Елена Николаевна (Пермь), заместитель директора Пермского краевого музея:

Мне кажется, всё, что мы говорим, на самом деле очень просто. Должно быть то, что мы в идеале своём выстраиваем как музейщики. Вот, например, выставка прекрасная, которая сделана на основе нашей коллекции. Закончится Форум, и все эти предметы уйдут в фондохранилище. Больше их на сегодняшний день никто, пожалуй, не увидит, кроме опять же исследователей, тех, кто придут к нам по специальным заявлениям и скажут «дайте посмотреть». Вот если бы была ситуация, когда мы весь пермский звериный стиль, все 500 бляшек выставили бы на всеобщее обозрение. На сегодняшний день мы этого не можем сделать – у нас элементарно нет площадей, чтобы всё это показывать. Я думаю, что тогда вопрос о научной стороне был бы снят. Кому наука – вот, пожалуйста, они без интерпретации все перед вами, вы их смотрите, изучаете, обращаетесь за консультациями –

вопросы сняты. Со мной, я думаю, согласятся все музейщики, что когда была бы возможность показать не 2 % с наших коллекций подлинных вещей, а все 100 %, то это было бы совершенно замечательной, пока идеалистической формой. Я за то, чтобы нас с вами слышали те, у кого совершенно иные возможности и ресурсы, чем у нас. Чем больше места и культурного пространства для разных людей: и для учёных и для художников, тем всем лучше.

Степанова Наталья Павловна (Пермь), экскурсовод:

Позвольте мне взглянуть на предмет нашего сегодняшнего обсуждения глазами потребителя: человека, который покупает изделия, который читает книги, ходит в музей, потому что это – мои туристы. Я уже эту мысль озвучивала и хочу повторить вновь: материальное воплощение предметов звериного стиля в музейных коллекциях, мне так хочется думать, всё-таки существует не для археологов. И те послания, если они там есть, направлены не только археологам. С моей точки зрения, упрёки в том, что «не так», «не то» и «неправильно» не очень корректны по отношению к тем людям, которые этим пользуются. С другой стороны, действительно абсолютный вакуум научно-популярного изложения сюжетов, истории он тоже существует. И мы уже в который раз друг к другу с этой темой обращаемся, но она зависает и никак не движется. Есть ли в Перми люди, которые готовы научно, а с другой стороны понятно человеку, который не обучался объяснять, донести информацию корректно. Я считаю, что звериный стиль – это такой вклад нашей пермской цивилизации в мировую художественную культуру и, конечно, есть образы, которые даже у меня, человека совершенно не склонного к мистике, вызывают опасения, как например, медведь в жертвенной позе. Назвать это «оберегом пермской чуди» – я бы не решилась так смело высказываться. Тем не менее, есть образы безусловно прекрасные, сложные, красивые. Но весить себе на грудь медведя в жертвенной позе как украшение я бы не стала.

Микушев:

Это ещё ничего, у нас он на гербе города! Если до революции в гербе медведь был изображён спящим в берлоге, то в новое время, у нас просто медведь в жертвенной позе на гербе столицы республики.

Талавира:

Как педагог заметила один образовательный момент: приезжие люди знают про пермский звериный стиль гораздо больше, чем местные. Необходимо организовать хорошую популяризацию.

(заявляется спор о популяризаторах)

Чурилов Эдуард Викторович (Пермь), заведующий отделом археологии Пермского краевого музея:

Написать популярную книгу гораздо сложнее, чем научный труд.

Шаблавина:

Я хотела сказать, что за круглым столом сложился такой образ учёного, слов-

но мы какие-то враги. Хотя на самом деле, как только возникает вопрос о художниках, популяризаторах, все они сразу же обращаются к учёным. Сейчас в современном мире на рынке появляется огромное количество подделок вещей; даже среди учёных существует много ошибочных мнений, и всё это попадает потом в учебники, отчего и возникает много ложных представлений о нашей истории. Если есть возможность восстановить какие-то более точные знания, мне кажется, это замечательно.

Реплика из зала (частный исследователь, коллекционер):

Я хотел бы ещё добавить о проблемах изучения бесписьменных культур, к которым относится пермский звериный стиль. Я считаю, что дешифровать эти пластины возможно, но для этого нужен стык нескольких культур. Например, нейропсихологи спокойно могут дешифровать личность автора по его рисунку, можно полностью воссоздать его модель мира. Это сродни тому, что говорила Наталия Шостина об интуитивном знании. Вытащить это подсознательное возможно, но нужна какая-то новая дисциплина на грани археологии и психологии. Попытки такие даже в Советском Союзе были, например, палеопсихология, палеосоциология.

Николаев Юрий Константинович (Пермь), историк, археолог, специалист по геральдике:

Посмотрите, какое огромное многообразие предметов, тем, образов Пермского звериного стиля: чего там только нет. И это всё ни что иное, как отображение того мира со всеми вытекающими отсюда интересами. Здесь всё представлено: и охота, и социальная сфера, и бытовая, материнство и многое другое вы увидите в этих бляхах. Понятно, что современные трактовки будут разниться, но уже один этот непростой, а главное, заинтересованный разговор, который сейчас происходит, свидетельствует о том, что всё это у нас есть на генетическом уровне. Мы с вами животные, представители животного мира, хоть мы и такие великолепные, нарядные. И то, что в нас заложено матушкой-природой, мы никаку от этого не уйдём при всей своей научности. Вот я сейчас, любуясь произведениями художника из Сыктывкара, в который раз в этом убеждаюсь. Вы знаете, наверное, не случайно к этой теме такой большой интерес, и он возрастает. И эта тема наполняет людей не равнодушных вообще к истории нашего края. Это живёт в каждом из нас. Здесь, в художественном творчестве, я считаю, вообще не может быть никакой рамки.

И по поводу трактовок тем. Лично я считаю, вызывая улыбки своих коллег, что это древнее письмо, это обращение к нам: прочитаете – поймёте нашу версию, не поймёте – жаль. Это письмо. Причём я считаю, что огромное многообразие тем –

Ю. К. Николаев и Е. Шаблавина.

лишний раз подтверждение того. Здесь зашифрован язык народа. Они знали этот язык, они на нём разговаривали. И, возможно, каждая бляха – это какое-то выражение, фраза, предложение или несколько предложений. Художник, возможно, и идёт этим путём: он понимает этот язык по-своему, язык общения с этими замечательными вещами.

Королькова:

Совершенно зря говорят, что учёные ничего не популяризируют: это не так. И книжки популярные мы пишем, и с художниками современными активно контактируем. В Эрмитаже уже несколько лет проходят опыты такого рода контактов.

Например, выставка Даши Намдакова. Я лично воспринимаю его как наследника культуры скифо-сибирского звериного стиля. Когда он приехал в Эрмитаж, половину вещей он увидел впервые. Но в своём творчестве он интуитивно и тонко их чувствовал. Главное – не подменять искусство вульгаризированными трактовками якобы древней мифологии, насаждая её в форме какой-то сакральности. Меня, кстати, ничуть не шокирует употребление в декоративном оформлении Перми образов и сюжетов пермского звериного стиля.

Чурилов:

Хотел бы немного добавить на тему прорывов художника в экспозицию. У нас тоже был замечательный опыт, когда мы делали в доме Мешкова экспозицию на тему символики Перми, замену этой символики какими-то более поздними христианскими смыслами, и параллельно с предметами мы выставили картины художника Коротаева, который то же самое показал в картинах, причём задолго до нашей выставки. Это воистину зависит от таланта художника. И самое главное: здесь мы подходим к тому, в чём обычно обвиняют нас – учёный мир. Чем обычно пользуется художник? Он ходит, смотрит, читает, добывает и консультируется. А если художник, да и любой другой человек, говорит: вы от нас всё прячете, нам ничего не показываете, возникает вопрос: а вы в музей ходили?

В основной экспозиции нашего музея всегда выставлено в пределах 100 изображений пермского звериного стиля. Раз в год-два проводятся специализированные выставки, мероприятия, посвящённые этому, вот сейчас здесь на форуме очень много выставлено. И всё равно, мы залезаем на сайты, посвящённые звериному стилю и читаем, что почему-то музей всё прячет. Никто ничего не прячет. А если уж говорить о стыке художественного и научного, наука, как я уже говорил, совсем особая отрасль знаний и производства знаний, а художественное осмысление есть художественное осмысление. Есть таланты и там, и там. Есть не таланты. Определять качество художественных образов – дело вкуса каждого, а в науке – это уже узко научный спор. Теперь о популяризации. Популяризация нам нужна. Я уже говорил, что мало книг научно-популярных, но написать такой труд гораздо сложнее, чем научный. Для этого требуются ум и талант. Таких людей очень мало – это единицы. У нас пока такие люди не появились, к сожалению. И я вас уверяю, когда вы начнёте читать научно-популярную книгу, то развёрнутой трактовки образов вы там тоже не найдёте, если это действительно научная книга. Вы найдёте там место, время, условия находки, когда, кто начал собирать и т.п. и самые общие выводы по семантике и сюжетам. Если кто-то

будет говорить, что он знает в подробностях про сюжеты, можно ему рассмеяться в лицо. Особенность – художественность – этой книги будет только в том, что она будет написана хорошим, доступным, живым языком. Те, кто хочет соединить художественное и научное – ходите в музей, переосмысливайте эти образы сами.

Вот мы видим эти потрясающие картины из Сыктывкара – и это действительно великолепное переосмысление этих образов. Но только не наполняйте их потом несуществующими знаниями и не выпускайте книжки типа «Цивилизации хранителей», где нам рассказывают о том, как это было и как это всё называется.

Игнатьева:

Можно сказать, что у нас сейчас свободное общество, свободное государство, и любой потребитель он голосует своими деньгами – если покупает такие книги, значит, что-то не так мы делаем. Хочется перевести в другую проблему: у нас уже так развернулся разговор, что художники вполне благополучно обходятся без науки, равно как и наука без художников. Но у нас есть ещё одно измерение, в котором пермский звериный стиль сейчас присутствует – это различные образовательные проекты, которые как раз занимаются популяризацией, это различные маркетинговые выражения музейной политики в виде образов, сувениров, в том числе позиционирование нашего края через эти образы. Может быть, мы к этой стороне сейчас обернёмся.

Рыбашов Андрей (Пермь), руководитель рекламно-производственной компании «Братья Рим»:

Я бы хотел задать всем присутствующим один вопрос: вот я смотрю на бляхи, они иногда вызывают у меня агрессивные впечатления, по крайней мере те, которые я видел, в тех книгах, в которых я видел. Изображения, которые прошли через мои руки, бляхи, которые представлены на выставке здесь – таких впечатлений не вызывают. Когда я вижу бляху с изображением семьи, есть ощущение какой-то гармонии, когда я смотрю на многофигурные изображения человека на ящере или бобре, я слабо понимаю эти образы, но у меня тоже создаётся впечатление гармоничного и счастливого человека: он никого не убивает, ни на кого не нападает, ни от кого не защищается. И мой вопрос: как вы считаете, то общество, те люди они были гармоничными сами по себе?

Федорова:

Вам же сказали, мы животные.

Лисовский Юрий (Сыктывкар), художник-этнофутурист:

Я работаю в журнале «Арт». У нас есть такие замечательные учёные как фольклорист Павел Фёдорович Лимеров и другие учёные, которые занимаются сбором остатков коми фольклора по деревням. Надо понимать, что этот народ жил много тысяч лет на этой земле: никуда не уходил. И вот звериный стиль – это произведения этого народа, большой финно-угорской общности, которые жили гармонично, это можно судить даже по бляхе, например, «семья»: человек не изображает врага, он изображает себя и семью, т.е. гармонию в семье – женщина, мужчина, ребёнок. Люди поклонялись гармоническим каким-то понятиям. До

сих пор сохранились традиции коми человека, когда, например, он заходит в лес и с ним здоровается, с ним разговаривает, а когда уходит, говорит «спасибо». Я думаю, это всё живо и звериный стиль имеет эти влияния. Но в археологии этого не написано. Это достаётся оттуда, изнутри. Мифология – это значит понять смысл всего, вообще всего, что было. Как я понимаю, пермские бляшки – это такие гармонические модули. Т.е. не могли люди бороться с нижним миром – он был третьей частью гармонии, или взять верхний мир, который пропитывает человека гармонией, светом. И без этого не может. Многие бляшки устремлены в переход в разные состояния. Это очень интересно. Наша мифологические тексты всегда указывают на эту взаимосвязь: человека, природы, гармонии, правильных поступков. Я думаю, лучший был бы альбом, если бы мифология соединилась с археологией. Единый такой альбом с остатками рассказов наших предков и археологии.

Ю. Лисовский и П. Микушев.

Микушев:

Однажды в дискуссии тоже, разглядывая все эти бляшки, все эти композиции многослойные, трёхъярусные, круговые, Юра говорит: «так это же картины для Бога», их надо сверху смотреть. Они сделаны не нам, смертным, а надо сверху на них поглядеть.

Буранов Григорий (Пермь), руководитель рекламно-политического агентства «Кучер», коллекционер:

Я начну с благодарности организаторам: я зашёл в первый день на одну лекцию и вот уже третий день не хожу на работу. Все лекции форума очень интересные, и выставка просто замечательная: с точки зрения материала, оформления, подачи, всего. Теперь о популяризации: сейчас здесь чётко разграничились два сообщества: это учёные с разными мнениями и художники. Я, на самом деле, по-видимому, представляю третье сообщество. Если говорить о популяризации, то, из всех сидящих за столом, я являюсь профессиональным популяризатором – промоутером. Я руководитель крупнейшего не только в Перми, но и на Урале рекламно-политического агентства «Кучер», у которого масса различных направлений работ, связанных с коммуникацией. Мы занимаемся популяризацией всего, всех и вся. Заявленная тема огромная, и здесь мы её не обсудим. Я просто хочу сказать, за круглым столом это не решается, это решается в рабочем порядке. Готов рассказать, что делать с популяризацией, как запустить этот процесс, что для этого нужно, откуда берутся деньги, готов работать, готов участвовать.

Вторая тема, которой хотелось бы коснуться, это тема пополнения коллек-

ции. На сегодняшний день, как я понимаю, музеи в минимуме – сколько денег дали, столько проводится раскопок. Иногда появляются какие-то дарители и т.д. Тем не менее, мы прекрасно знаем, ежегодно тысячи предметов находятся и вывозятся, и растворяются, и пропадают, они умирают, и никто из нас никогда эти предметы не найдёт; один отдельно взятый предмет ходит по рукам, потом оседает где-то в столе, в ящике и пропадает. Из трёх крупных пермских частных коллекций пермского звериного стиля, которые известны (наверное, есть ещё и другие), здесь я один как коллекционер присутствую. Остается только то, что в коллекциях, как бы нам больно это ни было, как бы мы ни возмущались незаконными раскопками, но они есть, и остановить мы их не можем. И всё, что сегодня выкапывается – уходит, остаётся только небольшая часть – в частных коллекциях. Может быть, это станет темой следующего обсуждения.

И третье: по поводу взаимодействия: я уже сказал, здесь присутствуют учёные, художники, промоутеры, частные коллекционеры – и мы готовы сотрудничать. Я вчера честно показал фотографии всей своей коллекции, и мне сказали, что там есть интересные вещи. У нас на сегодняшний день одна из лучших на Урале фотомастерских, и я готов сотрудничать с музеями, и не только я, а все, кто серьёзно этим занимается, открыты и готовы. Предлагаю на следующей встрече попробовать серьёзно поработать с частными коллекционерами.

Панина:

Уважаемые коллеги! Быть может, это неблагодарная роль, но я хочу всё с неба поставить на землю. Давайте вернёмся к одному из главных вопросов нашего круглого стола, который сегодня как-то не очень серьёзно звучит. Это – китч. Мы с вами носители российской культуры, нас с детства воспитали, что Пушкин – это наше всё. И, наверное, мы с вами никогда не будем мыться мылом, сделанным в виде бюста Пушкина, правильно? Я хочу сказать, что сейчас перед нами сидят совершенно потрясающие люди – художники, которые на самом деле взвалили себе на плечи огромную задачу. Вот если российская культура уже устоялась, а то, что они тащат на своих плечах – они вводят из научного оборота в общероссийский новые пластины мощной духовной культуры, и никто не может сказать, что она ниже, чем культура славянская или какая-то другая. Это мощная культура, и от них многое зависит, от нас в меньшей степени, сейчас объясню почему. От них зависит то, что мы будем делать с Кынской бляшкой – мыться ей, извините (как вот здесь продаётся мыло) или на неё смотреть как на произведение искусства. От нас зависит в меньшей степени, потому что к нам в музеи приходят и просят образцы, приходят люди с почётными дипломами. Мы им выдаём их, и мы не знаем конечного результата, что может получиться. Пришло НТВ, трое суток снимали фильм, потрясающий фильм про нашу Свердловскую область, но когда мы его увидели... Вот мы говорим «А», а за кадром говорят «Б». Мы говорим «древние литейщики», а они говорят, что «инопланетяне приехали, прилетели и научили». Я хочу сказать, что от нас в меньшей степени зависит, как поставить барьер, я не понимаю, но художник должен ощущать эту свою ответственность, осознавать её, давайте об этом подумаем.

Федорова:

Извините, Светлана Николаевна, Вы себе противоречите. Потому что, если мы говорим, что мы не можем заниматься популяризацией, а мы должны ей заниматься, иначе у нас будут инопланетяне, которые нас научили лить звериный стиль, инопланетяне, которые вообще создали нашу цивилизацию, будет Гипербorea. На Ямале яблони шумели, шумели, куда делись – непонятно, никаких следов не оставили. Пока мы не научимся писать хорошие популярные книги и хорошие популярные статьи, господа учёные, всё, что мы делаем, будет бессмысленно. Честное слово.

(ряд возражений)

Игнатьева:

То есть это не только ответственность художника, но и ответственность учёного: адекватно донести.

Федорова:

Очень странное у нас образование. Я не знаю, как здесь в Перми, но у нас в Салехарде очень странные отношения с образованием, в отличие от того, насколько хороши они с художниками. Вот я приехала в Салехард, читала лекции на факультете искусствоведения и культурологии. Пошла в наше училище искусства и культуры – у меня есть некоторый опыт, я хорошо знаю археологию, древнее искусство, можно я у вас лекции какие-нибудь почитаю бесплатно, мне никаких часов не надо. Семь лет прошло, так ничего и не получилось. Более того, я недавно совершенно случайно узнала, что у нас, оказывается, какие-то учебники пишет институт совершенствования учителей. Меня спросили: а к вам обращались? Нет, к нам в музей за консультацией никто не приходил точно. И ещё, Юра (обращаясь к Лисовскому), по поводу мифологии и публикаций: есть прекрасная публикация «Саровское культовое место», которую сделал Яков Яковлев, член союза писателей и археолог. Он очень хорошо пишет: там и мифы, и поэзия, и все эти фигурки. И ещё про частные коллекции. Хотим мы этого или не хотим, нам эту самую чёрную археологию, частное коллекционерство не закрыть. И оно везде, и в Перми, и у нас цветёт пышным цветом.

Шаблавина:

Если коллекционеры в своих коллекциях хотят иметь новоделы и фальшивики – пожалуйста, если им этого хочется.

Федорова:

Многие археологи и музейщики, мои коллеги, они занимают позицию абсолютно непримиримую: если ты частный коллекционер, то ты автоматически подозреваешься в совершении целого ряда уголовных преступлений и т.д. и т.д. Вот, или мы будем знать об этом массиве что-то и мы будем с ними общаться, мы будем каким-то образом их приобщать к тому, что мы делаем, или всё это будет уходить и растворяться, другого выбора у нас нет.

Пирьё Уйно Сувикки (Финляндия), главный куратор археологического отдела Музейного Ведомства Финляндии, адъюнкт-профессор, доктор наук:

Спасибо. Темп этой дискуссии очень быстрый, может быть, мне многое не понятно. Насколько я знаю, в Финляндии частных коллекционеров нет пока, закон это полностью запрещает. Наталия Шостина позавчера спросила меня, есть ли производство пермского звериного стиля в Финляндии. Оно не представлено широко, наших художников больше привлекают наскальные изображения, потому что они большей частью финские.

Мне кажется, что наши художники пока не нашли пермский звериный стиль, считая его угорским. Но наскальные рисунки – это очень популярная тема в искусстве и производстве украшений. Но, если кто-то хочет изготовить украшения определённого типа, ему нужно получить разрешение, но я не знаю точной цены этого. Работа с наскальными изображениями свободна и не требует специальных разрешений – ещё поэтому эта тема настолько популярна.

Игнатьева:

В Финляндии нашли такие цивилизованные формы показа древних вещей современными мастерами, которые предлагают продукцию на продажу для широкого потребителя, туристов.

Белавин Андрей Михайлович (Пермь), проректор по науке Пермского государственного педагогического университета:

Парадокс нашей страны, не только Пермского края, а в целом страны заключается в том, что у нас как странно относились к истории нашей страны, так и продолжают относиться. Безусловно, в Европе совсем другая политика в отношении к древности, и вот буквально один в один тому, что сейчас говорила Пирьё, недавно говорил наш гость из Венгрии. В Венгрии и большинстве европейских стран существует закон о недрах, который объявляет всё, что лежит в земле, собственностью государства – не только нефть, газ и алмазы, поэтому там естественно и

Е. Талавира, О. В. Игнатьева, А. М. Белавин.

Пирьё Уйно Сувикки.

не может быть никакого частного коллекционирования археологических предметов. Хотя в Венгрии есть два частных коллекционера археологических предметов. Они купили это право у государства, платят огромные деньги и не имеют права это продавать и даже показывать без разрешения государства, без разрешения госсекретаря по культуре. Более того, в той же Венгрии официально на уровне закона запрещены металлоискатели: для их покупки нужно иметь лицензию и, если ты не представляешь какое-то учреждение — его не купить. У нас в этом плане на всём постсоветском пространстве полная анархия. Поэтому на сегодняшний день мы имеем то, что имеем: ограбленные памятники, частные коллекции. И одно бы дело коллекции, мы имеем дело с огромным рынком, который наполнен предметами звериного стиля и всем остальным: парадоксально, но в продажу сейчас пошли даже древние палеолитические орудия труда. Безусловно, здесь надо наводить порядок, но я согласен с тем, что говорила Наталья Викторовна: мы порядок такой не наведём, археологи и музейные работники должны стараться как-то эти находки вводить в оборот, потому что иначе они просто погибнут, иначе их не будет никогда, и мы потеряем большой пласт вот этой вот древней культуры. И надо только приветствовать тех коллекционеров, которых сейчас всё больше и больше и у нас и на других территориях постсоветских, которые хотят свои коллекции легализовать и показывать их людям и пускать к ним учёных. Я думаю, если бы наши коллекционеры соединились в некое сообщество, хотя это вообще маловероятно, потому что они ещё большие индивидуалисты, чем художники. Но, тем не менее, можно было бы рассчитывать, что их коллекции станут доступны учёным тоже. И несколько слов о популяризации. Здесь как раз огромную роль должны играть не учёные, которые заняты достаточно узкими проблемами, а представители музеиного сообщества. Музей — это, прежде всего, просветительское учреждение.

Чурилов:

Музей — это научно-исследовательское учреждение, а уже потом популяризация.

Белавин:

Учёные должны помогать музейщикам в какой-то степени осмыслять то, что у них есть, а вот дальше специалисты в области музейной педагогики, имея в своих руках мощный педагогический инструмент, должны доносить всё это не только до детей, но и до взрослых. Я в этом глубоко убеждён. Ну а учёные вузовские — пытаться писать учебники для школы. А для того, чтобы это делать, надо иметь заказ регионального управления образования, что тоже практически мало где есть.

Степанова:

Андрей Михайлович, вот Вы же тоже член учёного совета в музее, Вы же понимаете, какую деятельность музей может осуществлять сейчас — которая обеспечена госзаказом. Заказа на научную деятельность нет в музее например.

Белавин:

Но я же в идеале говорю, я говорю об идеальной системе.

Рязанов Иван (Пермь), философ, преподаватель:

Уважаемая аудитория, позвольте привлечь Ваше внимание к обсуждаемой проблеме с несколько иной точки зрения. Вы можете соглашаться – не соглашаться, я попробую изложить некий взгляд. Условное название: пермский звери-

ный стиль с точки зрения научного исследования остаётся полностью неизвестным феноменом, абсолютно. Ситуация напоминает ту, которую обрисовал немецкий философ Эммануил Кант: «Природа человеческого ума такова, что она ставит вопросы по поводу того, что нас интересует, но в силу той же природы человеческого ума, ответить на этот вопрос мы не в состоянии». Это парадокс исторического сознания. А археология – часть истории. Где проблема зарыта? Встаю на точку зрения археолога: я сталкиваюсь с материальным явлением, но как извлечь нематериальный смысл из материального явления – вот проблема. Один предлагает семантический анализ, другой говорит – теория интерпретации нам поможет, герменевтика так называемая. Но где проблема-то, где собака зарыта? Начинаем спорить. Частные дискуссии внутри археологии. Но проблема лежит глубже. О чём идёт речь? Теория интерпретации формируется на Западе, и она создана немецким филосо-

И. Рязанов.

фом Хансом Гадемором в книге «Теория и метод», на русском языке она опубликована в 90-х гг. Историческое сообщество не вовлечено в теоретические методы, с помощью которых мы можем дешифровать некий смысл, вложенный в архаическое сознание. Точка зрения археолога. Точка зрения искусствоведа. С Домиником я общаюсь по этому поводу, поскольку его книга вот в 2010 году недавно вышла, он мне интересен с этой точки зрения. Я искусствовед. Я сталкиваюсь с проблемой. Но, с другой точки зрения, эволюция художественной системы. Какова природа художественного образа? И здесь археолог, конечно, меня не поймёт, он будет меня критиковать, потому что я открываю слой эмпирии, мне кажется, что я ухожу в некую сферу воображения. Здесь проблема разговора на разных языках. Другими словами, методы археологии как исторической науки не совпадают с методами искусствоведческого анализа. Вот проблема где заложена. Другая точка зрения. На неё вышел профессор Абашев в книге «Пермь как текст». Пермский звериный стиль обозначает совершенно два разных явления: один существует как историко-археологический, а другой как синкретический образ. Это то, что вы здесь называете нереальным, необъективным, несуществующим. С точки зрения философии, вот мне очень понравилась эта точка зрения о степени ответственности, речь идёт о мифологизации массового сознания. И здесь мы выходим на проблему соотношения современного сознания и архаического. Что

нам здесь поможет? Не мистика, а такая область как философия мифа. Не надо изобретать велосипед, все наработки уже есть. Надо только взять то, что уже создано. Но надо лишь сказать, что это вещи на Западе написанные. Можно не соглашаться с Фрейдом по поводу его понимания мифа, можно не соглашаться с Леви-Брюллем по поводу его понимания архаического сознания, можно не соглашаться с Клодом Леви-Стросом, но, в любом случае, стадия, вот когда этнография становится этнологией – это закономерная стадия, и стадия, когда археология от эмпирического уровня перейдёт к постэмпирическому, и здесь появятся методы заимствованные, эта стадия необходима, и общество это чувствует. И более того, оно предлагает свою форму, которую выражает в мифологической форме. А что такое феноменология мифа? Она выражена десятком концепций, которые дискутируют по поводу этого. Заключение делаю вот какое: научная братия, поймите простую вещь, определить смысл пермского звериного стиля – это значит две вещи: первое, это выявить, чем он отличается от другого, и подвести под более общее определение. Но это аксиомы. А что это такое? Это теория мифа. Вот пока вы не определитесь по первой части – теория мифа, ваша эмпирическая часть останется на уровне коллекций, каталогов, и пермский звериный стиль будет неизвестен. А вот общество будет смотреть на это, популяризировать в виде образов. Нравится вам это или не нравится, это будут мифы современного сознания, это стало виртуальным феноменом современной культуры. Наука и миф – равнозначные феномены, поэтому не надо говорить, что, с точки зрения науки, мы претендуем на последнюю истину. Господа музейщики, здесь многие вещи остаются *terra incognita* – хтоническими вещами, и они трогают наше массовое сознание, понимаете? Вот о чём идёт речь. Здесь надо очень аккуратно думать, какими инструментами мы будем пользоваться. Здесь многое неизвестного, как мне кажется, вот о чём идёт речь. И если историческая наука, археология, пока вот эту стадию болезненно не пройдёт, решающей точки поставить пока нельзя. «Правильная интерпретация», «неправильная интерпретация». Простите, а что означает «правильная интерпретация», что означает первоначальный смысл пермского звериного стиля? А кто его туда вложил? Кто шифровал? Я позволю себе ещё одну фразу, которая у меня в голове возникает: если научное суждение внутри себя не содержит принцип внутреннего опровержения, наука развиваться не будет, она превратится в догмат. Нет последней инстанции. Одно дело частные научные споры внутри археологии, а другое дело вот этот принцип развития. Это уже вызов времени, вызов цивилизации.

Чурилов:

Первое, откуда Вы знаете, какими методами и наработками мы пользуемся в исследовании пермского звериного стиля?

Рязанов:

Абсолютно не знаю.

Чурилов:

Тогда почему Вы декларируете, что мы совершенно не знакомы с работами философов, религиоведов, герменевтов и прочее. Кроме того, мы здесь всё время

лейтмотивом говорим, что о зверином стиле мы ничего конкретно сказать не можем, только общее, общее и общее. Кто сказал, что мы можем залезть в голову первобытного человека?! Извините, мы скелет разговорить не можем. Мы пользуемся работами и Леви-Брюлля и других учёных, а выводы мы пока публикуем очень аккуратно, потому что эта тематика никогда нормально ещё не разрабатывалась, это узко специальная тема. Это сейчас её популяризируют, к ней интерес.

Рязанов:

Я не залезаю в область археологии, поймите. Это не моя сфера. Моя задача в чём заключалась: вот представьте себе образ «пятнадцатый камень никогда не виден». Вот моя функция философа.

Чурилов:

То, что Вы сейчас сказали, это просто декларация с Вашей стороны. Зачем Вам это? Есть дилетанты, есть специалисты. Вам не интересна наша внутренняя работа.

Реплика из зала:

Встречный вопрос: а с чего Вы взяли, что нам неинтересно?

Рязанов:

Наука несвободна сама от мифов. У науки тоже есть своя собственная мифология. Потому, нельзя провести эту демаркацию, что относится к науке, а что не относится. Есть такое понятие как неклассическая наука, и мой тезис, если угодно, прост: археология пока осталась на уровне классической науки, но есть тенденции, связанные с её неклассическим состоянием. Это отрицать нельзя. Если она уже перешла в эту стадию, тогда должны быть работы. Нигде не стоит фраза «семантический анализ пермского звериного стиля». Семантика. Элементарно, есть область логики, и есть область семиотики. Проблема мифа в том, что это философия языка, его дешифровать надо, понимаете? А тут ещё вторгается этот постмодернизм, когда вместо языка дискурс.

Чурилов:

Вы не забывайте, что археология – это историческая наука.

Рязанов:

Археология культуры.

Чурилов:

Когда мы начинаем заниматься реконструкцией каких-то систем, мы вторгаемся в другую область. Это уже не историческое обобщение, а семантическое, да какое угодно. Почему археолог не может этим заниматься? Если он будет заниматься этим более качественно, чем чистый семантик, например, потому что он многие вещи заметит, которые другой человек просто не знает. Например, расположение предметов в слое – это и знак, и символика.

Игнатьева:

Давайте от вопроса «кто виноват» перейдём к вопросу «что делать», у меня такое предложение. Поскольку всем понятно, что наука искусство по-своему ви-дела, и будет видеть. Они разные. Но вот мы вышли на очень важную проблему, которая до конца осталась непредставленной. Это именно популяризация. Поскольку у нас все избегают слова «должен», давайте по-другому: кто может и как этим заниматься.

Рыбашов:

Вот мы делаем сувениры, панно с пермским звериным стилем, и первый вопрос, который задают нам руководители больших организаций, заводов прежде, чем взять в руки, «а что это»? Мы столкнулись с основной проблемой в самом начале: как мне объяснить покупателю значение этих вещей. Многие люди вообще не знают этой темы, абсолютно, они медведя видят первый раз.

Белавин:

Пройдёт ещё 10 лет, и такой вопрос будут задавать по поводу бюста Ленина.

Федорова:

Можно я отвечу на Ваш вопрос? Когда вы делаете сувениры на подобные темы, к ним должен прилагаться сертификат, в котором должно быть написано: «изображение медведя в так называемой «ритуальной позе», серебро, из фондов такого-то музея, означает то-то, всё. Вручается подарок, особенно вип-персоне, которая, чаше всего, девственна.

Попов Андрей, рекламно-производственная компания КМС:

Иногда бывает достаточно просто фразы «Знаменитый пермский звериный стиль – уникальное явление культуры».

Рыбашов:

Если это обычатель простой, то так можно отделаться, если это руководитель – нет.

Талавира:

Здесь мне хотелось бы всё-таки продолжить тему, связанную с обучением. Вот у нас в Петербурге раньше был замечательный опыт, когда в корпусе Бенуа в русском музее читались безумно дешёвые лекции – я сама как студентка бегала на них постоянно. Это были регулярные, постоянные циклы лекций на разные темы. Это осталось и сейчас, здесь такого нет. Только не спрашивайте меня, к кому я обращаюсь, я ввиду собственной дремучести не могу популяризировать пермский звериный стиль, кроме как только рисовать его достаточно, с моей точки зрения, гармонично. Но у нас есть серьёзные пробелы в самой системе художественного образования. В учебных заведениях зачастую дают совершенно нелепую историю искусств. Звериный стиль, естественно, не входит никаким краем в программу даже на местном уровне. Я много лет веду семинары и мастер-классы с педагогами края, и учителя спрашивают, а что такое пермский звериный

стиль. Давайте учить педагогов, которые будут учить детей. А ещё, здесь говорили, что пермский звериный стиль – очень знаковое явление, что это письма нам. Так эти письма тоже надо учить читать. Если у нас 90 % студентов-художников думают, что свастика – это фашистский знак... Нужно образовывать с точки зрения семантики, символики.

Игнатьева:

Вот только что мы сдали Министерству культуры программу художественного развития Пермского края. Она год лежала, но это не факт, что и сейчас будут выделены средства, которые пойдут на учебники, потому что два наших министерства: министерство культуры и министерство образования между собой не общаются.

Тренина Нина Спиридоновна (Пермь), дизайнер одежды, педагог:

Я педагог дополнительного образования и где-то лет пять назад Пермская художественная галерея и Третьяковская галерея поставили задачу, если можно так сказать, детям Пермского края показать звериный стиль, выразить то, как они его понимают. Перед нами стояла, конечно, сложная задача, как я сейчас понимаю, намного сложнее, чем нам тогда казалось, и мы решили, поскольку тогда было популярно заниматься шерстью, войлоком, сделать эти фигурки, бляхи в виде вещей в технике войлока. Наши работы возили в Третьяковскую галерею, и там они выставлялись. Дети познакомились со звериным стилем, мы рассматривали книги, ходили в краеведческий музей, рисовали. Сейчас, слушая всё, что здесь говорится, я поняла, что очень осторожно нужно относиться к этой теме, более глубоко в ней входить и советоваться, консультироваться, конечно, со специалистами.

Шаблавина:

Тема образования может, действительно, стать неким выводом и решением круглого стола. Я хочу сказать, что у нас в Эрмитаже есть и специальные экскурсии, и тематические лекции, и абонементы, есть Эрмитажный Университет. И у нас есть ещё один проект, который мы недавно осуществили: мы создали при Эрмитаже такой класс для слепых, слабовидящих детей, который называется «прошлое на кончиках пальцев». У нас есть трёхгодичный курс, чтобы дети занимались изучением истории от палеолита до раннего средневековья. Для этого проекта были изготовлены песочницы, в которые мы закапывали копии вещей эрмитажных. Дети приходят, раскапывают их, и это доставляет им массу радости, потом мы проводим с ними занятия. Но есть такая проблема, что может быть нет хорошей рекламы всего этого. Многие даже не знают, что у нас есть фондохранилище в Старой Деревне. Всё-таки нужно давать не только рекламу того, что есть такие-то шампуни, но что существуют и подобные проекты.

Королькова:

У нас действительно есть масса разработанных программ, рассчитанных на разный возраст, начиная от школьников младших классов до взрослой публики. Есть даже циклы, рассчитанные на несколько лет: и лекционные, и экскурсионные, и студенческие курсы, посещая которые можно получить даже знания более

глубокие, чем может предложить наш государственный университет. Это всё на очень высоком уровне и очень серьёзно сделано. Это пользуется огромной популярностью, но среди определённого типа людей, потому что, действительно, есть люди, которые всю жизнь живя в Петербурге, спрашивают, а где находится Эрмитаж или Русский музей. Отчасти это вопрос образования в целом, но это не находится в нашей компетенции, это государственная политика. Раньше оно было более продвинутым, сейчас, к сожалению, скатывается вниз.

Николаев:

Реплика. В ЕГЭ, вы знаете, нет истории. Так что, у нас нет истории. Значит, о чём мы говорим?

Хмелькова Светлана (Пермь), художник, педагог:

Я практик, я работаю с детьми младшего школьного возраста. И хорошо знаю, когда задают вопрос: «а что это такое?», «что изображено?». Очень интересные у детей фантазии возникают на тему, например, существ с лосиными головами. Может быть, не ожидая государственного заказа, не ожидая финансирования всё-таки начинать внедрять эти вещи в образование в обязательном порядке. Не надо детям объяснять, что это такое в той степени, которая нас волнует, и до которой мы хотим докопаться. Достаточно начинать с эстетики, с восприятия, с описания того, что ребёнок перед собой видит. Мне кажется, в этом плане всё очень просто: если эти образы, эти изображения будут сопутствовать, будут постоянно идти с ребёнком как детские стихи, это станет естественным в его среде понимания хотя бы для внешнего узнавания. Если в дошкольном и младшем школьном возрасте ребёнком не переживаются подобные ощущения, всё остальное будет в меньшей степени эффективно. Поскольку масса родителей, с которыми мы сталкиваемся, просто обычные люди, они совершенно не знают, что такое пермский звериный стиль. Мне безумно нравится звериный стиль. Я была в него влюблена, не понимая вообще, что там изображено. Сама эстетика линий, выражений, сама пластика, о которой можно говорить с детьми вместе с их руками, и даже ничего не надо объяснять ни про Богов, ни про трёхчастный мир, это всё будет постепенно. У нас больше про обвинскую роспись и греческую культуру знают, чем про пермский звериный стиль. Надо это делать для детей, надо это делать сейчас и описывать полученный опыт, публикуя популярные издания для более старшего возраста.

Панина:

Я тоже практик. Кроме того, что я работаю в музее, я педагог дополнительного образования высшей категории, я много лет работаю с детьми. В данной ситуации, может быть, даже не надо идти сверху: мы им сделаем программу, чтобы они обучались. Дети до 12 лет читают все символы бесподобно, особенно наскальные рисунки. И, когда ведёшь какую-то экскурсию, я просто задаю вопросы, а они всё видят сами и рассказывают. Надо больше опираться на их генетическую память. Это вообще великолепно. И тут не надо каких-то сильно больших разработок по поводу того, чему мы их можем научить, надо просто их слушать именно на таком подъёме, когда они рассказывают.

Шостина:

Судя по всему, популяризация – это следующий виток, на который мы должны выйти. Если мы говорим о трансляции качественных знаний, форм представления и той информации, которую кто-то будет воспринимать на уровне букв, а кто-то на уровне интуиции, генетической памяти и ещё дополнительных резервов, которые даже нами не активизированы. И если мы говорим про XXI век, то надо учитывать то информационное поле, в котором мы находимся, и энергетику, и электрическое сознание детей индиго, которые на сегодняшний момент понимают гораздо больше, чем некоторые столпы науки, они это чувствуют.

Мы стараемся, чтобы та информация, которая звучала на Форуме, те современные научно-популярные знания о культурной археологии стали доступными для широкой аудитории.

Игнатьева:

Хочется прибегнуть ещё раз к высшему миру и предложить сделать Форум ежегодным и в рамках него проводить круглые столы на разные темы, в том числе и по обмену образовательным и художественным опытом. Площадка уже создана.

Спасибо всем участникам круглого стола.

Публикацию подготовила Светлана Шаврина (г. Пермь).

Арт-факт

Оксана Игнатьева

Игнатьева Оксана Валерьевна. Заведующая кафедрой культурологии Пермского государственного педагогического университета, доцент, кандидат исторических наук.

В 2005 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «История собирания и изучения археологических коллекций пермского звериного стиля».

В настоящее время занимается не только проблемами изучения пермского звериного стиля, но и региональной культуры Пермского края, а также историей коллекционирования.

Автор более 50 научных работ, включая три монографии.

Пермский звериный стиль в коллекциях музеев

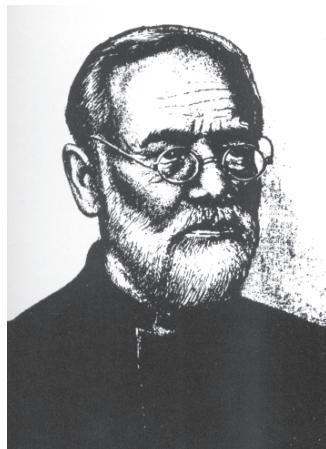
«Этот стиль совершенно необычен и, пожалуй, не знает себе подобного нигде в мире. Правда, и возник он в очень своеобразной стране, сочетавшей тонкую роскошь сасанидского серебра с первобытной грубостью диких охотников».

А. А. Спицын

Эта яркая характеристика дана известным русским археологом пермскому звериному стилю, искусству, с которым А. А. Спицын был хорошо знаком, поскольку именно ему суждено было стать первым историком коллекций культового литья Урала и Сибири.

Пермский звериный стиль – это средневековые металлические изображения, которые использовались в обрядовых действиях, поэтому вполне уместно называть их культовыми предметами. С этим интересным и ярким феноменом можно познакомиться, не только побывав в музеях Пермского края, но также собрания пермского звериного стиля имеются в Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее, Национальном музее Финляндии. Откуда берут своё начало эти коллекции? Как они оказались в разных городах нашей страны и за рубежом? Кем были первые собиратели пермского звериного стиля. Обо всём этом и пойдёт речь в этой статье.

История собирания культового литья неразрывно связана с возникновением интереса к коллекционированию предметов древности, в русском обществе подоб-

Спицын Александр Андреевич
(1858–1931 гг.).

ный интерес возникает во многом под влиянием европейской культуры и своего рода моды. В странах Европы коллекционирование появилось в период Возрождения, прежде всего, собирались античные древности, а с XVII–XVIII вв. частное коллекционирование становится достаточно распространённым явлением, появляются научные и художественные собрания. В России частное коллекционирование начинает развиваться с XVIII века, редко приобретая в этот период осознанное отношение и научный интерес. Так, один из первых историков частного собирательства в России, Е. П. Карнович, в «Замечательных богатствах частных лиц в России...» (1874) отмечал, что при Екатерине II «Дома русской богатой знати, не понимавшей ничего не только в классической, но и в родной древности, а также не знавшей толку в художественных произведениях, наполнялись редкостными коллекци-

ями мраморов, антиков, «болванчиков» и картин. Доходило даже до того, что выгодно продавались обломки камня, на котором якобы спал Дмитрий Донской после Куликовского побоища».

В начале XIX в. отношение к коллекционированию меняется, появляется интерес к отечественным древностям, появляются идеи о создании национального музея. Именно в это время появляются частные собрания пермского звериного стиля.

Первым собирателем пермских древностей стал управляющий пермскими имениями Строгановых Василий Алексеевич Волегов. К сожалению, коллекция Волегова не сохранилась до наших дней, но благодаря П. И. Мельникову осталось небольшое описание этого собрания, находившегося в селе Ильинском. В последствии, после смерти В. А. Волегова, часть его коллекции была приобретена известным финским археологом, основателем финно-угорского направления, Й. Р. Аспелиным. В 1877 г. Аспелин издаёт Атлас финно-угорских древностей, это одна из первых публикаций, где встречаются предметы пермского звериного стиля, в том числе и из собрания В. А. Волегова. Коллекция, собранная Й. Р. Аспелиным, находится сейчас в фондах Национального музея Финляндии. Периодически финские учёные обращаются к теме звериного стиля.

Другая часть коллекции Волегова была приобретена Александром Ефимовичем Теплоуховым, главным лесничим и управляющим пермских имений Строгановых. О личности А. Е. Теплоухова можно многое сказать, сам факт, что крепостной мальчик из далёкого с. Ильинского сможет не только получить образование в России, но и закончить лесохозяйственную академию в Германии, получит впоследствии характеристику как «патриарх русского лесоводства», говорит о многом. Включившись первоначально в собирательскую деятельность в связи с просьбой Строганова, которого он едва не боготворил, А. Е. Теплоухов очень быстро увлёкся и археологией, и коллекционированием. Именно эта деятельность станет для него настоящей страстью, в которой видно всё: и боязнь потерять коллекцию, что приводило к публикации научных работ первоначально не в

Слева направо: Теплоухов Александр Ефимович (1811–1885 гг.). Теплоухов Фёдор Александрович (1845–1905 гг.).

степени сможет её пополнять и изучать. Таким человеком стал Ф. А. Теплоухов, он имел непосредственное отношение к возникновению пермского музея в 1890 г., консультировал работников музея, в том числе и у себя, в селе Ильинском, читал публичные лекции с целью просвещения местных жителей. Об изменении отношения местного населения к предметам древности под влиянием просветительской деятельности музея говорит сам Ф. А. Теплоухов: «Ещё недалеко то время, когда в нашей губернии, как и в других местностях, большинство публики смотрело на различные предметы доисторической культуры исключительно как на курьёзные вещи и, если они не представляли ценности по своему материалу, то не придавало им никакого значения. Поэтому не только простые земледельцы – крестьяне, в руки которых чаще попадают различные древности, но и лица, принадлежащие к более образованным классам, не только не принимали мер к сохранению найденных предметов, но нередко прямо содействовали их уничтожению... благодаря усилившемуся, в последние годы, интересу к изучению древностей вообще, не только более интеллигентные слои публики, но и масса земледельцев стала смотреть на свои находки другим образом. Благодаря этому, крестьянин, нашедший при обработке своего поля литого идола, шумящую привеску или красивые бусы, уже не отдаёт их детям в качестве игрушек, а приобретающие подобные вещи лица из более интеллигентных классов, если не собирают коллекции для себя, то всё чаще дарят их в один из местных музеев».

К собранию Теплоуховых обращались многие известные русские археологи, А. А. Спицын в письме Ф. А. Теплоухову писал: «Ваша коллекция – двери, ведущие к пониманию древностей огромного района». Коллекция предметов пермского звериного стиля семьи Теплоуховых насчитывала более 55 предметов, все они поступили в Пермский областной краеведческий музей, составив тем самым ядро современного собрания культового литья данного музея.

Знаменитое собрание пермских древностей С. Г. Строганова в 1925 году поступило в Государственный Эрмитаж, где и хранится до сих пор. В предметах пермского звериного стиля С. Г. Строганов видел отражение мифологических образов, связывал их с загадочной страной Биармией. Легендарную Биармию многие

России, а в Европе, и постоянное любование предметом увлечения. Но вместе с тем, именно А. Е. Теплоухов стал первым собирать информацию в путешествии по Европе о том, как хранить, систематизировать археологические предметы, в конце концов, он сможет увлечь своим интересом к археологии и своих детей. Поэтому неудивительно, что в семье было решено передавать коллекцию по наследству тому, кто в наибольшей степени сможет её пополнять и изучать.

в XIX веке искали именно в Прикамье, первые археологические раскопки В. Берха должны были подтвердить её местонахождение. «Мечтая о магазейнах персиян и индейцев», Берх искал развалины городов, «но не находя ничего сему подобного, решил искать древности в земле». Достаточно частые находки восточного серебра позволяли «поддерживать» легенду о Биармии, С. Г. Строганов был увлечён этим интересом, отмечая в письмах к своим управляющим, что хотя предметыpermского звериного стиля не выполнены из драгоценных металлов, но они важны для науки как свидетельства мифологических сюжетов и образов. Одним из самых ярких предметов permского звериного стиля из коллекции Строганова является так называемый «ильинский медведь», которому посвятила свою статью хранитель Государственного Эрмитажа Е. И. Оятева.

Большое собрание предметов permского звериного стиля находится в Чердынском музее. Сами археологические богатства Чердынского края привели в конце XIX в. местную интеллигенцию к мысли о необходимости создания научного общества и музея при нём. Так и возникает Общество любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края, которое получило право ведения археологических раскопок, находки передавались в созданный музей. Фонды музея пополнялись и благодаря пожертвованиям, так несколько предметов permского звериного стиля были переданы лесничим М. Н. Зеликманом. Но большая часть находок культового литья окажется в Чердынском музее в тот период, когда им руководил И. А. Лунегов. В 1929 году в музей будет передан Редикорский клад, состоящий из 34 предметов permского звериного стиля. Таких кладов permского звериного стиля немного, но они вызывают особый интерес исследователей. Часть из них связывает эти клады с бывшими святилищами, существует точка зрения и о специальном «захоронении» предметов permского звериного стиля в некоем сакральном центре.

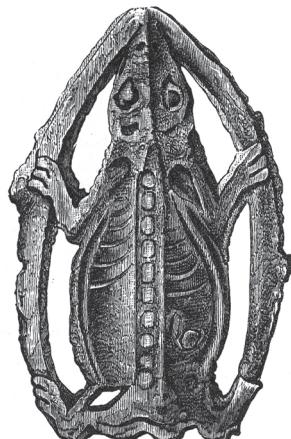
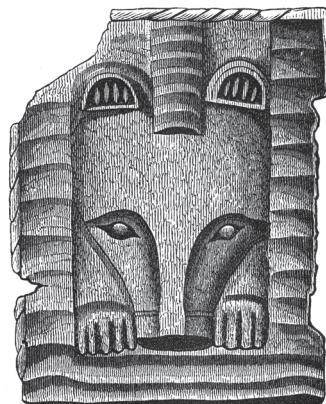
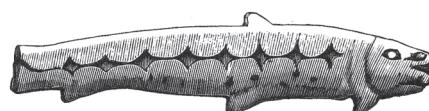
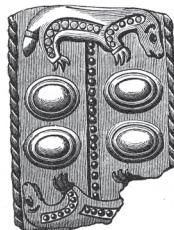
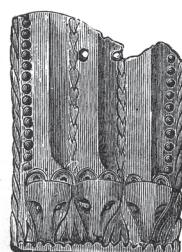
Более 70 предметов permского звериного стиля находятся на данный момент в собрании Чердынского краеведческого музея. Не всегда найденные предметы сразу попадали в музейное собрание, так, например, в 1904 г. Е. Ф. Наумовой у д. Омелино была найдена бляха, которую местные жители называли «ячменным богом», в Чердынский музей её передали только в 1950 г.

Собрания permского звериного стиля Государственного Эрмитажа и Государственного исторического музея возникают благодаря деятельности Императорской археологической комиссии, созданной в 1859 году, в обязанности которой вменялось собирать, сохранять и изучать древности.

Главным источником пополнения коллекций permского звериного стиля для Императорской археологической комиссии были не проводимые археологические изыскания, а передача кладов, находимых на территории Пермской губернии. В книге для внесения кладов и коллекций древностей, отражена и история пополнения предметов permского звериного стиля. За большую часть находок Императорская археологическая комиссия выплачивала вознаграждение, что привело к тому, что местное крестьянство видело в находке лишь возможность заработать деньги для поправки своего хозяйства. Кладоискательство из случайного занятия отдельных крестьян стало в летнее время своеобразным ремеслом для многих сотен крестьян в губерниях. Таким образом, появлялись и новые находки permского звериного стиля, которые, в свою очередь, попадали в Императорскую археологическую комиссию, а затем в музеи.

Rauta-aika. — L'âge du fer.

Permalaisia Muinaiskaluja. — Antiquités Permiennes.

568. Werch-Oschibsk, Wesym, St. P. $\frac{4}{1}$, B.570. Perm. St. P. $\frac{1}{1}$, B.569. Perm, Kynovsk. St. P. $\frac{1}{1}$, B.571. Perm. St. P. $\frac{1}{1}$, B.572. Perm, Garevaja. St. P. $\frac{2}{3}$, B.573. Perm. St. P. $\frac{1}{3}$, B.574. Malyi Tui, Sorodjata. St. P. $\frac{1}{1}$, B.

Предметы пермского звериного стиля могли быть принесены и в дар Императорской археологической комиссии, как это было с небольшой археологической коллекцией студента Гавриленко из Кунгурского уезда. В состав этого дара входили три «чудских образка», представляющих собой птицевидное изображение с лицом человека на груди и ящером внизу, и два сложных изображения трёх антропоморфных фигур, найденных у городища Морозовского.

Одна из самых многочисленных коллекций пермского звериного стиля, сложившаяся благодаря деятельности Императорской археологической комиссии, находится в Государственном Эрмитаже. Она включает в себя более 130 предметов культового литья Прикамья.

В 1897 г. в Эрмитаж было передано 11 предметов пермского звериного стиля, найденных в ходе проведения раскопок у камня «Светик» С. И. Сергеевым. Всего на жертвенном месте у камня «Светик» было найдено 22 предмета пермского звериного стиля, известный исследователь пермского звериного стиля Ф. А. Теплоухов в своё время подразделил их на три группы в соответствии со своей классификацией:

1. Идолы с драконами и ящером с одной человеческой фигурой – 8 экземпляров, с двумя – 1, с тремя – 2.
2. Отдельные изображения драконовидных существ – 3 экземпляра, ящера – 4 экземпляра.
3. Изображения животных, не имеющих фантастического характера – 4 экземпляра.

Особое внимание автора привлекла одна из найденных С. И. Сергеевым культовых пластин, где изображены две человеческие фигуры и ящер, постоянный атрибут подобных изображений, «обращённый головой влево, между тем как ему дано во всех прочих случаях противоположное направление».

В это же время поступили в Эрмитаж 12 находок пермского звериного стиля из сборов урядника А. Н. Береженцева по различным населённым пунктам Чердынского уезда: близ деревень Амбор, Аниковской, Мелехино, Редикор, с реки Колвы, а также с камня «Светик». Береженцев покупал у местных крестьян находки древностей, и об этой деятельности узнала Императорская археологическая комиссия. По требованию комиссии Береженцев передал свою коллекцию, получив за неё вознаграждение. В состав коллекции А. Н. Береженцева, переданной в Эрмитаж, входит 7 антропоморфных изображений, 2 – птицевидных и 3 изображения ящера.

«Кунгурский» клад, состоящий из 34 предметов пермского звериного стиля, до сих пор остаётся одним из самых ценных поступлений, он был найден крестьянином А. Д. Флоровым в Усть-Кишерти в 1900 г. и передан Императорской археологической комиссией в Эрмитаж.

Также в собрание Эрмитажа поступил клад, состоящий из 42 предметов пермского звериного стиля и пополнивший коллекцию Эрмитажа в 1900 г., он был найден у деревни Пешкова и приобретён Н. Н. Новокрещеных. Описывая обстоятельства находки, Новокрещеных отмечает, что «речка Кондас постоянно подмывает гору, на которой расположена деревня, и вымывает разные изображения животных, так называемых дивовищ, и вообще вещей, признаваемых за чудских идолов. Всё это тонкие плоские вещицы, литые в виде кружков или прямоуголь-

ников с закруглёнными углами и т.п. Изображения людей с крыльями, хвостами нередки и вот подобные вещи, найденные весной на спаде воды, ломались, уничтожались или швырялись в воду как нечто очень нечистое, дьявольское, а если оставлялись, то изображения медведей или животных, но не чертей, как их называли крестьяне».

Коллекция пермского звериного стиля Государственного исторического музея была сформирована в дореволюционное время при непосредственном участии Императорской археологической комиссии. Командированный в 1894 г. для археологических изысканий в Чердынский уезд А. А. Спицын, приобрёл около 26 предметов пермского звериного стиля, все они были переданы в дар музею в 1897 г. Таким же образом были получены предметы культового литья из раскопок С. И. Сергеева в 1895 г. на территории Чердынского уезда. Часть предметов пермского звериного стиля, найденных в ходе раскопок Н. Л. Гондатти в Чердынском уезде, были подарены музею Московским археологическим обществом.

Кроме того, в Государственном историческом музее находится клад культового литья, в своё время приобретённый известным меценатом и коллекционером П. И. Щукиным. С коллекцией П. И. Щукина был хорошо знаком Н. К. Рерих, художник обращался к пермским древностям в 1890–1910-х гг., используя «чудесные» мотивы в создании проектов мебели, а также декораций.

В Государственном историческом музее хранится более 60 предметов пермского звериного стиля, часть из них экспонировалась не только в самом музее, но и в музеях других стран, например, в Венгрии и Индии.

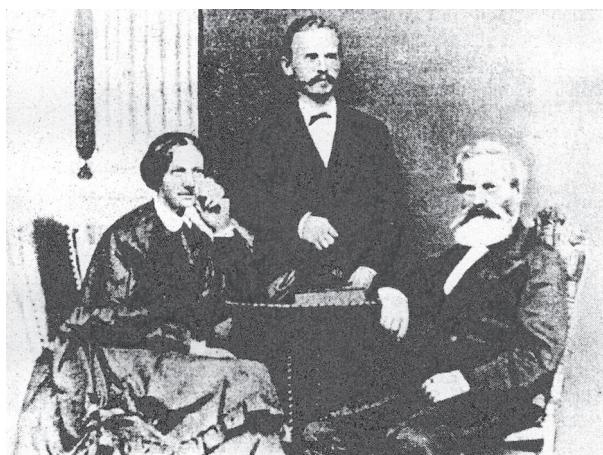
Большая часть предметов пермского звериного стиля была найдена случайно, оказываясь в дореволюционный период в руках частных коллекционеров или научных обществ и учреждений, а затем и в музеях. Но есть музеи, где пермский звериный стиль оказался благодаря проводимым археологическим раскопкам. Отдельные предметы пермского звериного стиля имеются в коллекции музея археологии и этнографии Прикамья Пермского государственного педагогического университета, они были найдены в ходе археологических раскопок, проводимых Камской археолого-этнографической экспедицией.

В коллекцию Березниковского историко-художественного музея им. И. Ф. Коновалова были переданы семь предметов пермского звериного стиля, также найденных в ходе археологических раскопок на селище Володин Камень I в 1983 и 1988 гг.

Имеется небольшая коллекция пермского звериного стиля в Коми-Пермяцком окружном краеведческом музее им. П. И. Субботина-Пермяка, состоит она из 9 предметов, найденных и приобретённых в разных местностях округа в течение 1927–1987 гг. К сожалению, предметы пермского звериного стиля не всегда оказываются в музеиных коллекциях, а оседают и в руках местного населения. В местной прессе периодически помещаются объявления о покупке предметов культового литья Прикамья, встречаются сведения о находках пермского звериного стиля, оказывающихся в собраниях современных коллекционеров. Хочется отметить, что эта деятельность не только является незаконной, но и абсолютно бесполезной с точки зрения развития научного знания о культовом литье. Частные коллекционеры XIX века принимали «огонь на себя», т.к. деятельность государственных учреждений и научных обществ не всегда могла обеспечить сохран-

Музейные коллекции permского звериного стиля

- Государственный Эрмитаж
- Государственный исторический музей
- Пермский краевой музей
Музей кабинета археологии ПГУ
Музей археологии и
этнографии Прикамья ПГПУ
- Чердынский краеведческий музей
им. А. С. Пушкина
- Коми-пермяцкий
окружной краеведческий музей
им. П. И. Субботина-Пермяка
- Свердловский областной
краеведческий музей
- Национальный музей Республики Татарстан
Музей археологии КГУ
- Национальный музей Финляндии
- Березниковский историко-художественный музей
им. И. Ф. Коновалова

Теплоухов Александр Ефимович сидит справа.

ность находок от их переплавки и уничтожения. Частное собирательство перерастало в научное коллекционирование, публиковались каталоги собраний, на их основе писались первые работы о пермском зверином стиле. Более того, как правило, частный коллекционер задумывался о том, в какие руки коллекция попадёт, и передавал собрание в возникающие музеи. Путём таких пожертвований и формировалась фонды музеев.

До сих пор актуальной задачей, связанной с дальнейшим исследованием пермского звериного стиля, является задача создания полного каталога всех предметов древнего искусства Прикамья, волею исторических событий оказавшихся в разных музейных коллекциях.

Татьяна Туркина

Туркина Татьяна Юрьевна родилась в г. Емва Республики Коми. В 2005 г. окончила Сыктывкарский государственный университет. Археолог, старший научный сотрудник Национального музея Республики Коми. Занимается изучением и систематизацией предметов фонда археологии музея. Область научных интересов – звериный стиль в искусстве населения Европейского Северо-Востока в раннем железном веке и средневековье (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Учится в аспирантуре Коми научного центра УрО РАН. Автор 10 научных публикаций.

Зооморфная пластика из археологической коллекции Национального музея Республики Коми

Первобытное искусство является отображением представлений древнего человека об окружающем его мире. Свои знания и верования древние мастера передавали в изобразительном искусстве. Наиболее яркие черты древнего искусства нашли отражение в «зверином стиле», который берёт своё начало в эпоху палеолита и продолжает существовать вплоть до появления письменных источников. «Звериный стиль» – понятие условное, в широком смысле в него входят изображение человека, животных, птиц и различных мифических существ. Выполнены они из различных материалов, различными художественными приёмами. Это деревянная, каменная, глиняная, металлическая пластика, граффити, узоры на глиняных сосудах. Наиболее ярко образы звериного стиля проявились в изделиях культовой металлопластики.

Первые находки предметов «звериного» стиля на территории Европейского Северо-Востока относятся к концу XIX – первой половине XX века – это изделия из Ухтинского, Соплеского, Подчерьемского, Унъинского, Усть-Вымского кладов, находка птицы из д. Аранец, клевец с навершием в виде головы грифона с р. Уса, находка навершия кинжала и ножен из окрестностей с. Усть-Цильма и т.д., опубликованные В. А. Городцовым, А. В. Шмидтом, А. А. Спицыным, Д. Н. Анучиным, Й. Р. Аспелиным. Практически все предметы, собранные в этот период, были вывезены за пределы региона и хранятся в центральных музеях страны (Государственный Исторический музей, Государственный Эрмитаж, Российский Этнографический музей).

С 1920-х годов благодаря деятельности коми этнографа и археолога А. С. Сидорова, который осуществлял археологические изыскания на территории Коми края путём разведочных работ, эпизодических археологических раскопок и сбора материала у местных жителей, в регионе стали формироваться и свои археологические коллекции. Полученные в ходе своих экспедиций материалы, среди которых находились и предметы звериного стиля, были переданы А. С. Сидоровым в краеведческий музей.

В связи с началом в 1960-х годах планомерного исследования памятников железного века и средневековья археологами Коми филиала АН СССР была получена значительная серия находок с изображением людей, зверей и птиц.

Почти за полувековую историю археологического изучения Европейского Северо-Востока в Республике Коми сформировалось три крупных собрания археологических коллекций: Национальный музей Республики Коми, музей археологии Коми НЦ УрО РАН, музей археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета.

В собрании Национального музея Республики Коми выявлено 70 предметов с изображением людей, зверей и птиц. Изготовлены они из различных материалов (дерево, кость, металл, камень, глина), с использованием разных техник обработки: плоские и объёмные литые изображения, резные скульптурные изображения, граффити, рисунки на глиняных сосудах. Хронологически они относятся к довольно большому промежутку времени: от VI тыс. до н.э. и до первой половины II тыс. н.э.

Самыми ранними изделиями зооморфного литья в коллекции музея являются находки из погребений V–III вв. Шиховского могильника (раскопки И. О. Васскула 1993, 1994, 1995 гг.). Это рукоять кинжала в виде фигуры волка (рис. 1-1), зооморфное украшение наконечника ремня (рис. 1-2) и фигурка ящера с человеческой личиной на спине (рис. 1-3). Пластика Шиховского могильника находит аналогии в скифо-сарматском искусстве «звериного стиля». Украшение вооружения зооморфными образами является отражением эстетического вкуса определённых кругов общества, прежде всего воинов и окружения, связанного с военной прослойкой.

Четыре предмета «звериного стиля» раннего железного века происходят из раскопок пос. Пожегдин II: хищная птица с опущенными крыльями и схематичной личиной на груди (рис. 1-4), два профильных изображения фигур мелких пушных зверьков (рис. 1-5,6) и подвеска со сложной многофигурной композицией в виде фигуры лося, на спине которого антропоморфная личина (рис. 1-7). Все изделия выполнены из бронзы в технике одностороннего плоского литья. Автор раскопок – И. О. Васскул по аналогиям предметов из Гляденовского кострища и памятников Кулайской культуры датирует данные изделия II–IV вв. [1].

III–IV вв. н.э. датируются бронзовые культовые фигурки, известные в литературе как Уньинский клад. Клад был найден в 1884 г. крестьянином Н. Т. Собяниным в верховьях р. Уньи, Чердынского уезда Пермской губернии (ныне Троицко-Печорский р-н Республики Коми).

Впервые клад был описан видным российским и советским археологом А. А. Спицыным в работе «Шаманские изображения», опубликованной в «Записках отделения русской и славянской археологии императорского русского археологического общества» в 1906 г.

Интересен как сам клад, так и история его попадания в Национальный музей Республики Коми. А. А. Спицын описывает его нахождение так: «На берегу р. Унны, впадающей в Печору в самом углу Чердынского уезда, в 1884 г. найден был большой клад шаманских и иных поделок, разошедшийся по рукам. Лишь немногие вещи этого клада попали в музей. Всего, по слухам, было найдено до пуда вещей» [2].

В монографии О. В. Игнатьевой «Пермский звериный стиль: история коллекций и их изучения» данный клад упоминается как «предметы культового литья из собрания Чердынского купца С. А. Алина». Из работы этого автора мы узнаём, что предметы из этого собрания были отправлены потомками чердынского купца С. А. Алина, в чьих владениях и был найден клад, на Сибирско-Уральскую промышленную выставку [3]. Выставка, проходившая с 14 июня по 15 августа 1887 г. в г. Екатеринбурге, была организована Уральским обществом любителей естествознания и имела огромное значение для культурной и промышленной жизни региона. После завершения работы выставки 20 плакеток Унинского клада были подарены музею Уральского общества любителей естествознания.

В 1961 г. директор Республиканского краеведческого музея М. Е. Калинин обратился в Свердловский краеведческий музей с просьбой передать клад на постоянное хранение, и его просьба была удовлетворена. В том же 1961 г. из Свердловского краеведческого музея имевшиеся у них 11 предметов Унинского клада были переданы в Коми республиканский краеведческий музей (ныне Национальный музей Республики Коми) [4]. Местонахождение остальных изображений животных из этого клада, к сожалению, на сегодняшний день точно неизвестно.

Унинский клад археологом Г. М. Буровым был выделен как эталонный памятник печорского (местного для нашего региона) «звериного стиля» [5].

Среди плакеток клада, хранящихся в Национальном музее Республики Коми (рис. 1-8-18), присутствуют следующие мотивы: хищная птица в фас с полуразпущенными крыльями и личиной на груди, лосиные головами на тулове; фигуры лосей с одной и тремя головами.

В 1951 г. майором М. М. Соприкиным передано в музей бронзовое изображение крылатого человека (рис. 1-19). Предмет был найден в том же году в Железнодорожном р-не Республики Коми (ныне Княжпогостский р-н) в 400 м выше устья р. Чиньяворык. Г. М. Буров по аналогичным изображениям на памятниках в Чусовском Прикамье и на р. Ветлуге относит изделие к гляденовскому времени [6].

Первой половиной – серединой I тысячелетия датируется бронзовая фигурка медведя, на тулове которого изображены антропоморфные фигуры с лосиными головами (рис. 1-20). В. Д. Викторова, разбирая образ Канинского медведя, отмечает, что на лапах животного изображены браслеты, таким же образом украшали жертвенного медведя, во время медвежьего праздника. У первой фигурки, изображённой на тулове медведя, на голове имеются уши (копытное?), облик головы второй фигуры с одним длинным ухом напоминает пушного, у третьей голова напоминает птичью. Т.е. наличие на тулове медведя антропоморфных фигур символизирует духов, по очертаниям голов которых можно узнать основных жителей леса: копытного (лося/оленя), пушного и ночного пернатого хищника (сову/

филина). Подобные изображения относят к типу «медведей-мифов» (наименование введено Н. В. Фёдоровой), в композициях которых отражены какие-то мифо-ритуальные действия. Ближайшей аналогией данному изображению является фигурка, найденная на городище Няксимволь (III–II вв. до н.э. – I–II вв. н.э.), расположенного на территории Ханты-Мансийского АО на р. Северная Сосьва [7].

В 1997 г. в музей поступили материалы пос. Вис II (раскопки В. Н. Карманова), среди которых имеется бронзовая прорезная фигурка человека – мужчины в статичной позе. На голове у него треугольный головной убор, острый кончик которого выполнен в виде птичьего клюва (рис. 1-21). Сам памятник датируется ванвиздинским временем, но данное изделие, вероятнее всего, более раннего происхождения. На территории Европейского Северо-Востока антропоморфные изображения с орнитоморфами на голове характерны для гляденовского времени.

Четыре литьих зооморфных изображения, датирующихся ванвиздинским временем, были доставлены в музей А. С. Сидоровым в 1920-е гг., осуществлявшим археологические изыскания на территории Коми в период 1919–1928 гг. Он приобрёл у местного жителя с. Усть-Вымь две полые пронизки в виде фигурок медведей (рис. 2-1,2), найденные по легенде в окрестностях Ванвиздинской стоянки. А. С. Сидоров высказывал предположение, что рядом со стоянкой у самого берега реки мог располагаться могильник, который был смыт рекой, откуда и происходят эти изделия. В поддержку его точки зрения говорит и то, что аналогичные изделия известны только на погребальных памятниках (I Веслянский, Себысь).

Многочисленные аналогии в погребальных комплексах Прикамья имеет пронизка в виде фигурки птицы со звериной головой (рис. 2-3), доставленная А. С. Сидоровым из д. Онежье (Княжпогостский р-н РК). В коллекции музея имеется аналогичное изделие, полученное в первый год раскопок I Веслянского могильника (раскопки 1961 г. Э. А. Савельевой) (рис. 2-4). В литературе этот тип орнито-зооморфных украшений известен как «кричащая птица» и «крылатый пёс». Являясь частью (украшением) женского костюма, этот образ, по мнению исследователей, символизировал плодородие и являлся своего рода посредником между мирами.

Одним из ярких предметов коллекции является бронзовая подвеска в виде фигуры парящей птицы с личиной на груди (рис. 2-5), которая была приобретена А. С. Сидоровым у жителя д. Ухтинский Волок (Ухтинский р-н РК) Рочева в 1924 г.

Среди исследователей существует мнение, что хищная птица с личиной на груди осуществляла связь мира людей с потусторонним миром, это душа человека, уходящая в иной мир. Этот образ был отображением представлений древних людей о Вселенной.

М. Ф. Косарев, рассматривая кульп птиц, говорит, что смысловое содержание древних птицевидных идолов могло быть чрезвычайно сложным, так как здесь часто переплетались тотемические и анимистические представления, элементы разнохарактерных культов и магических действий. А тотемными, с наибольшей вероятностью, можно считать те изделия культового литья, в которых зооморфные черты сочетались с антропоморфными [8].

В работе А. С. Семёнова и Т. И. Чудовой изображение хищных птиц с личиной на груди связывается с индоиранскими прообразами, и высказывается предположение, что личина на груди «северной чудоптицы» – это редуцированное изображение древнеиранской богини вод Ардвисуры Анахиты, возносимой священной птицей (грифоном?) [9].

В 1928 г. из с. Жешарт (Усть-Вымский р-н РК) в фонды музея было передано бронзовое изделие – пластина с прорезной антропоморфной фигурой, стоящей на ящере в окружении зооморфных существ (рис. 2-6). Само изделие словно разрублено на три части. Аналогичный сюжет встречается на литой плоской подвеске (рис. 2-7) из Ёвдинского могильника (раскопки Л. Л. Косинской). Подобные сюжеты исследователи традиционно связывают с представлениями древнего населения о трёхуровневой картине мира. В верхней части расположены головы лосей и птиц – они отождествляют верхний мир, небесных божеств, прародителей Вселенной. Средняя часть – мир людей и животных, повелителем которого является божество (богиня-мать) в центре. Нижний мир представлен ящером, расположенным под ногами центральной фигуры, причём он зачастую изображён наполовину или, только голова, т.е. часть его, остаётся в нижнем мире, что символизирует границу двух миров.

В 1979 г. в музей поступила полая фигурка уточки, место обнаружения которой неизвестно (рис. 2-8). На спине фигуры имеется отверстие для нанизывания на ремешок. Предположительно изделие датируется второй половиной I тыс. н.э.

Одним из наиболее распространённых видов украшений на ванvizдинских памятниках Европейского Северо-Востока являются подвески в виде фигурок коней. В коллекции Национального музея Республики Коми имеются две бронзовые подвески (рис. 2-9, 10), найденные в курганных погребениях могильника Шойнояг (раскопки И. О. Васкула), датируются памятник V–VI вв. н.э.

По мнению К. С. Королёва, появление коней на поселениях средней Вычегды свидетельствует о начальном этапе установления разнообразных связей между пришлыми группами скотоводческого и местного охотниче-рыболовецкого населения (обмен, браки и т.д.). Вычегодское население, впервые познакомившись с коневодством, постепенно переняло у пришельцев вместе с хозяйственными и мифологические традиции почитания лошади, культа коня. В верованиях многих народов конь был связан с загробным миром и солнцем [10].

Концом I тысячелетия – началом II тысячелетия датируется зооморфное литьё пещерных святилищ Печорского Урала, хранящихся в фондах Национального музея Республики Коми. Получены они были благодаря раскопкам В. И. Канивца 1950–1960 гг. В Уньинской пещере был найден обломок миниатюрной бронзовой бляшки с изображением головы совы (рис. 2-11), обломок фигурки животного с вытянутой тупой мордочкой и двумя маленькими ушками (медведя?) (рис. 2-12). Четыре литых изделия относятся к коллекции Канинской пещеры: антропоморфная личина с тремя отростками на голове, в верхней части которых расположена профильная фигурка маленького зверька (рис. 2-13), личина с двумя треугольными «ушками» (рис. 2-14), третья личина представляет собой круглую бляху с двумя выступами (рис. 2-15), определение изделия как схематичной личины дано автором раскопок [11]; бляшка с рельефным изображением птицы с широко распахнутыми крыльями (рис. 2-16). Вопрос о датировке одного стили-

зованного миниатюрного антропоморфного изображения на всплеске бронзы с этого памятника остаётся открытым (рис. 2-17).

С XII в. активно развивается процесс вовлечения Перми Вычегодской в сферу экономических и политических интересов Древней Руси и Волжской Булгарии. Происходят изменения и в развитии зооморфного литья – исчезает искусство «звериного стиля». На смену бронзовым зооморфным изделиям, связанным с хозяйственной деятельностью и религиозными культурами местного населения, приходят массовые изделия из Руси и Булгарии.

В коллекции Национального музея Республики Коми имеется ряд изделий первой половины II тысячелетия. Примечательно, что все они относятся к категории случайных находок, т.е. найдены вне археологических комплексов.

Первое из них было обнаружено А. С. Сидоровым в д. Онежье (Княжпогостский р-н РК) в 1921 г., оно представляет собой круглый бронзовый медальон, отлитый в форме в высоком рельефе с изображением всадника на лошади (рис. 3-1), Э. А. Савельева датирует его концом XIII–XIV вв. и отмечает, что «крайний схематизм изображения свидетельствует о местном производстве и позднем возрасте изделия» [12].

В 1954 г. младшим научным сотрудником КФ АН СССР М. Г. Трушелёвым в музей была доставлена круглая бронзовая бляшка с прорезным изображением фигуры человека в «кольчуге» с посохом (рис. 3-2), найденная в верховьях р. Ильич (Троицко-Печорский р-н РК). По данному изображению директором Республиканского краеведческого музея Коми АССР был направлен запрос в Государственный Исторический музей с целью атрибуции, на который заместитель директора исторического музея профессор А. П. Смирнов ответил: «Бронзовая подвеска, найденная на р. Ильич принадлежит к числу культовых и изображает воина в панцире, из-под которого спускается длинная рубаха. Подвеска по характеру изображения напоминает болгарские изделия. Датируется X веком» [13]. К XI–XIV вв. относится бронзовый фигурный замок в виде фигурки животного (рис. 3-3), доставленный в музей в 1956 г. из с. Важгорт (Удорский р-н РК). Подобные фигурные замки характерны для Волжской Булгарии, но отличие булгарских замочеков в том, что выполнялись они в виде фигур кошачьих хищников, например, барсов или в виде фибул козлов.

В 1969–1972 гг. сотрудником отдела истории Республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей Республики Коми) А. М. Рубцовым были доставлены пять бронзовых предметов первой половины II тысячелетия н.э. Две коньковые шумящие подвески (рис. 3-4, 5) из д. Турья (Княжпогостский р-н РК) найдены в мае 1970 г. школьником А. Хатанзейским; шумящая подвеска с фигуркой уточки (рис. 3-6), обнаруженная в окрестностях д. Кони А. Н. Сокериным в 1969 г. (Княжпогостский р-н). Аналогичные изделия встречаются в составе Вымских средневековых могильников [14], они выделяются исследователями как подвески северо-западного типа, являвшиеся продукцией новгородских мастеров и имевшие распространение в районах с финно-угорским населением, поддерживающим торговые связи с Новгородом [15], и датируются XII–XIV вв. [16].

Одно изделие найдено на поверхности Лоемского могильника (Прилужский р-н РК) в XIII–XIV вв. [17]: оно представляет собой прорезную бляху с изображением идущей человеческой фигуры (рис. 3-7).

Т.о. в археологической коллекции Национального музея Республики Коми представлены 45 изделий бронзового зооморфного литья. Описанная коллекция «звериного стиля» имеет довольно сложную историю формирования, в которой условно можно выделить два периода: I период (1920-е гг. – начало 1950-х гг.) – время поступления случайных находок от местных жителей и сборы А. С. Сидорова, II период (с 1960 гг. по настоящее время) – это, в основном, поступление предметов из состава коллекций археологических памятников. Большая часть из описанных памятников древнего искусства вошла в состав постоянных экспозиций отделов Национального музея Республики Коми в рамках, работы которых они отображают религиозные воззрения и специфику этнокультурных процессов, имевших место на территории Европейского Северо-Востока в древности и средневековье.

Источники и литература:

1. Васкул И. О. Хронология и периодизация памятников пьяноборской эпохи на Европейском Северо-Востоке (препринт). – Сыктывкар, 1992. – С. 10.
2. Спицын А. А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии императорского русского археологического общества. Т. VIII. Вып. 1. СПб., 1906. – С. 41.
3. Игнатьева О. В. Пермский звериный стиль: история коллекций и их изучения (монография). Пермь, 2009. – С. 72.
4. Акт приёма НМРК на постоянное хранение от 06.06.1961 г.
5. Буров Г. М. Бронзовые культовые плакетки I тыс. н.э. на Крайнем Северо-Востоке Европы: печорский (местный) «звериный» стиль // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1992. – С. 52.
6. Буров Г. М. Вычегодский край (очерки древней истории). – М., 1965. – С. 145.
7. Викторова В. Д. «Шагающие» медведи. // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции // Материалы тематической научной конференции. СПб: 2004. – С. 304–309
8. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. – М., 1984. – С. 188.
9. Семёнов В. А., Чудова Т. И. Культовая пластика. – Сыктывкар, 2003. – С. 8.
10. Королёв К. С. Зарождение культа коня у предков коми-зырян (Научные доклады Коми НЦ УрО РАН; Вып. 357). – Сыктывкар, 1995. – С. 8.
11. Канивец В. И. Канинская пещера. – М., 1964. – С. 102.
12. Савельева Э. А. Медальоны с восточными мотивами на Европейском Северо-Востоке // Материалы этнической истории Европейского Северо-Востока: межвузовский сборник научных статей. – Сыктывкар, 1985. – С. 101–102.
13. Подшито к Акту ПП № 435 от 23.12.1954 г.
14. Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Ленинград, 1987. Рис.37, 120 а, б; рис. 30, 2 и 3.
15. Савельева Э. А., Клёнов М. В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. – М., 1997. – С. 661.
16. Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв.– Ленинград, 1987. – С. 161.
17. Савельева Э. А. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в северном Приуралье (МАЕСВ. Вып. 13). – Сыктывкар, 1995. – С. 127.

Обзоры. Рецензии

Валентина Сова

Сова Валентина Алексеевна, учёный секретарь Национального музея Республики Коми, краевед.

Ровесники века

Шёл январь 1921 года. В Усть-Сысольске делегаты 1-го Всезырянского съезда коммунистов в острых спорах решали вопрос о создании административного объединения всех коми-зырян. Большинством голосов участники съезда высказались за создание автономной республики Коми-зырян в составе РСФСР. 5 мая 1921 года Президиум ВЦИК издал постановление об образовании Коми автономной области, а декрет ВЦИК об образовании Автономной области Коми (зырян), принятый 22 августа, окончательно закрепил чаяния населения Зырянского края о суверенитете – национальном, народном, государственном.

С самого начала своей деятельности руководители Коми области ставили задачи экономического и культурного возрождения края и всячески поддерживали интерес общества к национальной культуре и истории коми этноса. Институт народного образования, в котором изучались краеведческие дисциплины – история культуры и этнография коми, коми язык, история коми народа, коми литература – не мог организовать в рамках одного учебного заведения гуманитарные исследования с охватом всей территории края. Для этого требовалась усилия большого количества образованных людей, работа которых должна была координироваться какой-либо организующей структурой. 23 октября 1921 года в Усть-Сысольске состоялось собрание инициативной группы, заинтересованной в плацдармом и систематическом сборе краеведческих материалов, изучении края, создании научной библиотеки и национального музея. Итогом этой встречи стало принятие решения о создании Общества изучения Коми края. В состав правления Общества были избраны председатель Коми облревкома (главного органа власти области) Д. И. Селиванов, председатель представительства Коми области при Наркомнаце РСФСР Д. А. Батиев, А. А. Цембер, С. Н. Рочев, С. А. Тихомиров и др. В 1928 году Дмитрий Батиев вспоминал: «После образования Автономной области сразу же при облревкоме было организовано Общество изучения

Коми края, но благодаря отвлечению всего внимания органов власти и общественных сил на организацию области и её управленческого аппарата – это общество, почти не родившись, прекратило свою деятельность».

Повторные попытки консолидировать усилия общественности к созданию краеведческой организации прошли успешно. 16 мая 1922 года краеведы Коми республики считают датой рождения Общества изучения Коми края, ставшим центром научно-исследовательской деятельности в Коми области и базой для развития академической науки.

Деятельность краеведов не мыслилась без создания научной библиотеки и функционирования музея, где могли храниться и изучаться разнообразные памятники культуры, истории и природы области, сбор которых начал вестись ещё в начале 1900-х годов при участии учителя и библиофила А. А. Цембера. В январе 1921 года экспонаты городского музея, после проведённого ремонта, заняли три небольшие комнаты на втором этаже в здании Института народного образования. В этом же корпусе размещались учебные кабинеты вуза. Поэтому преподаватели и студенты института, а также сотрудники музея имели возможность работать в тесном контакте. Экскурсии и лекции, проводимые заведующим Зырянским музеем А. В. Холоповым и научным сотрудником О. Э. Визелем, дополняли знания студентов местным материалом по традиционной культуре коми народа. В октябре 1923 года один из кабинетов музея, где располагался естественноисторический отдел, с согласия Областного отдела народного образования был освобождён под канцелярию и президиум Общества изучения Коми края. Совместными усилиями музея и общества легче решались многие организационные вопросы, прежде всего связанные с финансовыми затратами, или с принятием решения президиумом Коми облисполкома. На страницах местной газеты «Югыд туй» (Светлый путь) велись дебаты о сохранении памятников старины: «Если местного музея не будет, то нашим потомкам изучать культуру зырян придётся ездить в Гельсингфорс, Будапешт, Гамбург. Туда в 1901–1912 гг. увезли большое количество экспонатов из нашего края финляндские и венгерские учёные: Вихман, Сирелиус, Фукс и Балог-де-Бартош» [1].

5 октября 1923 пленум Коми облисполкома принял решение о передаче здания Стефановского собора под Областной музей, аргументировав это тем, «что красноармейские части гор[ода], отдельные группы рабочих, совслужащие, объединённые в Профсоюзы, учащиеся школ Усть-Сысольска уже давно... высказали необходимость закрытия в городе Усть-Сысольске Стефановского собора как дома затмения трудящихся масс с использованием этого собора под дом просвещения [2]. Областной союз кооператоров в тот же год выделил на оборудование музея в помещении Стефановского собора 1000 золотых рублей.

Однако при этом не было учтено мнение самих музейных работников

Здание Коми областного музея. 1920-е годы.

о пригодности собора для использования его в качестве экспозиционного пространства. На статус памятника архитектуры, по мнению архитектора города и руководителя музея А. В. Холопова, Стефановский собор претендовать не мог по ряду причин, а использовать неотапливаемые помещения под служебные кабинеты, по крайней мере, было нелогично.

А между тем в музей поступали всё новые и новые экспонаты, пополнялся библиотечный фонд. Два маленьких кабинета уже не могли вместить всё то, что привозили и приносили краеведы, объединённые в широкую сеть внештатных корреспондентов и экспонентов. Коми облисполком, пойдя навстречу краеведам, своим постановлением от 22 мая 1924 года об отводе нижнего этажа здания бывшего купеческого особняка С. Г. Суханова, занимаемого советской партийной школой, заложил прочную основу для развития Коми областного музея и музеиного дела в целом. «Это одно из самых старинных зданий в Усть-Сысольске, старинной архитектуры» – даётся пояснение в постановочной части, как бы в оправдание предыдущему решению.

17 октября 1924 года в доме Пама Шыпичи – так местные жители отождествляли персонаж из коми народного эпоса с именем купца Суханова, после торжественного заседания с участием представителей от советских, профсоюзных и партийных организаций, для населения города Усть-Сысольска и области открылся Коми областной музей – «книга жизни коми народа». Заведующий музеем А. В. Холопов считал, что «музей должен стать энциклопедией Коми края».

При сложившейся экономической ситуации в Коми области музей не мог стать первоочередным объектом по ремонту здания и его оснащению экспозиционным оборудованием, приобретению большого количества новых предметов музеиного значения. Но руководители области, понимая важность и значимость проводимой музеем работы, находили возможность привлекать специалистов и финансировать экспедиционные работы в пределах области. Сохранился архивный документ, датированный 2 октября 1925 года, за подписью председателя Комитета содействия народностям Северных окраин при Коми облисполкоме А. В. Нахлупина с обращением в одноимённый комитет при ЦК ВЦИК о субсидировании работ по организации отдела тундрового хозяйства при Коми областном музее [3]. Основной смысл документа заключён в следующем фрагменте: «Поднятие производительных сил края, экономики и культуры малых народностей Севера невозможно без его достаточно широко поставленного исследования [...]. Необходимость представить в Музей типичные вещи, промысловое оборудование, хозяйственный инвентарь и вообще предметы быта оленеводов диктуется интересом, который проявляет местная учащаяся молодёжь, готовящаяся к общественной деятельности, и удовлетворение этого является насущной культурной потребностью».

Выставочный павильон 1931 года.

Экспедиция в тундру к ижемским и ненецким оленеводам, проведённая в том же году при участии профессора В. П. Налимова и Д. Т. Яновича, пополнила музейное собрание почти на тысячу уникальных предметов второй половины XIX–начала XX веков. В том числе был деревянный идол с берегов реки Белая Кедва, возраст которого был датирован современными методами исследований в конце XX века. Десять тысяч лет – таков вердикт учёных.

При первой же возможности Областным музеем были приобретены коллекции произведений искусства из хранилищ Государственного музейного фонда, вложив при этом немалые суммы на закуп, перевозку и оплату сопровождающим ценный груз. В период с 1926 по 1928 годы из Москвы в Усть-Сысольск было доставлено более 300 живописных полотен и скульптур именитых зарубежных и отечественных художников XVIII – начала XX веков, что позволило открыть в музее новый отдел изобразительного искусства, в котором присутствовали работы как местных художников, так и известных мастеров кисти.

Представитель Главнауки, учёный секретарь Комитета содействия народностям Северных окраин при президиуме ВЦИК Д. Т. Янович, под патронажем которого велись отбор и доставка художественных коллекций, на встрече осенью 1928 года с представителями Общества изучения Коми края и музея заявил: «Для Коми области необходимо признать, что музей её должен быть шире рамок местного краеведения, и должен иметь общеобразовательное значение и теснейшую связь с научным обследованием области вообще»[4].

Им же было высказано пожелание о необходимости создания в ближайшее время в Усть-Сысольске научного института. Рисуя перспективы будущего и его видение устройства «гнезда для науки», Д. Янович предлагал квартал между Республиканской и Советской улицами, Соборной площадью и Западной Загородной улицей отдать для распланировки целого научного городка, здесь же могли разместиться и две-три хорошо оборудованные народные аудитории, художественно-промышленная мастерская и студия для живописных работ. Но в тот период для музейных сотрудников и для руководителей области проект Д. Т. Яновича казался неосуществимым.

Пополнению музейных коллекций способствовали областные выставки, проводимые разными ведомствами. Опыт проведения областной сельскохозяйственной выставки показал, что Коми область может достойно представить достижения и успехи трудящихся за годы советской власти к 10-летию образования Коми автономии. Здание для первой на коми земле выставки достижений народного хозяйства было построено за два месяца. Местные рабочие-строители и административно-сырьевые возвели деревянное бревенчатое здание наискосок от бывшего здания духовного училища, на пересечении улиц Трудовая и Набережная (им. Куратова и Кирова), расширив таким образом границы будущего городского парка. Комиссия Коми облисполкома, сформированная из представителей партийных и хозяйственных работников, а также представителей культурно-просветительных учреждений жёстко требовала выполнения плана подготовительных мероприятий к юбилею.

В состав названной комиссии входил представитель областного музея, его директор С. А. Попов. Из коротких записей в «Дневнике музея» за 1931 год можно понять, что место для строительства помещения будущей местной ВДНХ

выбирал он совместно с техническими работниками Госстройконторы. Вся остальная работа по приёму экспонатов, их систематизации, раскладке и креплению выполнялась Сергеем Александровичем и художником В. В. Поляковым. К составлению многочисленных текстов и диаграмм привлекались студенты педагогического техникума и другие лица. На период работы на выставке Сергей Попов был назначен заместителем председателя выставочной секции и отстранён от основной работы в музее.

Немногие сохранившиеся фотографии того времени передают интерес населения к экспонатам выставки. Многое из того, что здесь было представлено, они видели впервые. Макеты машин и бараков лесозаготовителей, образцы природных ископаемых, граммофоны и современные радиоприёмники, средства радиопередачи должны были свидетельствовать о технической и культурной революции в Коми области. Рядом со зданием выставки был установлен памятник – бюст В. И. Ленина, изготовленный по проекту архитектора А. В. Холопова.

К сожалению, ни в местных газетах, ни в каком-либо архиве не пришлось встретить отзывы о выставке. Постановлением Коми облисполкома часть экспонатов выставки была передана Коми областному музею, а здание, где размещалась выставка, было переоборудовано под городской кинотеатр.

Весной 1933 года С. А. Попов был арестован органами ОГПУ по так называемому делу «О контрреволюционной национал-шовинистической организации в Коми области», в которое было вовлечено около двухсот партийных и советских работников, представителей образовательных и просветительных учреждений области. Следующая массированная волна арестов продолжилась в 1936–1937 годы. Бывшие руководители Областного музея Д. А. Батиев, А. А. Молодцова, Г. А. Старцев обвинялись в организации при музее вредительской работы, направленной против советских и партийных органов, в проведении антисоветской агитации. Георгию Старцеву предъявлялось также обвинение в шпионаже в пользу Германии и Финляндии, которые он посещал, находясь в научной командировке в 1927 году. При всей абсурдности обвинений и их недоказанностью многие арестованные прошли ссылку, повторные аресты, гибли в лагерях от болезней и издевательств.

Г. А. Старцев, пройдя пять лет ссылки в Красноярском kraе, ушёл добровольцем на фронт и погиб под Сталинградом в 1943 году. Дмитрий Батиев за своё увлечение краеведением и желание создать самостоятельную Коми республику был расстрелян в октябре 1941 года. С. А. Попов, отправленный на три года

Фрагмент выставки, посвящённой 10-летию Коми автономной области.

Выставочный павильон «XXV лет Кому АССР». 1946 г.

СНК Коми АССР принимает постановление о подготовке к юбилейным торжествам. В планах юбилейных мероприятий значилось открытие выставки, для которой специально был построен павильон, расположенный в конце городского парка на пересечении улиц Орджоникидзе и Кирова. Директором выставки был назначен директор Республиканского краеведческого музея М. Е. Калинин.

Размах работы по строительству выставки поражает даже с позиций сегодняшнего дня. В подготовке выставки участвовали около 3 тысяч человек. По решению выставочного комитета был объявлен конкурс на архитектурно-художественное оформление выставки. Утверждены были проекты двух авторов: художника драматического театра В. А. Баусова и В. Г. Постникова.

Над составлением тематико-экспозиционных планов выставки и форэскизов работали свыше 60 инженеров, архитекторов, скульпторов, картографов, агрономов и других научных работников. В разработке эскизов художественного оформления участвовали 18 лучших художников, в том числе Н. Л. Жилин, В. Г. Постников, В. В. Поляков, М. П. Безносов, В. А. Баусов, А. В. Зикеев.

На период подготовки выставки в Сыктывкаре были открыты три мастерские для резчиков букв, две фотолаборатории, пошивочная мастерская и мастерская по изготовлению светильников и металлических букв. За шесть месяцев было собрано свыше 7000 экспонатов, которые разместили в пяти зданиях на площади 2000 м². Для сбора материалов на выставку и их обработку были выделены уполномоченные 32 наркоматов, управлений, трестов и комитетов.

Экспонаты выставки систематизировались по отраслевому принципу. В основном павильоне разместился раздел «Промышленность и транспорт». В трёх павильонах и на специально оборудованной площадке освещались темы «Сельское хозяйство», «Наука», «Социалистическое строительство». В экспозиционных залах выставки были представлены в большом количестве действующие модели и макеты электростанции, нефтешахты и буровой вышки и другие.

Сроки открытия выставки были установлены в самом начале её подготовки: 22 августа в 10 час. Чтобы уложиться с выполнением такого большого объёма работ, трудовой день организаторов и исполнителей (строителей, художников, электриков и др.) начинался в 5-6 часов утра и заканчивался в 2-3 часа ночи.

ссылки в Казахстан, связал свою жизнь с Оренбуржьем, и лишь несколько последних месяцев жизни провёл в Сыктывкаре.

Опыт музейных работников в организации масштабных выставок понадобился уже в следующем году после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Республика готовилась отмечать двадцатипятилетие национальной государственности. В начале 1946 года

Директор выставки все эти месяцы находился здесь безотлучно, составляя планы работы на день, а поздно вечером, вернее, уже глубокой ночью, проверял с художниками и специалистами качество выполненных работ. Выставка была открыта в назначенный день. За пять месяцев её посмотрели более 70 тысяч человек. Масса восторженных отзывов была оставлена посетителями. Вот лишь одна из них: «От юбилея я многоного ожидал, но выставка превзошла все мои ожидания. Генерал Кудрявцев. Город Архангельск».

Пожелания сохранить выставку прослеживаются во многих записях, оставленных в книге отзывов. Первоначальное решение Совета Министров республики о передаче главного павильона выставки под кинотеатр было отменено. Новым постановлением от 17 января 1947 года павильон был передан вместе с экспонатами Республиканскому краеведческому музею.

Выставочная деятельность стала одной из сильных и важных составляющих в работе Коми республиканского музея. С приходом в 1970 году на должность директора А. Д. Качаловой при музее начал функционировать клуб советско-болгарской дружбы. Коми отделение общества советско-болгарской дружбы приветствовало и поддерживало инициативу Республиканского музея в организации новых, неординарных выставок. В 70–80-е годы XX века вновь востребованными стали выставки о традиционной культуре народа коми и современном декоративно-прикладном искусстве. Параллельно музеем велась подготовка презентативных выставок, которые готовились как социальный заказ от правительства Коми республики для представления в Народной республике Болгарии. В первой половине 1980-х годов состоялись две ретроспективные выставки о Коми АССР в городах Ловеч и Пловдив. Многие экспонаты, представленные многочисленными организациями-экспонентами на выставки, оседали по решению правительства органов в фондах Республиканского краеведческого музея.

С наступлением 1990-х годов и сменой политической ситуации в бывшем советском государстве выставочная деятельность музея лишь активизировалась. Расширились адреса и маршруты передвижения выставок. В составе правительства делегации Республики Коми, будь-то в Финляндии, в Москве или Санкт-Петербурге – всегда можно было видеть несколько стендов с образцами вязания, ткачества, изделиями из дерева, берёсты и глины в исполнении северных мастеров. Проведение дней Республики Коми в соседних областях – Кировской, Пермской, Ленинградской, в республиках Карелия, Удмуртия – всегда проводились с презентацией выставки из фондов Национального музея республики.

В преддверии очередной юбилейной даты Республики Коми – 90-летия национальной государственности, Национальный музей готовит своеобразный подарок жителям и гостям республики – выставку «Север России: культура, народ, традиции», в организации которой примут участие музеи Вологды, Великого Устюга, Сольвычегодска, Кирова, а также села Лальск Кировской области. Участие столь известных в музейном сообществе России «звезд» – подарок коллективу Национального музея Коми Республики, отмечающего в 2011 году своё столетие.

1. Югыд туй. 16 января 1923 г., № 7.

2. ГУРК НАРК. Ф. р-3. Оп. 1. Д. 145. Л. 17.

3. Протоколы заседаний Коми областного исполнительного комитета. ГУРК НАРК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1800. Л. 7, 7 об.

4. ГУРК НАРК. Ф. П.-520. Оп. 1. Д. 37. Л. 32.

Остапова Е. В.,

к. ф. н., доцент кафедры коми и финно-угорской филологии СыктГУ

«Да бёр на тян дінё менё лэбёдас-ваяс...»

Первые размышления о новой книге В. Чисталёва «Ния»¹.

Летом 2011 года увидела свет новая книга одного из основоположников коми литературы Вениамина Тимофеевича Чисталёва «Ния» (Лиственница), подготовленная к изданию группой научных сотрудников ИЯЛИ КНЦ УрО РАН Лимеровой В. А., Аген Н. А., Ельцовой Е. В. О достаточно серьёзном научном подходе к данному проекту свидетельствует информация о его финансировании в рамках интеграционного проекта учреждений Уральского отделения РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте: XIII–XIX вв.», о поддержке издания книги Министерством национальной политики Республики Коми («издание осуществлено по целевой республиканской программе «Сохранение и развитие государственных языков Республики Коми (2010–2012 годы)»), рекомендация к изданию учёным советом ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Необходимо отметить, что с конца 1980-х гг. в отечественном литературоведении остро ставится вопрос о новом прочтении литературной классики советского периода, в том числе актуализации наследия репрессированной национальной интеллигенции, чему во многом способствует обращение к различным архивным материалам. В этой связи можно привести для примера факт завершения масштабного проекта ИМЛИ РАН по выпуску академического собрания С. А. Есенина, «в подготовке которого участвовал научный коллектив, объединяющий исследователей творчества поэта всех поколений, направлений и взглядов, и не только России, но стран ближнего и дальнего зарубежья»². Начало тому было положено ещё в 70-е годы XX века, однако в силу ряда обстоятельств в этот период выпуск собрания сочинений не был осуществлён. На завершающем этапе был проделан путь длиною в десять лет.

Достойным продолжением работы ИМЛИ РАН по подготовке академических изданий творчества классиков русской литературы является работа по изданию литературного наследия классиков коми литературы, организаторами которой являются учёные ИЯЛИ КНЦ УрО РАН.

Рассматриваемое нами издание является новой и своевременной попыткой воссоздания художественных и критических текстов классика коми литературы, талантливейшего коми поэта, писателя и драматурга В. Т. Чисталёва на основе его архивных материалов.

¹ Тима Вень (В. Т. Чисталёв). Ния / Отв. Ред., сост., заключительная ст. В. А. Лимеровой. Подгот. Текстов и примеч. Н. А. Аген, Е. В. Ельцовой, В. А. Лимеровой.– Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2010.– 592 с.

² Прокушев Ю. Л. Есенин – это Россия. Издания Есенина и о Есенине: Итоги. Открытия. Перспективы. Есенинский сборник. Новое о Есенине. Вып. VI. – М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – С. 11.

В настоящее время в число наиболее известных и любимых читателями изданий В. Чисталёва входят такие книги на коми языке как «Олём вояс» (1957), «Во гёгёр кытшовтём» (1959, 1978), «Менам гора тулыс» (1980), «Менам кывъясой» (1990), «Эжва йывса колип» (2000). Каждое из них можно оценить как этапное для коми культуры в целом.

Подготовка новой книги требовала современного подхода к изучению всего наследия писателя, поэта, драматурга, критика, учителя В. Т. Чисталёва. Конечно же, издание было невозможно без глубокого, всестороннего, многолетнего изучения и исследования творчества и жизни поэта в контексте его времени, его эпохи; невозможно без огромного объёма поисковой, составительской, текстологической, комментаторской работы. Думается, что крепкой основой этому послужила любовь читателей к творчеству Тима Веня, подкреплённая обращённостью исследователей прежде всего к его поэзии. Примечательно, что изучение наследия В. Т. Чисталёва в последнее десятилетие ознаменовалось такими научными достижениями как защита двух кандидатских диссертаций, посвящённых исследованию ритмики поэтических и прозаических произведений поэта и писателя (Остапова Е. В., 2000 г., Ельцова Е. В. 2010 г.); издание главы «Ритмичность природы и ритм человека в лирике Вениамина Чисталёва» в учебном пособии для вузов «Поэтика ритма лирики коми 1920–30-х гг.»¹; выпуск сборника трудов по итогам республиканского семинара «...Коми йöz кывйён нэм кежёлö пасыйны»², раздела в сборнике трудов об основоположниках коми литературы «Тайё сыылём – коми олём»³, многих статей по итогам конференций различного уровня. Всё это свидетельствует об актуальности творческого и педагогического наследия В. Т. Чисталёва как в среде учёных финно-угорских регионов, так и в широких кругах читателей.

Содержание книги «Ния» составлено по хронологическому принципу, включая произведения 1908–1929-х годов. Напечатаны как достаточно известные произведения поэта, прочно вошедшие в учебный процесс общеобразовательной и высшей школы Республики Коми, ставшие жемчужинами национальной литературы («Трипан Вась», «Югыд вой, кёдзыд вой», «Кайла, видзёдла», «Аръявы», «Менам кывъясой», «Кыккока» и мн. др.), так и неизвестные либо малоизвестные в силу недоступности простому читателю оригинальные и переводные произведения («Вётён», «Кодзув пи», «Кёза пленын», «Вабергач йир да саридз ва гы», «Рёштво войё» и др.).

Отдельный блок «Йёзпышса» составляют произведения устного народного творчества, позволяющие осветить наследие поэта ранее скрытой гранью. Здесь и лирические песни, и нескажочная проза, и афористические жанры, и детский фольклор.

Необходимой частью книги являются разделы «Пасйёдъяс» (Примечания) и статья редактора и составителя книги Лимеровой В. А. «Тима Венълысь гижёдъ-

¹ Остапова Е. В. Ритмичность природы и ритм человека в лирике Вениамина Чисталёва // Остапова Е. В. Поэтика ритма лирики коми 1920–30-х гг.: Уч. пос. Сыктывкар: Изд-во СыктывГУ, 2001. С. 21–35.

² «...Коми йöz кывйён нэм кежёлö пасыйны» коми каналан кывлы сиён республиканской семинарлын гижёд чукёр.– Сыктывкар, «Изд-во «Кола», 2005.– 136 л.б.

³ «Ми, кытчёдз ловъяось, водё пыр восьсалам...» // Тайё сыылём – коми олём. Коми литературалы подув пуктысья ялысь уджъяс / В этой песне коми жизнь. Сб. трудов об основоположниках коми литературы.– Сыктывкар, ООО «Изд-во «Кола», 2008.– С. 246–294.

яс ѿзбодом йылъись». В статье раскрываются многие проблемы организации поисковой работы составителей книги, обосновывается принятие того или иного решения в выборе одного из вариантов рукописи произведения вплоть до решения грамматических задач (например, стремление сохранить правописание слов, передающее своеобразие коми народной речи эпохи), излагаются основополагающие принципы работы над архивами классика коми литературы В. Т. Чисталёва (верность подлиннику, полнота художественного материала, следование историко-литературному принципу). Важным моментом является раскрытие концептуальных подходов в вопросах включения творчества поэта в контекст эпохи.

Примечания свидетельствуют о поистине титаническом поисковом труде, прошедшем составителями по выявлению достоверной информации по каждому произведению: об авторстве текста, первых изданиях либо издании впервые, высказываниях автора о произведениях, об их исполнении на публике. Краткость, ёмкость, и в то же время точность, выверенность примечаний вносят правдивость и полноту в биографию опубликованных произведений.

Представленные тексты разных жанров во многом открывают нам неизвестного Тима Веня, неожиданного, некоторым образом расшатывающего ныне устоявшийся образ коми поэта-лирика, дополняют его портрет новыми штрихами: дополнительными оттенками радости и грусти, драмы и юмора.

Проделанная работа направлена на восстановление истинного имени В. Т. Чисталёва. Живого. Разного. Узнаваемого и незнакомого.

Работа в этом направлении, конечно же, велась с момента реабилитации коми поэтов и писателей. Об этом имеются достаточно подробные сведения в послесловии редактора. Подчеркнём лишь, что поворотными стали 1990-е годы, снявшие (быть может, ещё не полностью) завесу, скрывающую наиболее трагические стороны человеческих судеб – годы репрессий. Так, горестным, но долгожданным откровением стала публикация отрывков дневника В. Т. Чисталёва в журнале «Войывык кодзув»¹, предоставленных редакции Музей Вениаминовой Чисталёвой, а затем публикация в книге «Эжва йывса колип»². Но на сегодняшний день, по всей видимости, этого оказалось недостаточно. Какой-то внутренней сутью мы чувствуем перекличку времён – тревожных эпох начала XX и XXI веков. Мы считаем потери. Прежде всего, человеческие. Мы теряем языки. Мы теряем себя. В новой книге В. Чисталёва достаточное внимание уделено проблеме сохранения коми языка, родной речи. Недаром в книгу включён авторский коми-русский словарь «Кыыв восътёд», где можно найти удивительной возвышенной красоты и энергии коми слова, ныне всё редко входящие в оборот речи: енкыя – белый свет, енъюгыд – вселенная, шытёл – голос, звук. Излучающим светом наполнены многие произведения коми поэта. И сегодня мы можем сказать о Тима Вене, как когда-то было сказано о Пушкине, что он становится для нас одним из немногих имен, которыми мы можем «аукаться, ...перекликаться в надвигающемся мраке»³.

Структура и содержание книги свидетельствуют о начале переосмыслиния составителями книги такого фундаментального понятия в литературоведении

¹ Тима Веня. Вылыс Човса дневникъис // Войывык кодзув. 1990. № 8–9.

² Тима Веня (В. Т. Чисталёв). Эжва йывса колип: гижысь йылъись казытылёмъяс, кывбуръяс, басняяс, пьесаяс, висыт.– Сыктывкар: Коми небöг лэдзанин. 2000.– 224 л.б.

³ Ходасевич В. Колеблемый треножник.– М. 1991.– С. 205.

как литературный процесс. Это подтверждается включением в читательский круг и научный оборот многих, известных ранее и выявленных впервые, переводных текстов наравне с авторскими произведениями. Бросается в глаза тот факт, насколько внимательно и профессионально В. Т. Чисталёв подходил к переводу, классифицируя свои творения как «Пушкин ногён» (подобно Пушкину), «Лермонтов вылысь» (с Лермонтова), «Шевченкоысь» (Из Шевченко), «А. Гастев серти» (По Гастеву)... В то же время, сравнивая рассматриваемую книгу с предыдущими, можно заметить, что чуть ли не львиная доля труда и времени разработчиков была потрачена как раз на выявление авторства художественных оригинальных и переводных текстов. И это ещё один шаг к реабилитации поэта.

Нельзя не сказать несколько слов о дизайне книги. Обложка привлекает внимание не только стильным бело-чёрным современным исполнением. Она опять же рождает перекличку эпох. Горизонтальные, с колючками и шишками, ветви дерева переплетаются словно колючая проволока, на которой несмотря ни на что зацветают свежие, бледно-зелёные ростки... Название книги и имя автора переданы либо стилизованно под его почерк, либо скопированы с оригинала. Их написание противоречит современной коми орфографии, но соответствует одному из периодов становления коми письменности начала XX века. «Вхождение» в каждый из разделов (а их 14) художественно оформлено близкими каждому коми человеку образами деревень, соответствующей цитатой из творчества поэта. Гармоничны и интересны фотографии, копии документов с почерком автора. Автором обложки и рисунков является молодая, но уже имеющая опыт публикаций, профессиональная художница А. П. Гордеева. Анной оформлена уже упоминавшаяся выше книга «Тайё сылём – коми олём» (2008), её работы опубликованы в книге «Удорский альбом» (2010), в мультимедийном альманахе «Выль чужём» (Новое лицо / Новое рождение, 2011).

Почему книга названа «Ния»? В творчестве В. Чисталёва образ лиственницы создан в одноимённом стихотворении 1918 года и одном из последних стихотворений «Прощай да видза ов» (Прощай и здравствуй) 1939 года. Это символ вечности, укоренённости в родной земле. В первом случае оно повержено стихией, сломлено. В контексте истории его борьба и гибель олицетворяют начало крушения традиционного уклада жизни, мироздания. В стихотворении 1939 года лиственница в саду под окном – одна из немногих, самых близких, составных частей внутреннего мира лирического героя. Дерево, вырванное с корнем – отражение судьбы самого поэта, жестоко, силой вырванного из жизни. Видимо, именно через судьбу этого дерева наиболее тождественно, аллегорично и метафорично выражена судьба поэта. Возможно, при внимательном чтении книги мы постигнем новые грани поэтических смыслов ключевых образов творчества В. Т. Чисталёва.

Несомненно, новая книга произведений В. Чисталёва обогащает литературу и в целом коми культуру, раскрывает некоторые «белые пятна» в её истории и истории коми народа. В ней предоставлен богатейший материал для литературного образования и исследовательской деятельности.

Книга «Чисталёв В. Т. Ния» представляет собой выверенный научный и редакторский труд. Подобная книга актуальна и долгожданна в современном образовательном процессе, научно-исследовательской работе, в широкой читательской аудитории.

* * *

Попов А.Г. Смысл дождя и листопада: Стихотворения. – Сыктывкар: Союз писателей республики Коми, 2010. – 144 с. – тираж 980 экз.

Безнадёжное светлое дело

С годами понимаешь, что почти все события в жизни не случайны. И знакомство с Андреем Поповым из той же чреды.

Сначала заочно – я рецензировал для «Литературной газеты» одну из его предыдущих книг, кажется, это была: «О любви и смерти», в которой есть такие стихи:

*И вновь Твою
Потерпим, Боже, волю,
И скорбь, как благодать.
И побредём по жизненному полю –
Учиться умирать.*

*Терпи, душа, – не жди себе поблажки, –
Любую тесноту.
Прости, Господь, что так порою тяжко,
Невмоготу.*

Скажете: «Что-то подобное вы уже читали». Возможно. Так похож манекен на свой образец. Без перечисления всех филологических и поэтических достоинств данного стихотворения сразу о главном для меня – в поэтической строке выплавлен слиток из боли: своей, кровной, отцовской, из опыта человека, любящего жизнь и мир вопреки довольно жестоким действиям в его адрес самой этой жизни и мира.

Недавно, составляя очередной том антологии современной литературы России «Наше время», я был несколько удивлён, когда Игорь Меламед попросил убрать цитату из статьи о его творчестве, где упоминались подробности нынешнего его болезненного жития и присущих этому скорбей. Он считает, что в стихах всё сказано. Удивило меня в его просьбе то, что, возможно, не было понятно читателем во время чтения приведённого выше стихотворения Андрея Попова – поэт, создавая новую реальность, почти всегда уходит от реалий жизни, которые, естественно, перестают прочитываться за строками, даже талантливыми. И просто необходимо (особенно сегодня при катастрофическом засилии книжных, филологических виршей, в которых не чувства скрыты за метафорой, а суррогат, кукла, профанация), почувствовав силу стиха, узнать, что поэт это чувство не выдумал, не вычитал, а пережил сам и выжил при этом.

Вряд ли кто, не зная судьбы автора, отгадает, что стоит за строчками:

*Как понять мне благо это,
Правду Божью, скорбь мою?*

Может и существующего смысла многим будет достаточно, а вот мне, жадному в литературе до «почвы», главное – ощутить трепет тела и души, скрывающийся за сочетанием «благо это – скорбь мою».

Человечество существует так давно, что в XXI веке искусственность литературе противопоказана. Естественность бытия, преобразованная в огненную материю стиха – вот чего не хватает сегодня. Мы скрываемся за шаблонами, за символами, потерявшими свою первозданность. Писатели стали настолько технически умелы, что неискущённый читатель часто и не различит где правда, а где – гнусная ложь. И не важно им, о чём говорить – о материинстве, о любви и смерти, о патриотической идеи. Везде на первом месте профессиональная ложь. И лишь иногда, как в стихах Андрея Попова, Юрия Перминова, Нади Делаланд или прозе Михаила Тарковского, Олега и Дмитрия Ермаковых или Татьяны Гоголевич и Владимира Семенчика пульсирует родничок вечной энергии, той, что в свой час возвращает нам весеннюю младость, не забывая про своевременность осенней грусти.

Повторяю про себя строки Попова «*Прости, Господь, что так порою тяжко, Невмоготу...*», чувствуя силу жизни, выводящую из любых передряг, если смысл её – жизни и любви, постигнут человеком через собственный опыт, которому и метафора есть в стихах поэта: «*Безнадёжное светлое дело*».

Постигнуто и названо: «смыслом дождя и листопада», т.е. вечностью двух событий-структур, противоречащих друг другу.

Попытаемся разобраться с этим поэтическим образом поглубже.

Дождь – вода: синонимы ожидаемого рождения-возрождения, прихода времени любви. Листопад – увядание: пространство у ворот смерти, время подведения итогов, когда чувство любви к покидающему миру превышает энергию юношеского всесилия.

И не случайно пора листопада так завораживает живущих. Как не почувствовать осенней порой всё превозмогающую тягу к продолжению, непрерывности жизни, что сродни любви Господней к человечеству во время Его смерти на кресте.

Отсюда рождаются строки:

*«Но смысл дождя и листопада
В преображении души».*

Я и сделал столь объёмное разъяснение, чтобы подвести к главной мысли – читать стихи Андрея Попова следует, понимая (не обязательно принимая) его наисерьёзнейшее отношение к учительской роли поэта в мире, роли мыслителя и провидца, существа в творческий миг всемогущего и вечного.

Мысль эта столь же не новая для людей творческих, сколь сегодня отвергаема из-за муторности сосуществования с ней при коммерциализации всего и вся.

Попов при этом не ставит себя вровень со Всевышним, даже постигнув трагедию потери сына, когда реальность с неимоверной лёгкостью проводит водораздел между несколькими сущностями единого: поэт, философ, отец.

Горе (трагическая потеря сына), по мысли поэта, ниспосланное ему Господом, становится одним из главных тем творчества. Поэт не озлоблен, он до сих пор несколько обескуражен случившимся.

*Я весь седой и многогрешный –
Юн старший следователь, он
Ведёт допрос, чтоб потерпевшим
Признать меня.
Таков закон.*

*Рассказывает без запинки,
Придав словам суровый вид:
Мой сын единственный,
Мой Димка
На Пулковском шоссе убит...*

*..Ах, следователь мой неспешный,
Ты не поймёшь, как я скорблю...
Я потерпевший, потерпевший.
Я потерплю.*

Эта тема была главной в предыдущей книге Попова, в новой она стала внутренней интонацией, камертоном.

Перед нами предстаёт выживший поэт, пишущий стихи с неизвестным большинству читателей (и, слава Богу!) опытом потери, однажды и навсегда подкреплённым высказыванием, отчасти сродни Верленовскому «всё прочее – литература»:

*На небе моём огромном
Сегодня темно и хмуро.
О чём остаётся помнить?
Что смерть – не литература.*

Русская литература не богата на подобные произведения. А тем более, на рассуждения по этому поводу. Психиатры давно бы поставили не очень приятный диагноз и автору и читателям. И всё же на память приходят ещё несколько имён отцов-поэтов, познавших боль утраты – от Павла Антокольского с поэмой «Сын» до Владимира Макаренкова, автора книги «Ворота во мгле».

Я читаю стихи Андрея Попова, пишу эту статью и думаю: «Наверное, надо было с первых строк спросить – готовы ли читатели настроиться на серьёзное, сопереживающее чтение?»

– Если не готовы, тогда зачем читать дальше? – спросим мы с иронией в фирменном стиле поэта, прежде чем найдём вот эти строки.

*Ночью
ты снова
поворачиваешься ко мне.
Говорю:
– Не лежи на сердце.
– Повернись. Я обниму тебя.
– Что мне сердце? –
отвечаешь ты
и засыпаешь у меня на плече.*

*А я смотрю в темноту потолка
и повторяю:
— Господи,
я никогда никого
не сделал счастливым —
«сердце чисто созижди во мне».*

Я слышал, как автор читает свои стихи. Зал всегда ждёт его несколько ироничную манеру мудрого собеседника. И хотя ирония его вовсе не смешит, хотя и вызывает порой грустную улыбку, всё же это единственный случай в моей жизни, когда я принимаю её. Да и ирония ли это, если она порождает внутри себя жемчужину, помогая поэту сказать: «Хотел написать: Я никогда не буду счастлив. Но испугался — стихи так часто сбываются».

Об этом же говорила Цветаева Ахматовой, якобы понимающей это. Не грех повторить каждому поэту, чтобы творчество продолжалось:

*Родина!
Давай поговорим
Об осеннем свете, русском Боге.
Это близко нищим и больным.
Скучно безошибочным и строгим.*

*Скучно миру —
И отводит взор
От калик, встревоженных спасеньем.
Родина!
Продолжим разговор
О Христе и о дожде осеннем...*

Вот, оказывается, для чего нужны все прежние знания, опыт, чувствования, созерцания — чтобы не торопиться уйти, изведав грусть, печаль и безысходность, а чтобы продолжать разговор о *безнадёжном светлом деле*.

Попов продолжает не только для себя, а, как и всякий настоящий талант, для всех нас осмысливать и записывать:

*Ещё немного — и предел,
И обживайся на том свете,
Где все небесны, словно дети...
А я зачем-то повзросел.*

Взросłość автора вступает в противоречие с современными установками, вывернувшими наизнанку смысл слов «будьте как дети», когда цивилизация всевозрастно виртуально воюет и «живёт», беспрерывно ищет «новое» яркое товарное благо, постоянно обновляет свой внешний имидж, абсолютно «по-детски» не желаю думать о дне завтрашнем, не в смысле еды и достатка, а в смысле *все умрём или о судьбе вечной души*.

Действительно, в нынешнем мире быть взрослым дано лишь поэту.

По причине всего вышесказанного мной, стихи Попова не похожи на вирши лауреатов различных премий «поэт», в которых рассуждения над библейскими текстами всего лишь филологические штудии, богоборческие поиски рефлектирующих интеллигентов, зиждущиеся на модной, как патриотика, ныне среди горожан теме. Думаю, всё это закончится новым подвидом постмодернисткой вакханалии пийтов-священников, глубокомысленно извергающих из себя якобы стихи-проповеди.

И хотя есть в этой книге и переложения известных молитв, и стихи о переживаниях молящегося, но стихотворные варианты библейских страниц предстают по-новому. Например, «Исход». Наберите в инете, и вам вывалится в первую очередь: **Исход** – события, описываемые в Пятикнижии (главным образом, в книге **Исход**), связанные с массовым выходом евреев (израильтян) из Египта. (ru.wikipedia.org/wiki/Исход)

У Попова мы получаем новое содержание того же символа.

Приведу первую и последнюю строфы:

*Неискренние стихи... Зачем ты их пишешь, Ева?
Выдуманные чувства зачем доверять строке?
Зачем говорить, не сорву плод с запретного дерева?
Пишешь – что не сорвёшь... А плод уже держишь в руке...*

*Так наступают будни – обычный сбор урожая.
Осенние дни заботы. Чувства теперь глухи.
Небесной любви не будет. Это исход из рая...
Зачем ты их пишешь, Ева, неискренние стихи?*

Если вы подумаете, что речь ведётся о бездарной поэтессе с именем Ева, то можете остаться при своём мнении, так ничего и не поняв.

Мне же думается, что говорится об искренности в поэзии, поэзии-жизни, поэзии-воспоминании-о-райской-жизни. О, может быть, последнем для современного почти неверующего в Господа человечества, оплоте, где ещё должна быть правда о жизни нашей до Исхода... из Рая – о Поэзии. Причём тут израильтяне, народ царства, разделившегося в самом себе? Мы, русские, говорим о своей греховности, о вселеновеческой падшести, о смертном, страждущем возвращения к Творцу и воссоединения с ним. И единственный путь к этому через Россию, тут последние ворота из ночи к свету. Да простит меня читатель за религиозный пафос.

В finale моих размышлений о стихах и творчестве Андрея Попова прочитаю ещё несколько полюбившихся строк, говорящих поэтически просто и метафорически чётко о том, что близко и мне, и чем логично завершить наше повествование:

*«Душа моя! Какая теснота!
Вот это повод для любви и слова.
Стеснённая со всех сторон вода
Стремится вверх – ей нет пути иного...».*

Борис ЛУКИН (г. Москва),
август-сентябрь 2011 г.